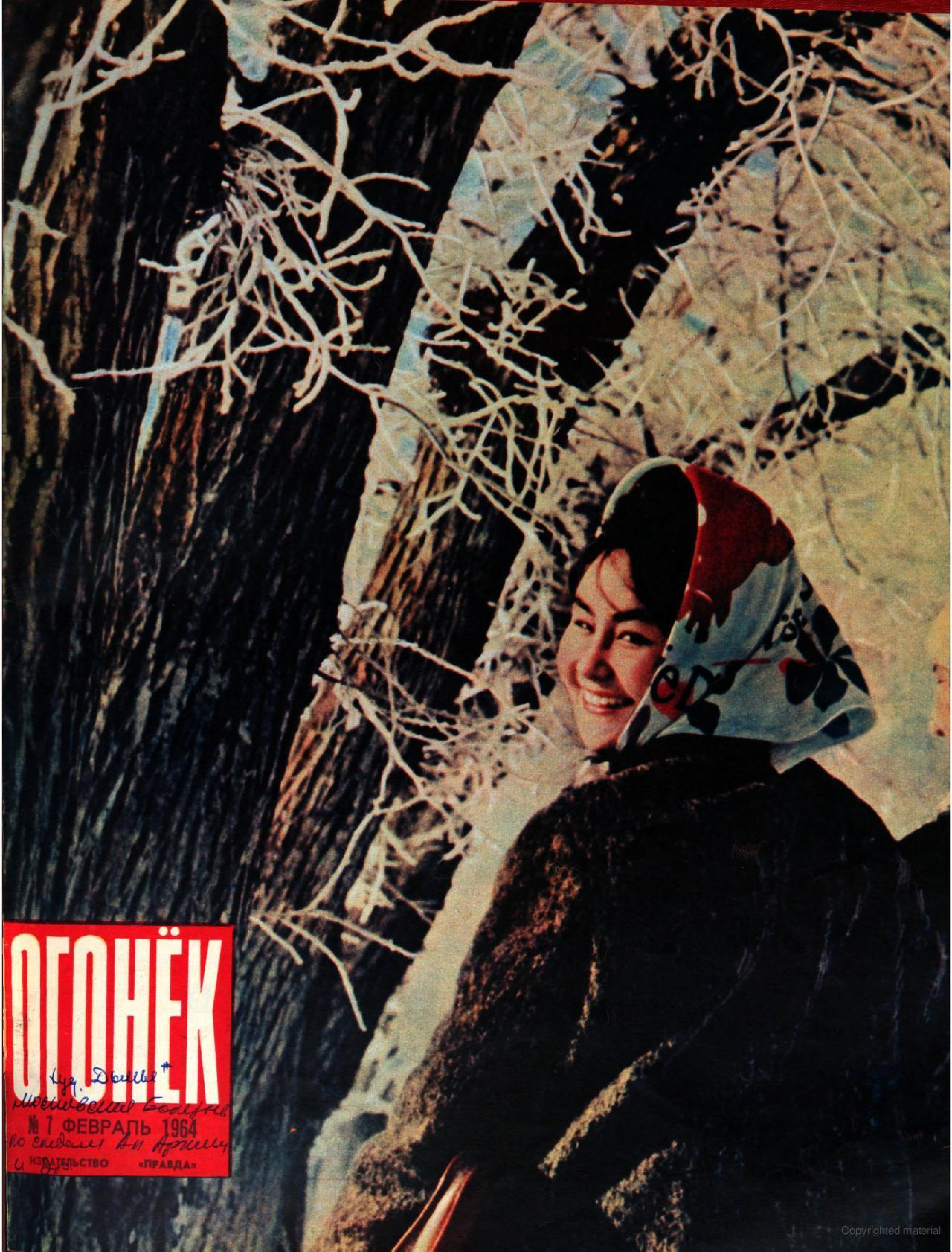

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 7 (1912)

9 ФЕВРАЛЯ 1964

Зимний этюд.
Фото М. САВИНА.

10 ФЕВРАЛЯ — ОТКРЫТИЕ ПЛЕНУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ПОСВЯЩЕННОГО ИНТЕНСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Делегаты первого съезда ударников коммунистического труда сельского хозяйства Кубани в Краснодарском НИИ сельского хозяйства.
Фото М. Скурихиной.

МАЯКИ КУБАНИ

Семьсот человек съехались в Краснодар, семьсот человек участвовали в первом съезде ударников коммунистического труда сельского хозяйства Кубани.

Здесь шел большой разговор: люди делились опытом своей работы, подводили ее итоги, намечали дальнейшие смелые рубежи. Итоги радуют: в прошлом году край дал стране 202 миллиона пудов хлеба. А планы ошеломляют размахом: земледельцы Кубани борются за то, чтобы ежегодно засыпать в закрома государства 400—450 миллионов пудов зерна. И это будет: землеробы края вооружены научными знаниями, передовым опытом.

Маяков сельского хозяйства на Кубани уже не единицы, а сотни. Всей стране известна птичница М. А. Захарчевская из колхоза «Победа» Каневского управления; Герои Социалистического Труда механизаторы В. Первицкий и В. Светличный; бригадир колхоза «Кубань» М. Клепиков. Эти люди щедро делятся своим умением с другими. За последние два года в школах передового опыта В. Первицкого и В. Светличного занимались 14 тысяч механизаторов Кубани и других областей страны.

Химизация. Орошаемое земледелие. Комплексная механизация. Многие ораторы на съезде произносили эти слова, ибо в них корень будущих успехов. Большая химия торопится на поля Кубани. Более ста тысяч тружеников села занимается сейчас в агрохимическом всеобуче края.

На съезде Краснодарскому краю было вручено переходящее Красное знамя Совета Министров Российской Федерации.

С большой признательностью встретили делегаты съезда теплое приветствие товарища Н. С. Хрущева. Оно воодушевляет всех сельских тружеников Кубани на новые трудовые подвиги.

ЛАБОРАТОРИИ В КОСМОСЕ

Запуск двух научных станций «Электрон-1» и «Электрон-2» с помощью одной мощной ракеты-носителя — новый успех Советского Союза в освоении космического пространства. О значении этого блестящего эксперимента нашему корреспонденту рассказал старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук Армен Арамович Гюрдиан.

— С помощью первых искусственных спутников Земли и космических ракет,— сказал он,— в непосредственной близости от нашей планеты были открыты мощные пояса радиации — внутренний и внешний. Таким образом, пути землян, когда они отправятся во вселенную, могут пройти через эти пояса, что требует создания эффективных средств защиты живых организмов.

Энергия протонов и электронов в околоземных поясах радиации несравненно ниже, и защититься от них легче, чем от частиц первичной космической радиации, идущей к нам из межзвездного пространства. Эти пояса радиации недостаточно изучены. К тому же состав частиц радиации в поясах, их энергия, конфигурация поясов непостоянны, беспрерывно изменяются в связи с состоянием солнечной активности, вспышками на Солнце и многими-многими другими физическими и астрофизическими явлениями. До настоящего времени полеты всех космонавтов проходили лишь по ранее разведанным животным орбитам, лежащим ниже околоземных поясов.

Новые искусственные спутники Земли — автоматические космические станции «Электрон-1» и «Электрон-2» — создают исключительно благоприятные возможности для того, чтобы, с одной стороны, в течение длительного времени параллельно изучать внутренний и внешний радиационные пояса, а с другой — их взаимозависимость с различными физическими и астрофизическими явлениями. Ведь орбиты этих научных станций проходят через внутренний и внешний пояса радиации.

Все это позволит получить весьма ценные научные данные о природе, происхождении и энергетическом спектре частиц в околоземных поясах, о пространственном расположении поясов, об их зависимости от других физических явлений.

Драматизм борьбы

Олимпийский огонь зажжен!

В. ВИКТОРОВ

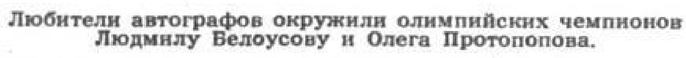
Фото Л. БОРОДУЛИНА, Б. СВЕТЛАНОВА, АП — ТАСС, ЮПИ

Инсбрук. Торжественное открытие IX зимних Олимпийских игр на стадионе Бергизель.

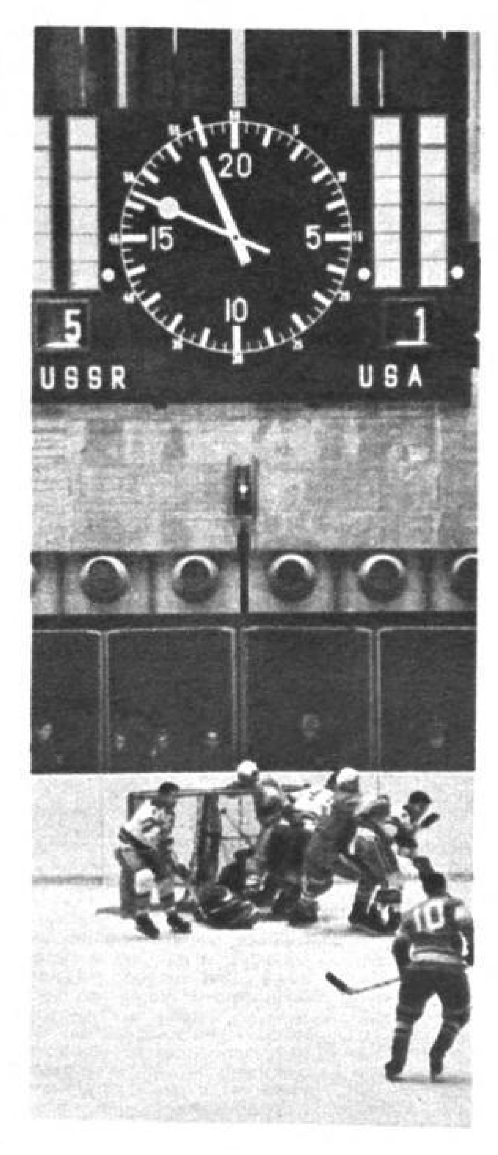

Первым поздравил Лидию Скобликову государственный тренер К. Кудрявцев.

Любители автографов окружили олимпийских чемпионов Людмилу Белоусову и Олега Протопопова.

5 : 1 — таков итог встречи хоккейных команд СССР — США.

Финский лыжник Э. Мянтюранта победил в гонках на 30 и 15 километров.

В лыжной гонке на 10 километров победила Клавдия Боярских (СССР).

Скоблинкова завоевала четвертую медаль! Эта новость переполошила весь Инсбрук.

«Невероятный рекорд! Чудо! Фантастика!» Журналисты не жалеют эпитетов в своих репортажах. Да, это был невиданный успех.

Каждый день, пока Белая олимпиада неумолимо катилась по рельсам своей программы к финишу, не раз сталкивались мы, спортсмены, журналисты и зрители, с кипучими страстями и противоборством сил, невероятными неожиданностями, опровергающими самые трезвые, математически выверенные прогнозы.

Еще до отъезда на Белую олимпиаду в Москве состоялась пресс-конференция, и на ней прозвучали удивительно точные слова: «Если бы успех в спорте можно было бы с точностью фармацевта отвесить на весах спортивной подготовки, спорт перестал бы быть тем, чем он есть сейчас. Он почти всегда откровение. Тем и хорош спорт, что он вечное торжество нового в споре со старым, неустанное движение вперед».

Сколько же откровений, неожиданных, и радостных, и печальных, промелькнуло за эти дни перед нами! Чего стоит лишь одна, поистине драматическая, борьба австрийцев за снег. Ведь без снега, в котором Тироль никогда не испытывал недостатка, Белая олимпиада — парадокс. И вот в эту зиму Австрийские Альпы остались без снега!

Люди победили. Вопреки прогнозам некоторых газет, считавших, что Белую олимпиаду придется перенести в другое место, зеефельдовская лыжня была готова принять сильнейших гонщиков мира. Вот они перед нами, великолепные лыжники Финляндии, Швеции, Норвегии. Многие годы они между собой делили все лавры, все призовые медали, но в 1954 году должны были пустить в свой строй гонщиков СССР. С тех пор и идет борьба на лыжне между нашими спортсменами и лыжниками скандинавских стран.

Ох, как не просто нарушить установленную традицию и найти лазейку в число призеров!

После первых десяти километров, казалось, у нас нет надежды. Лишь Игорь Ворончихин показывал пятое время. Но вот позади еще 20 километров, и мы видим фамилию советского гонщика первой на демонстрационном щите. Ворончихин закончил гонку, но ее продолжает финн Э. Мянтюранта, шедший предпоследним на дистанции. Он показывает лучшее время. И действительно, его финиш был великолепным. Мянтюранта занял первое место. На втором оказался норвежец Х. Греннинген, но третье место никто не мог отобрать у нашего замечательного лыжника. Два знаменитых шведа, Ассар Реннлунд и Сикстен Ернберг, ничего не смогли сделать и остались за пределами призовых мест. И как мы радовались этой бронзовой медали!

В тот день спортсмены Швеции потерпели неудачу не только на лыжне, но и на льду, где они не менее сильны. Это был день поистине драматический для шведов. Их хоккейная команда, одна из главных претендентов на золотую олимпийскую медаль, понесла тяжелое поражение от молодой канадской команды. И я, наблюдая за крахом шведских надежд, старался убедить себя, что вижу в вихревых атаках именно тех канадцев, которые незадолго до олимпиады испытывали свои силы в Москве. Тогда все мы были разочарованы их игрой, и многие были склонны к тому, чтобы исключить канадскую команду из числа большой четверки. Да и сам их тренер не скрывал своего разочарования и лишь пытался объяснить неудачу тем, что создал вопреки всем традициям сборную команду (до сих пор в крупнейших соревнованиях в Европе канадцы выступали клубами). Потом поползли слухи, что канадцы вызвали на подмогу какую-то сильную тройку, не рассчитывая на себя. И вот, оказывается, они отлично справляются и без этой подмоги...

В перерыве между двумя периодами я побеседовал с тренером сборной команды СССР Анатолием Тарасовым. Он со скрупулезной внимательностью наблюдал за происходящими матчами. Об этом достаточно красноречиво говорил его блокнот, заполненный записями. Ведь была еще одна драматическая коллизия. После долгих неудач сборная команда СССР наконец-то нашла себя и завоевала первенство мира на Стокгольмском чемпионате 1963 года. Наша команда сумела сохранить боевую форму до нынешнего олимпийского сезона. Позади триумфальное турне по США, победа во всех встречах, проведенных в Европе. Спортивные обозреватели всех газет в один голос предсказывают победу советским хоккеистам в Инсбруке. Но все это не радует, а тревожит тренеров команды. И они не жалеют сил, чтобы убедить своих питомцев в том, что за этими похвалами таится величайшая опасность — самоуспокоение. Как же преградить путь этому сладкому яду? Как держать команду в тревоге, в ожидании трудной борьбы, а не триумфальной прогулки к пьедесталу почета? Вот чем сейчас заняты в первую очередь и старший тренер команды Аркадий Иванович Чернышев и Анатолий Владимирович Тарасов.

И вот перед нами канадцы, которых так легко было победить в Москве. Они отбрасывают в сторону шведов. А нам предстояло в это время решить задачу с двумя неизвестными. Американцы, которые принимали у себя сборную команду СССР, не дали ей возможность встретиться с их олимпийской сборной. Каковы сейчас силы американцев? На этот вопрос можно было получить ответ лишь на ледяном поле. И мы его получили, добившись победы, правда, не без труда.

Но после этого следовало решить еще одну задачу: установить, каков боевой потенциал другой команды — Чехословакии? Это одна из самых наших грозных соперниц, и с ней тоже не удалось встретиться после чемпионата мира в Стокгольме.

— В олимпийской деревне мы добрые соседи с чехословаками,— говорил мне Тарасов.— Да и вообще мы друзья. А вот на льду встречаемся редко. И схватки наши бывают исключительно упорными. Я вчера встретил тренера чехословацкой команды. Говорю ему в шутку: «Давай раскроем карты. Я расскажу тебе, как мы будем играть с вами, а ты расскажи нам о своих планах». В ответ я получил приглашение провести вечерок за пивом, а карты мой коллега обещал раскрыть на льду олимпийского стадиона...

На следующий день я снова увидел Тарасова во время матча, и, что самое удивительное, он умудрялся почти стенографировать встречу Чехословакии и СССР! Этот матч был полон предельного напряжения. От его исхода зависела, по существу, судьба золотых медалей. В то время, когда Аркадий Чернышев дирижировал ходом игры, бросая в бой тройку за тройкой, Тарасов в грохоте и реве зала ухитрился точно записывать все коллизии этого соревнования.

Спортивным болельщикам, туристам, приехавшим в Инсбрук, чтобы увидеть все воочию, без помощи журналистов, пришлось нелегко. Как объять необъятное? Как одновременно оказаться и на лыжной гонке, и на ледяной дорожке, и на скоростном спуске, и на фигурном катании? Сколько сомнений! Каждый день насыщен событиями.

В Зеефельде советские лыжницы еще раз блистательно доказали свои силы, заняв в гонке на 10 километров первые места. Клавдия Боярских, Евдокия Мекшило, Мария Гусакова не оставили на этом пьедестале места шведским, финским и норвежским лыжницам. Но они не оставили привычного места на этой трибуне и Алевтине Колчиной. Наша сильнейшая гонщица, давно уже не знающая поражений в международных гонках, никак не может завоевать олимпийскую медаль. На олимпийской лыжне и в Кортина д'Ампеццо и в Скво-Вэлли она оказывалась четвертой, и вот ее постигает новая неудача. На сей раз Колчину подвели крепления, и она должна была отказаться от борьбы за призовое место.

Неудачу потерпел в двоеборье и другой признанный фаворит лыжни, немец Георг Тома. После прыжков он имел лучший результат, а после гонки на 15 километров оказался лишь третьим.

Зато большого успеха добился молодой ленинградец, воспитанник кавголовской лыжной школы Николай Киселев. Серебряная медаль в такой борьбе — это большая победа!

Но самую невероятную победу, по мнению австрийцев, советские спортсмены одержали в фигурном катании. Людмила Белоусова и Олег Протопопов стали героями IX Белой олимпиады. Они продемонстрировали в день ее открытия такое блистательное по технике и стилю катание, что отодвинули на второе место прославленных фигуристов ФРГ Марику Килиус и Г.-Ю. Боймлера. И в то время, когда на пьедестал почета поднимались советские спортсмены, в кулуарах олимпийского стадиона лихорадочно собирались и прятались открытки, выпущенные в Западной Германии для продажи в Инсбруке. На этой открытке была изображена немецкая пара, а внизу стояла подпись: «Чемпионы IX Белой олимпиады». Так еще раз ошиблись спортивные фармацевты.

Двенадцать дней, до краев насыщенных трудностями и горестями, надеждами и разочарованиями, подходят к концу. Когда пишутся эти строки, мы еще не знаем многого, но твердо уверены в одном, что советская команда окажется победителем в этих крупнейших соревнованиях. Знаем мы также и то, что с какими бы результатами ни кончились Олимпийские игры, они еще больше укрепят дружбу и сотрудничество спортсменов всего мира. А это главное!

Инсбрук.

По телефону.

Сьокке Дийкстра (Голландия) — олимпийская чемпионка в одиночном фигурном катании.

Трудную победу в соревнованиях по биатлону одержал советский спортсмен Владимир Меланин.

ПУТЬ К РАЗОРУЖЕНИЮ

Мир внимательно следит за работой Комитета 18 государств по разоружению. Новую надежду дал миру документ, представленный Советским правительством на рассмотрение Комитета в Женеве,— меморандум «О мерах, направленных на ослабление гонки вооружений и смягчение международной напряженности».

На днях делегация сторонников мира посетила в Женеве сопредседателей комитета С. К. Царапкина (СССР) и У. Фостера (США) и передала им личное письмо президента-исполнителя Всемирного Совета Мира Дж. Бернала и текст «Призыва к действиям», принятого варшавской сессией ВСМ. Среди тех, кто вручал эти документы, была член президиума ВСМ Изабелла Блюм. Телефонная линия соединила нас с Брюсселем. У аппарата Изабелла Блюм.

— Группу сторонников мира приняли главы делегаций стран, принимающих участие в работе Комитета 18-ти,— говорит она.— Голос миллионов, борющихся за прочный мир и всеобщее разоружение, был услышан в Женеве. Бросается в глаза атмосфера работы комитета: деловая, обещающая результаты. С огромным интересом был встречен в Женеве советский меморандум. На меня большое впечатление произвел реализм советских предложений. Они указывают путь к разоружению. Самая сильная сторона советского плана — это его конкретность, его точные и осуществимые предложения. Они дают прочную основу для переговоров и соглашений.

На снимках: С. Царапкин и У. Фостер.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Недавно в Каире проходила арабская конференция, в работе которой приняли участие главы 13 государств и палестинская делегация. Инициатором конференции был президент ОАР Насер. Важнейший итог переговоров — нормализация и улучшение отношений между арабскими государствами.

На снимке: участники конференции в Каире.

l'Unità

В эти дни трудовой люд Италии отмечает юбилей своей любимой газеты «Унита». Сорок лет газета итальянских коммунистов изо дня в день ведет борьбу за права народа, за мир, за счастье, за социализм.

ЗЕМЛЯ И КОСМОС

НЕТ – КОЛОНИАЛИЗМУ!

ЗАНЗИБАР

На повозке — мешки с гвоздикой. Снимок сделан на «острове пряностей», Занзибаре. Но сегодня к запаху гвоздики здесь примешивается запах пороха.

В декабре прошлого года Занзибар стал независимым. Колониальному владычеству Англии, установленному в XIX веке, пришел конец. Но это не было полной победой патриотических сил страны: у власти еще находились ставленники колонизаторов. В середине января народное движение смело власть султана. Сейчас Занзибар — самая молодая республика в мире. Наши снимки знакомят читателей с руководителями Занзибара—президентом республики Абейдом Каруме и

фельдмаршалом Джоном Окелло. И еще один снимок — старая марка Занзибара, на которой крестом перечеркнуто изображение султана. Занзибарцы перечеркнули свое колониальное прошлое. Однако Занзибару еще угрожают происки колонизаторов. Действия Великобритании в Восточной Африке свидетельствуют о реальности этой угрозы.

Предки этих английских солдат когда-то держали в повиновении огромную Британскую империю. Давно миновали те дни. Но британский империализм зубами держится за последние остатки колониальных владений. Английских солдат посылают теперь всюду, где британское правительство надеется сохранить или возвратить колонии.

Снимок, изображающий солдат на границе между Аденом и Йеменом, сделан в начале января. А в конце января пришло короткое телеграфное сообщение: «Колонна английских войск, пытавшаяся проникнуть в Йемен со стороны Бейхана (Аден), полностью разбита египетско-йеменскими войсками. Захвачены большие трофеи».

Два других снимка сделаны далеко от Адена. Один — в джунглях Борнео, где британские империалисты безуспешно пытаются потушить пламя национально-освободительной борьбы патриотов. Второй запечатлел «томми» на Кипре.

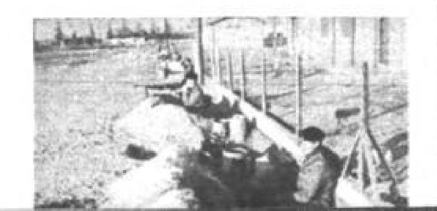
АДЕН

БОРНЕО

КИПР

НАТО УГРОЖАЕТ

ПАНАМА

Американские космонавты (те, кто уже летал в космос, и те, кто еще только готовится к этому) едят шашлык из дикой свинины. Мирная картина. Но одна маленькая деталь. Шашлык поглощается не для удовольствия. Он часть тренировки для «действий в джунглях», которую проходят космонавты на военно-воздушной базе США Албрук. Расположена она в Панаме. Никто не возражает против шашлыков. Но лучше их есть на своей территории. А коли в гостях, то только в том случае, господа американские

Всюду раскрываются сердца «Чайке». На этом снимке вы видите Валентину Николаеву-Терешкову среди женщин Аккры, столицы Ганы, где она побывала недавно. Наших космонавтов встречают за рубежом улыбки: ведь они посланцы страны, которая борется за мир и дружбу.

Эти камеры, установленные на американском космическом корабле «Рейнджер-6», должны были сделать снимки Луны с близкого расстояния. Однако, как сообщает агентство ЮПИ, «лунный эксперимент закончился неудачей, так как телевизионная аппаратура не сработала».

НЕОФАШИЗМ

Такую листовку распространяли американские нацисты, легально действующие в США, среди своих соотечественников. В листовке говорилось: «Большую часть своей жизни я думал, что нацисты — преступники и убийцы. Затем я выяснил, что нацисты — это люди, которые верят в РАСУ, как большинство американцев, в ПАТРИОТИЗМ, как большинство американцев, в АНТИКОММУНИЗМ, как большинство американцев, и в христианскую цивилизацию, как большинство американцев». Американцы, которые получили по почте эту листовку, заявили протест почтовому ведомству против распространения грязной стряпни гитлеровских последышей.

Пока на Кипре находятся только английские войска. Но киприотам ныне грозит вторжение соединенных сил колонизаторов — участников агрессивного блока НАТО. На лондонской конференции (снимок слева) империалисты пытались добиться от киприотов согласия на размещение у себя войск НАТО. Но правительство Кипра отвергло эти притязания. Народ Кипра готов защищать свою землю от агрессоров. Национальные столкновения на Кипре — это результат происков иноземных врагов Кипра. Киприоты сами могут решить свои внутренние дела. Второй снимок, который мы печатаем здесь, показывает представителя кипрского правительства, который распределяет продовольствие среди турецкого населения деревни Айя Марина.

ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ

Мы получили эту фотографию от иностранного фотоагентства. Слева — портрет нового американского ставленника в Южном Вьетнаме, Нгуена Кханя, а справа — пустое место. Американские империалисты уже второй раз на протяжении последних месяцев «меняют лошадей» в этой стране. Официальные лица США напрасно открещиваются от своего участия в перевороте. Корреспондент американской газеты «Дейли ньюс» сообщил из Сайгона: «Нгуен Кхань тайно информировал американские власти в Сайгоне о своем заговоре с целью захвата власти; он сделал это по крайней мере за неделю до того, как осуществил свой замысел». Но и новый переворот не станет для империалистов США переломным пунктом в борьбе с южновьетнамскими патриотами. Марионетка Кхань потерпит неудачу, как и его предшественники. Хозяевам придется искать себе нового слугу. Справа от Кханя — пустое место...

космонавты, если хозяева звали вас. А судя по снимку слева, сделанному в столице Панамы во время антиамериканской демонстрации, хозяева этой страны вас вряд ли приглашали.

Два фото лаконично поясняют, почему США перестали разбираться в вопросе, кто гость, а кто хозяин. Внизу — типичные условия, в которых живут 36 тысяч американцев, колонизировавших Панаму. Десять обычных военных баз, две военно-воздушные и одна военно-морская расположены в зоне Панамского канала. Вверху — условия для панамцев. Житель Панамы, работающий в зоне канала, в среднем получает зарплату, в четыре раза меньшую, чем американец.

ЯПОНИЯ

А за много тысяч километров от Панамы, на противоположном берегу Тихого океана, снова и снова слышен голос японских трудящихся: «Нет самолетам — носителям ядерных бомб «Ф-105»!», «Американцы, убирайтесь домой!». Людское море бушует у ворот американской военной базы Йокота.

Репортаж о цепной реакции можно было бы начать, что называется, с заключительного звена, с одной из «правнучек» академика К. П. Персидского — студентки 4-го курса механико-математического факультета Казахского университета Батимы Часакбай. Тем более, что фотография ее — на обложке этого номера. Но мы поведем рассказ по порядку...

Вл. КРУПИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Сразу оговоримся. Речь пойдет не о ядерной физике, хотя атомникам Казахского государственного университета — КазГУ — есть чем похвастать. И не о химии. Хотя, как сдержанно выразился на вечере по случаю тридцатилетия КазГУ декан химфака Б. Беримжанов, и у химиков есть кое-какие достижения. Назовем лишь одну цифру — 33. «Тридцать три богатыря», тридцать три кандидата-химика вышли на широкий берег науки с одной только кафедры катализа.

Речь пойдет о цепной реакции в науке вообще. В математике в частности. В системе подготовки кадров в особенности. А попросту говоря: о человеческой цепной реакции. Если, конечно, так можно выразиться.

В канун нового года я беседовал с Михаилом Тихоновичем Козловским, профессором университета и действительным членом АН Казахской ССР. Говорили о разном — о циклонной плавке каратауских фосфоритов и о новых стимуляторах растений, созданных учеными республики. Разговор наш прервал телефонный звонок. Академик вышел в коридор, и я услышал его взволнованный голос.

— И передайте привет всем моим сыновьям! — обрадованно сказал он кому-то.

Когда академик вернулся в комнату, я не сдержал любопытства. Михаил Тихонович улыбнулся.

— Звонил мой аспирант. Он и еще два моих ученика только что вернулись из Горького. Выступали с докладами на научной конференции. Много ли у меня таких сынов? С десяток, пожалуй, наберется. Вот у Константина Петровича Персидского, у того не только сыновья, но внуки и правнуки есть...

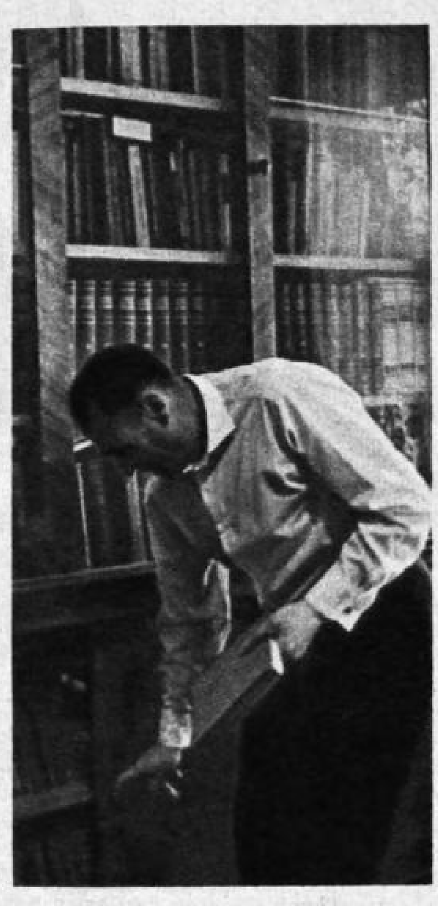
Так я узнал о цепной реакции академика Персидского.

...Он математик. Выпускник прославленной Казанской школы. Внес большой вклад в математическую теорию устойчивости движения и еще в тридцатилетнем возрасте стал профессором Казахского университета. В сороковом году молодой ученый приехал в Алма-Ату, чтобы помочь респуб-

Академик Константин Петрович Персидский.

А у В. Харасахала свои «сыновья»: Давлет Умбетжанов, его ученик.

Старший инженер линейного ускорителя Танат Елеманов. Он тоже учился у К. Персидского. Физику без математики шагу ступить нельзя...

Один из «сыновей» академика — В. Харасахал.

Вычислительный центр КазГУ. У электронной машины — аспирантка Роуза Алимжанова и инженер Александр Гуляев. Это уже «внуки» К. Персидского.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

А это олимпийцы — будущие Соболевы, Келдыши, Ляпуновы...

Мария Сатыбалдина

Марат Джумадилов.

Сергей Федоров.

Манехон Кадырбекова.

лике готовить специалистов. Был он тогда первым и единственным профессором КазГУ.

— Много ли может сделать один человек в науке?

Ректор университета доцент Аскар Закарин, не раздумывая, отвечает:

— Много. Особенно, если сам увлечен и других за собой увлекает. Крупный ученый быстро обрастает плеядой учеников, которые продолжают идти его путем, открывают новые дороги и тянут на свою орбиту уже десятки исследователей.

Назвать имена всех, кто вышел из-под крыла Персидского, с руководимой им кафедры дифференциальных уравнений, конечно, невозможно. Здесь учился украинский академик Ю. Митропольский, директор Института математики АН УССР. Здесь защищал диссертацию казахский академик О. Жаутыков. Мы найдем питомцев КазГУ в Караганде и Ленинграде, Москве и Новосибирске. Двадцать четвертый год преподает Константин Петрович в КазГУ. Двадцать четвертый его аспирант, М. Тулегенов, стал недавно кандидатом физико-математических наук. Другой ученый из числа многих «сыновей» академика, В. Х. Харасахал,— «без пяти минут» доктор наук. Статья, излагающая его мысли, опубликована в «Докладах Академии наук СССР», а представлена она к печати самим академиком С. Л. Соболевым. О чем эта диссертация? Еще в 1932 году академик А. А. Андронов поставил перед математиками задачу: найти общий вид решений одной системы линейных уравнений. Эту проблему решил В. Харасахал.

Ученик Харасахала — Давлет Умбетжанов. Это уже «внук» Персидского. Он тоже только что завершил работу над диссертацией, пока, правда, кандидатской. Умбетжанов, старший преподаватель мехмата, читает лекции «правнукам» академика — нынешним студентам университета. А «правнукам», как говорится, несть числа.

— Вот они, наши олимпийцы! — Хасан Ибрашев, декан мехмата, приоткрыл дверь в аудиторию. Там сидели и сосредоточенно внимали лектору обыкновенные мальчишки и девчонки.— Олимпийцы! — с явным удовольствием повторил Ибрашев.— В прошлом году мы провели республиканскую математическую олимпиаду. В первом туре участвовали тысячи. Во втором — уже только 1 240 человек. К третьему туру, в Алма-Ату, добрались лишь сто шестнадцать. Старшеклассники, победители олимпиады, и составили костяк первого курса. Что нас радует — это неплохой уровень подготовки школьников не только, скажем, в Алма-Ате, но и на периферии. Вот Сауле Садыкова из Семипалатинска. Завоевала первую премию на олимпиаде. Фарида Губайдуллина, третий призер,— из Кзыл-Орды. А Марат Джумадилов приехал учиться из села Кучалы.

Цепная реакция продолжается...

* * *

Десять тысяч специалистов — математиков, биологов, юристов, почвоведов, историков, филологов, географов — дал народному хозяйству за свои тридцать лет Казахский университет имени С. М. Кирова.

Поначалу КазГУ теснился в здании старой гимназии. Тогда 50 студентов двух его факультетов ютились в одной комнате. Как только университет «подрос», правительство республики уступило ему свой дом. Но и там скоро стало тесно. Построили здание для физико-математического факультета. Факультет тоже быстро вырос и разделился на два — физический и механико-математический. Затем появился собственный вычислительный центр КазГУ. Конечно, «Минск» — вполне современная электронная машина. Но одной ее еще мало. Хорошо бы где-то разместить «Урал» да и счетную технику попроще. Почему я говорю об этих нуждах университета? Да потому, что они вообще-то характерны для нашего времени, и не только для быстрорастущего КазГУ. Это ведь тоже цепная реакция...

Для славы Родины

К 60-летию со дня рождения В. П. Чкалова

«Небывалый перелет советских летчиков!», «Новый мировой рекорд беспосадочного полета!» — под такими заголовками 20 июня 1937 года газеты всех стран печатали сообщения о перелете В. П. Чкалова и его друзей Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова из Москвы в Ванкувер (США) на самолете «АНТ-25» конструкции А. Н. Туполева. За 63 часа 25 минут Чкалов и его экипаж преодолели расстояние в 12 тысяч километров — по тем временам достижение невиданное.

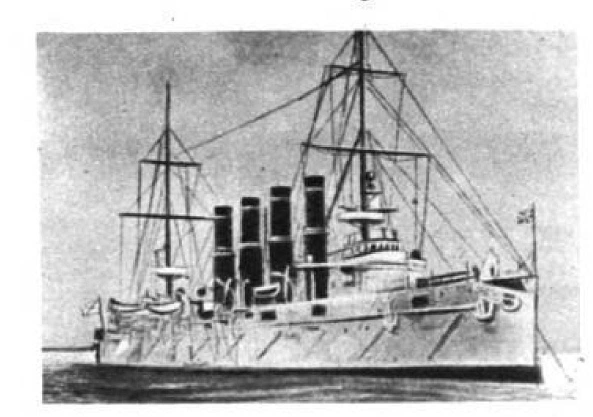
Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов, выдающийся, талантливый летчик, многое сделал для развития отечественной авиации, для славы Родины. Валерий Павлович не только совершал рекордные перелеты, но и с изумительной смелостью и мастерством испытывал в воздухе новые конструкции самолетов.

Бесстрашный летчик погиб 15 декабря 1938 года при испытании нового истребителя. Его героическая жизнь служила и служит примером для советских авиаторов. Во время Великой Отечественной войны наши летчики совершали беспримерные подвиги, стараясь походить на Валерия Павловича. Виктор Талалихин протаранил над Москвой немецкий бомбардировщик. Николай Гастелло направил свою горящую машину в немецкую автоколонну и уничтожил ее. Трижды Герои Советского Союза Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, сбивая фашистские самолеты, летали по-чкаловски.

И в наши дни советская молодежь стремится походить на замечательного летчика. Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, тезка Чкалова Валерий Быковский вспоминают о нем как о герое своих юношеских мечтаний.

•

«ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ НАШ ГОРДЫЙ «ВАРЯГ»

Крейсер «Варяг».

Шестьдесят лет прошло с того памятного дня, когда крейсер «Варяг» и небольшая канонерская лодка «Кореец» вступили в единоборство с японской эскадрой: четырнадцать кораблей — шесть крейсеров и восемь миноносцев — против одного «Варяга» («Кореец» в счет не идет, так как боевого значения почти не имел).

Час длился неравный морской бой. Когда командир «Варяга», капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев, убедился в том, что прорваться сквозь вражеский строй нельзя, он умелым маневром вышел из боя. С тяжелыми потерями, но непобежденным вернулся «Варяг» на прежнее место якорной стоянки.

Настали тяжелые минуты прощания с любимым кораблем. На мачте израненного «Варяга» взвился международный сигнал «Терплю бедствие». По морским законам это означало, что враг не может пленить команду судна. Вот уже все люди перебрались на иностранные корабли. Трюмный старшина отсеков Федор Семенов со своими товарищами открывает кингстоны. Вода хлынула в трюмы, и крейсер медленно погрузился в пучину.

Не стало «Варяга». Но он не забыт! Народ бережно хранит память о нем, память о подвиге славных русских моряков.

Как сложилась дальнейшая судьба «Варяга»? Поднятый японцами и восстановленный ими, крейсер некоторое время плавал под именем «Сойя». В 1916 году он был продан России. И снова крейсеру присвоили славное имя «Варяг».

Но ему не повезло. Во время возвращения на родину крейсер изрядно потрепало в океане. «Варяг» был отправлен в Англию на ремонт. Это было в 1917 году.

В Ливерпуле, где стоял «Варяг», революционно настроенные матросы подняли на корабле красный флаг. Тогда последовал приказ английских властей: флаг сорвать, а команду, охранявшую крейсер, арестовать. «Варяг» был объявлен собственностью военно-морского флота Великобритании.

А дальше свершилось непонятное. Англичане объявили в печати, что крейсер потоплен в Северном море немецкой подводной лодкой. Хочешь верь, хочешь нет! Во всяком случае, были основания сомневаться в этой версии.

Несколько лет назад в Центральном военно-морском архиве был обнаружен интересный документ — датированная 23 июня 1918 года телеграмма русского военно-морского атташе на запрос Генерального штаба о судьбе «Варяга»: «Сведения не верны. Корабль стоит в одной из бухт».

Так до сего времени осталась неизвестной судьба «Варяга».

Что же касается отважных матросов с легендарного корабля, то, вернувшись домой в Россию, они принимали участие в Октябрьской революции.

Немногие из них дожили до наших дней. Всего три месяца назад умер бывший машинист «Варяга» Степан Давыдович Крылов. Это он в 1905 году поднял флаг восстания на трубе завода «Гужон», за что и был арестован царской охранкой. Коммунист Крылов — организатор Советской власти в своем селе, один из первых председателей сельсовета, двадцатипятитысячник, командированный партией в Туркмению, и, наконец, участник Великой Отечественной войны, добровольно пошедший на фронт в свои 64 года.

Здравствует поныне Дмитрий Степанович Залидеев. Тридцать лет он работал председателем колхоза в Псковской области.

Сегодня двойной праздник у старейшего по возрасту варяжца — Федора Федоровича Семенова, того самого трюмного старшины, что открыл кингстоны на «Варяге»: он отмечает шестидесятилетие боя «Варяга» и 90 лет со дня рождения.

В гражданскую войну Семенов боролся с белогвардейскими бандами и интервентами на Украине, Кавказе, в Крыму. В 1924 году организовал хлопководческий совхоз в Голодной степи, где работал более тридцати лет. Сейчас он живет в Ташкенте. Несмотря на преклонный возраст, Федор Федорович бодр и активно занимается общественной работой.

Русский народ, воспев «Варяга» в песнях, будет вечно хранить память о подвиге моряков легендарного крейсера.

В. МАКСИМЕНКО,
полковник в отставке

Впервые в истории человечества В. П. Чкалов, А. В. Беляков и Г. Ф. Байдуков совершили беспосадочный перелет из Москвы в Соединенные Штаты Америки через Северный полюс. На снимке: встреча экипажа самолета на Белорусском вокзале. Слева направо — Н. С. Хрущев, В. П. Чкалов, Б. И. Россинский, О. Э. Чкалова.

Москва приветствует героев-летчиков.

Фото В. ТЕМИНА.

1

2

3

4

1

Сцена из спектакля «Гуси-лебеди».

2

Секретарь-машинистка Валентина Яковлева — солистка эстрадного ансамбля «Улыбка».

3

Танцевальный коллектив исполняет русский танец «Барыня».

4

Перед началом концерта.

5

Слесарь Леонид Троицкий — солист эстрадного ансамбля «Улыбка».

6

Сцена из балета «Эсмеральда» в постановке народного театра.

Фото М. САВИНА.

5

6

ИСКУССТВО ЗА КАЖДОЙ ДВЕРЬЮ

Все билеты были распроданы задолго до начала спектакля и не достались многим, хотя в зрительном зале почти тысяча кресел. В тот вечер тагильцы смотрели балет «Эсмеральда» в постановке народного театра Дворца культуры вагоностроителей. Это уже пятая крупная работа театра. После каждого акта долго не смолкали аплодисменты.

За кулисами мы познакомились с исполнителями. Эсмеральда оказалась регистратором заводской поликлиники Луизой Поляковой, надменная Флер де Лис — оператором цеха Машей Хакимджановой. Цыганка, порадовавшая всех темпераментным танцем, — техник-строитель Наташа Лопатенко.

Вот снимает свой горб и грим Квазимодо. И перед нами — стройный, красивый парень, конструктор Виктор Гудков. Он руководит танцевальным коллективом Дворца культуры. В заводской самодеятельности Виктор выступает с 12 лет. Теперь он не только популярный артист, непременный участник всех балетных спектаклей, но и постановщик. Его танцы «Зимушка», «Петухи», «Шла девица за водой» пользуются большим успехом у зрителей.

Дворец вагоностроителей стал настоящим цехом культуры завода. Идешь по бесконечному коридору дворца, и за каждой дверью слышатся песни, декламация, музыка... Здесь работает 38 самодеятельных коллективов, в которых участвуют 1 600 человек.

Драматические актеры репетируют свой последний спектакль, горьковских «Мещан». В этой постановке техник Александра Павловна Зеленская готовит роль Акулины Ивановны, свою сотую роль. Четверть века в самодеятельном искусстве! Во дворце готовятся торжественно отпраздновать этот юбилей самодеятельной артистки.

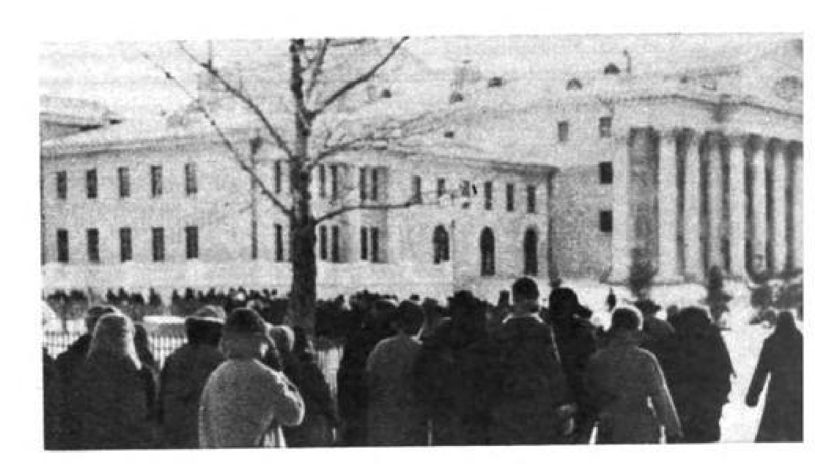
У хора ветеранов труда, пенсионеров, свой репертуар — революционные песни... А в соседней комнате занимаются самые юные — детская музыкальная хоровая студия. Что сейчас поют? Конечно, любимую песню «Пусть всегда будет солнце». Есть во дворце и кукольный театр «Капелька» и детская опера. Ребят в заводской самодеятельности, пожалуй, больше, чем взрослых, и на их спектакли валом валят юные зрители.

Популярен у вагоностроителей и эстрадный ансамбль «Улыбка». Его выступлений ждут, как праздника, и уж в зале тогда яблоку негде упасть. Особенно если поет всеобщий любимец — слесарь Леонид Троицкий и демонстрирует свое мастерство Владимир Брезе — жонглер, эквилибрист на проволоке... Много раз приглашали этого талантливого человека на профессиональную сцену. Не пошел: инженер-конструктор не может расстаться с любимым делом.

Вечерами тысячи вагоностроителей приходят в ярко освещенный белокаменный дворец.

А. ГРИГОРЬЕВ

Лида Тинякова и Женя Бодрова готовятся к спектаклю «Эсмеральда».

У Дворца культуры Уралвагонзавода.

ОГОНЁК

Приглашение к путешествию

Дорогие читатели! «Огонек» приглашает вас в путешествие по стране тысячи сокровищ. Чтобы попасть туда, не надо пересекать моря и океаны, пробираться через пески пустынь, преодолевать огромные воздушные пространства.

Химия — так зовется чудесная страна. Вот по ее дорогам мы и предлагаем совершить путешествие. Поможет в этом «Краткий путеводитель» — тетрадь по науке. Примерно раз в месяц листки из такой тетради будут появляться в журнале. Вы их сразу найдете — наши художники постарались сделать их заметными.

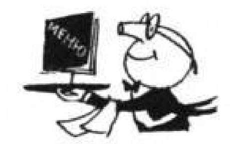
В «Путеводителе» по стране тысячи сокровищ выступят крупные советские ученые, специалисты химической промышленности, журналисты.

Беседа с академиком С. И. ВОЛЬФКОВИЧЕМ

Для жатвы

«МЕНЮ» ПО ЗАКАЗУ

Говорят, в капле воды можно увидеть океан.

Невзрачный камень лежит у меня на ладони. Его привезли с Кольского полуострова. Не искрится он, не переливается в гранях, не шлифуют его ювелиры. Но он дороже многих драгоценных камней. За этим камешком мне видятся тугие колосья пшеницы и белоснежные коробочки хлопка. Это апатит — основа фосфорных удобрений.

«Производство удобрений — это сейчас основа основ подъема сельского хозяйства»,— сказал Н. С. Хрущев.

Заметим, к примеру, что внесение 35 миллионов т. удобрений в почву равносильно появлению на земном шаре новой обширной земледельческой страны с посевной площадью 70—80 миллионов гектаров.

Удобрения не безлики. Каждое действует по-своему: одни повышают сахаристость, другие увеличивают содержание белковых веществ, третьи — масла, иные улучшают вкус плодов.

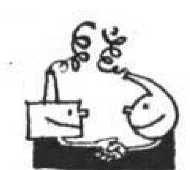
Прямая обязанность химиков, чтобы агроном получал «меню», укомплектованное по заказу, чтобы оно приходило с заводов, точно известное по составу.

Как избавиться от примесей в удобрениях — сульфате аммония или суперфосфате,— от балласта, на долю которого приходится до 80 процентов веса? Получается, что из десяти эшелонов с удобрениями восемь движутся без толку. Примеси не только бесполезны, но иногда даже вредны.

На заводах уже получают концентрированные удобрения, содержащие пятьдесят, шестьдесят и более процентов полезных веществ. А в будущем, надеемся, самом скором, зерно будут сеять вместе с комплексными удобрениями. В них весь набор химии для сельского хозяйства: микро- и макроэлементы питания, стимуляторы роста, гербициды, ядохимикаты и другие биологически активные вещества. Такие препараты уже изготовлены в лабораториях, но пока их еще нет в промышленности. Надеемся скоро порадовать ими полеводов и животноводов.

Скоро будет придумано еще много нового. Но все это, так сказать, «деликатесы». Основные блюда — все те же добрые, старые, хорошо испытанные удобрения. Их нужно больше производить и разумно, правильно применять.

«И — И»

Азот — основная пища растений. Для нормальной «работоспособности» полей его нужно очень много. Ежегодно из почвы земного шара уходит 100 миллионов тонн этого элемента. И только 20 миллионов тонн возвращается обратно с удобрениями.

Есть два пути «заманить» азот в землю. Один — промышленный. В больших сложных цехах при высоких температурах и давлениях, при воздействии катализаторов синтезируют аммиак.

Второй — биологический. Азот из воздуха добывают бактерии. За год на одном гектаре земли они могут накопить более ста килограммов азота.

Первый способ — это миллионные затраты на строительство новых заводов и перевозку удобрений. Широкое производственное применение второго зависит от научных исследований. Нужно раскрыть, как микроорганизмы и выделенные из них ферментные системы связывают азот воздуха, расшифровать химизм этого явления, воспроизвести его по воле человека. Над этим работают ученые во многих лабораториях.

Первый путь надежнее, проще, второй — перспективней. Каким идти?

Думаю, путем, который на языке логических машин называется «И—И». И заводы строить и исследования расширять. В тот день, когда земледелие переключится на подкормку азотом воздуха, заводам синтетического аммиака найдется другая работа.

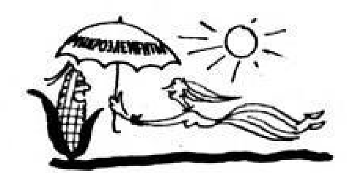
Удобрение — главное. Но это еще не все.

Кое-кто рассуждает так: «Стоит только выстроить десять, пятнадцать, нет, пятьдесят, сто заводов минеральных удобрений, и через год затучнеют поля, невиданно заколосятся нивы, и благодать изобилия низойдет в закрома».

Не так все просто. Хочу привести слова, которые любил повторять основатель советской агрохимической школы академик Дмитрий Николаевич Прянишников: избыток удобрений не заменит недостатка знаний. Наступление идет по гигантскому фронту. Без «науки побеждать», без подтягивания тылов, без хорошо налаженного взаимодействия всех видов научного и технического оружия полной победы не будет.

Родов оружия много: удобрения, микроэлементы, ядохимикаты, гербициды...

ЗАСУХА И ФЕЯ

Тем летом трава не удалась: была она жухлая, вялая. Понуро бродили по полю тощие коровы. Сокрушенно вздыхали колхозники.

Однажды случилось чудо. Вдоль луга протянулась полоса сочной, изумрудной зелени. Словно фея прошла по умирающей траве.

А была не фея. Был рабочий, который отправился домой, не сняв спецовки. Срезал он кусок пути, прошелся лугом, и упали на землю крохотные пылинки молибденовой соли...

Есть элементы, необходимые организму в очень малых количествах. Их называют микроэлементами. Бора, молибдена, марганца, меди, цинка, йода необходим наперсток для введения в рацион множества людей, животных и растений.

Микроэлементы часто называют витаминами полей. Определение это неточное, но аналогия с витаминами справедлива. Некоторые микроэлементы входят в состав витаминов. Микроэлементы, как и витамины, помогают растениям усваивать пищу.

Что такое засуха? Девять из десяти ответят вам: растения умира-

ЯНТАРНЫЙ ЭЛИКСИР

Комбинат на берегу Балтийского моря в Калининградской области славен на весь мир поделками из янтаря — солнечного камня. Но с недавнего времени этим комбинатом заинтересовались работники сельского хозяйства. Дело в том, что из отходов янтаря, которые раньше выбрасывались, тут стали производить кислоту, идущую для нужд сельского хозяйства.

Опыты ленинградских ученых показали, что обработка семян янтарной кислотой повысила их стойкость к заморозкам, сделала менее чувствительными к засухе. Когда собрали урожай моркови, семена которой до посева были выдержаны определенное число дней в янтарной кислоте, выяснилось, что не только урожай несколько повысился, но и морковь стала лучше, с повышенным содержанием каротина. Обработанные

Вы узнаете, как химия помогает выращивать урожай; какие новинки искусственных материалов для одежды и обуви осваивает наша промышленность; как химия простирает свои руки в физику и биологию и другие науки и какие неожиданные, огромные горизонты раскрываются в этом дружественном рукопожатии.

Расскажем мы и о том, как химия делает нас красивыми и элегантными, помогает сохранить свежесть лица, прогоняет морщины, украшает и облегчает наш быт.

Для первого путешествия мы выбрали дорогу, которая ведет к изобилию сельскохозяйственных продуктов.

Итак, в путь...

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

народной

ют от жажды. Но это не совсем так. Перегрев — вот в большинстве случаев причина смерти. Дело в том, что перегрев выше какой-то максимально допустимой температуры нарушает процессы обмена веществ: в ткани растения скапливаются продукты распада, и оно погибает.

И тут на помощь приходят микроэлементы. Так, микроскопические дозы цинка укрепляют теплостойкость ферментов в растении и усиливают их активность. В засушливое лето на опытных участках с помощью цинкового препарата был получен более высокий, чем даже в обычные годы, урожай сахарной свеклы, подсолнечника и кукурузы.

Там, где в почве нет каких-то микроэлементов, низок урожай, а животные заболевают. Но и избыток микроэлементов вреден.

Биогеохимиками создана особая карта Советского Союза. Это карта-справочник распределения элементов питания в почве.

Подобная же карта, только более детальная и меньшего масштаба, должна быть у агронома. На нее заносится содержание химических элементов и кислотность почвы. После того как получены прогнозы погоды и анализы почв, можно решать, где и каких микро- и макроэлементов добавить, что необходимо срочно сделать, с чем можно и подождать. Глубокие знания делают агронома смелым воином, позволяют научно обоснованно вершить судьбу урожая.

ЗНАК ПОСЛЕ ЗАПЯТОЙ

«Люди думают, что они съедают сами то, что выращивают,— грустно заметил один ученый.— На самом деле им достаются объедки со стола насекомых-вредителей».

Думаете, преувеличение?.. Из-за насекомых-вредителей и болезней растений наша планета ежегодно теряет несколько десятков миллионов тонн зерна. Этого количества пищи достаточно, чтобы прокормить сотни миллионов человек. Кроме того, прожорливые сорняки крадут двадцать, а то и больше процентов урожая.

Для защиты растений созданы сотни препаратов. Их названия звучны и содержат частицу «цидо», что по-латыни означает яд. «Родентициды» — против грызунов, «инсектициды» — против насекомых, «гербициды» — от сорняков и «фунгициды» — против возбудителей болезней. (Они убивают их зародыши еще до сева.)

Применяемых ядохимикатов десятки. Необходимы же их сотни. Вредители приспосабливаются. Например, ДДТ — универсальный пестицид, за открытие свойств которого была присуждена Нобелевская премия,— теперь вытесняют другие, более эффективные средства. У многих вредителей появилась к нему «привычка».

В нашей стране десятки научно-исследовательских институтов и лабораторий заняты разработкой новых пестицидов. Кропотлива работа химиков и биологов. «Семь раз отмерь, один раз отрежь!» — это не про них сказано. Сто, тысячу раз проверь, если хочешь, чтобы твой препарат был стойким и действенным против врага и абсолютно безвредным для людей, животных, растений и полезных насекомых. Из двух-трех тысяч синтезированных и проверяемых ядохимикатов в лучшем случае один попадает на поля.

Применяя ядохимикаты, очень важно точно знать дозу. Был, например, такой случай. Несколько лет назад в Государственный комитет по химии и в научно-исследовательский институт, разработавший новый ядохимикат, пришла из южного садоводства тревожная депеша: «Применение инсектицида повлекло за собой гибель не только урожая, но и плодовых деревьев». Ученые срочно выехали на место. Что же выяснилось?

Оказывается, работники садоводства переусердствовали: приготовляя раствор препарата, они изменили всего-навсего один знак после запятой. «Тысячная или сотая грамма на литр, какая разница: кашу маслом не испортишь»,— решили они. А десятикратная концентрация яда убила не только вредных насекомых, но и сами деревья.

ТУМАНЫ ПРИНОСЯТ ПРИБЫЛЬ

Туманы часто мешают человеку. Но те, которые создают химики, наши помощники.

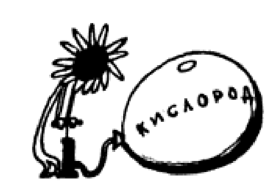
Аэрозоли — мельчайшие частички дыма или тумана — могут бесконечно долго, как пылинки, парить в воздухе. Маленькая газовая турбина за несколько минут укутывает таким туманом, окрашенным в любые цвета радуги, несколько гектаров земли.

Туман не праздная забава ученых. Леденящие заморозки обойдут стороной сады, палящее солнце не убьет их своими лучами. Пылинки могут содержать стимуляторы роста или пестициды, насекомые-вредители задохнутся в этой смертельной для них и безвредной для растений атмосфере.

Химические средства умеют переделывать не только погоду, но и почву. Это так называемые структурообразующие полимеры. Рыхлая, сыпучая земля склеивается, становится комковатой, в несколько раз уменьшается испарение воды.

Даже на песке можно разводить сады. Но только при вмешательстве химии. Некоторые вещества не только скрепляют почву, но и удобряют ее. Песчаные дюны и барханы пустынь зазеленеют. И это не завтрашний, это уже сегодняшний день нашей жизни.

А тончайшие пленки-полимеры, которые укрывают парники и теплицы вместо стекла? Они впятеро дешевле стеклянных, пропускают ультрафиолетовые и тепловые лучи. В таких теплицах выше урожай. Собственно говоря, почему урожай? Урожаи! Их может быть за год два-три.

ФАБРИКА ЗЕЛЕНОГО ЛИСТА

Сахар, крахмал, целлюлозу, белок, масла растения синтезируют из простейших элементов: углекислого газа и водяного пара. Синтезируют с помощью солнечной энергии и зеленого пигмента листьев — хлорофилла.

Процесс фотосинтеза некоторым казался настолько простым, что его неоднократно пытались расшифровать. При первом же обнадеживающем опыте в печати появлялись победные реляции. В середине 50-х годов в Америке был даже выстроен завод синтетического хлорофилла, но увы... оптимистические прогнозы оказались преждевременными.

Памятник можно поставить тем, кто поймет, как синтезировать органические соединения с помощью светового луча, и воспроизведет это в производственных условиях. Я представляю, как будут построены заводы-автоматы, где сырье — обычная вода и углекислый газ плюс солнце днем, а ночью — ультрафиолетовые лампы. На склады готовой продукции этих заводов непрерывным потоком будут поступать сахар, крахмал, белки... И не только продукты питания. Очень много других веществ, получаемых ныне переработкой пищевого сырья, будет извлекаться из воздуха и воды. Из азота и кислорода, содержащихся в воздухе, прямым синтезом мы получим и азотные удобрения. А далее химики смогут обогатить пищу и корма синтетическими органическими веществами.

Так будет...

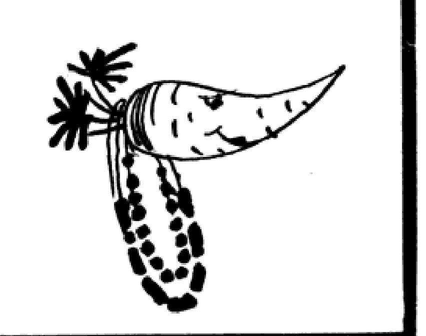
* * *

Удобрения и микроэлементы, химические средства защиты растений, животных и борьбы с их врагами, вещества, убыстряющие рост и улучшающие почву,— все это в конечном итоге масло, мясо, хлеб, молоко. Вот почему партия говорит: химия — ключ к кладовой изобилия.

кислотой семена льна дали стебли с более устойчивым, нежным и длинным волокном.

Показывая пушистые, снежно-белые хлопья, на Калининградском янтарном комбинате предупреждают:

— Конечно, это не всесильное средство для поднятия урожаев. Применение янтарной кислоты не исключает внесения удобрений. Она только компонент, но компонент весьма полезный.

В. КОНСТАНТИНОВ

ТЕТРАДЬ ПО ХИМИИ

ОТ А ДО Я

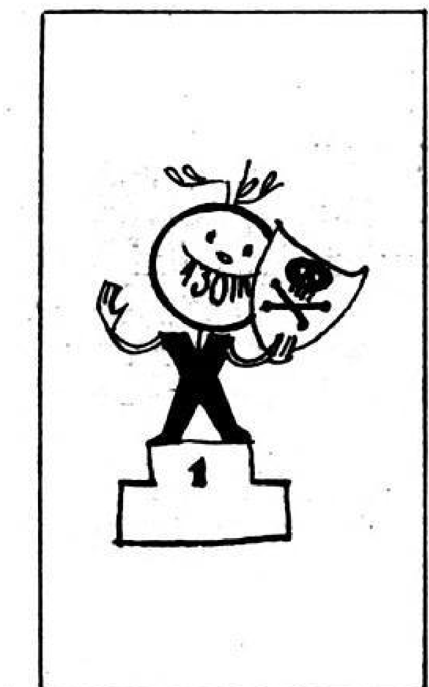
АЗОТ. Если провести конкурс самых неудачных названий, то, пожалуй, «азот» завоюет первенство. Действительно, трудно найти более неподходящее слово, характеризующее свойства этого вещества.

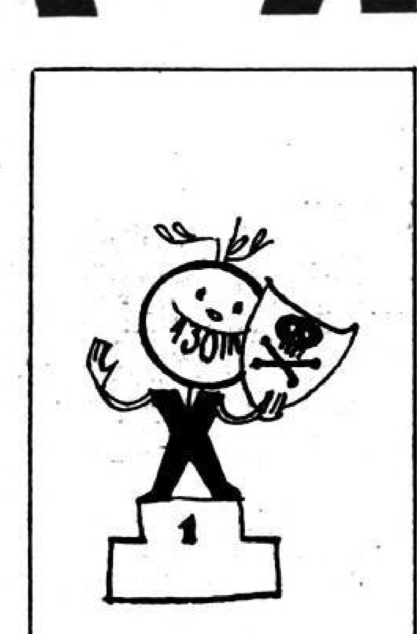
«Азот» в переводе с греческого означает «безжизненный», «отрицающий жизнь». И так нарекли вещество, без которого немыслима жизнь человека, животного, растения! Например, каждый килограмм пшеницы требует 20 граммов этого элемента. Основная задача химиков — насытить азотом почву.

Но почему растения сами не могут получать его из воздуха? Ведь над каждым квадратным метром земли находится «столб» азота весом в 8 тонн.

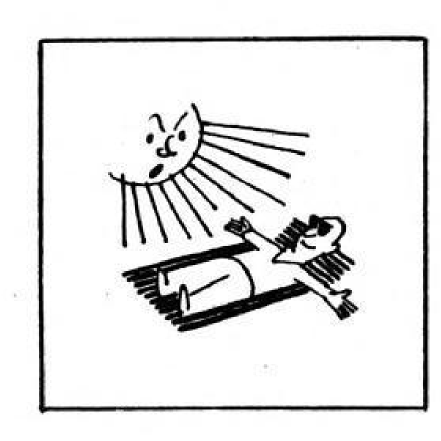
Оказывается, для огромного большинства растений атмосферный азот оказался «несъедобным». Поэтому химики превращают его в сложные соединения, пригодные для питания зеленого друга.

Кубический метр воздуха, переработанный на химическом заводе в азотные удобрения, дает дополнительно 20 килограммов сахара или почти пуд хлеба.

АЦЕТАТНОЕ ВОЛОКНО — близкий родственник первого искусственного волокна — вискозного. Оба они в основном добываются из древесины, но в производстве ацетатного волокна принимает участие и природный газ. Нить ацетатного шелка тонкая и прочная. Ткань получается красивая и долговечная, с матовой поверхностью. Кроме того, она не мнется и очень быстро сохнет после стирки. Есть и еще одна любопытная особенность трикотажных изделий из ацетатных волокон: они не задерживают ультрафиолетовых лучей. Поэтому в такой одежде можно загорать.

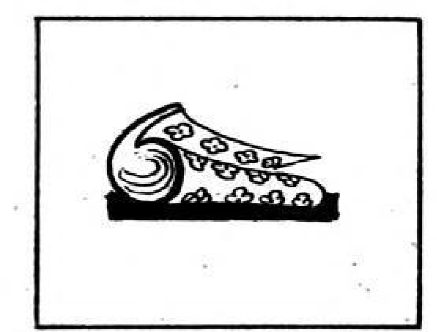
БЕЛОК СИНТЕТИЧЕСКИЙ — цель работ многих поколений биологов и химиков. Считается, что если ученые в лабораториях сумеют синтезировать белок, то они приблизятся к искусственному созданию живого организма. Сейчас химики и биологи совместно подошли к раскрытию тайны. Они уже могут синтезировать некоторые белковые соединения.

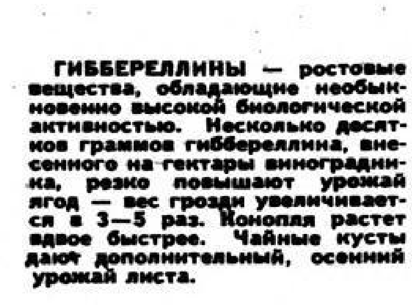
Простейшие из них найдут широкое применение в сельском хозяйстве как весьма эффективные корма.

ВИНОЛ — искусственный брат хлопка. Ткани из нового волокна отлично впитывают влагу и пропускают воздух. Если добавить в вискозу 1/3 винола, то жизнь трикотажных изделий из такого волокна увеличится почти в три раза.

Применяется он не только в текстильной промышленности, но и в медицине при хирургических операциях. Например, швы, зашитые нитками из винола, заживляются скорее. После операции швы снимать не надо: нитки полностью рассасываются в организме.

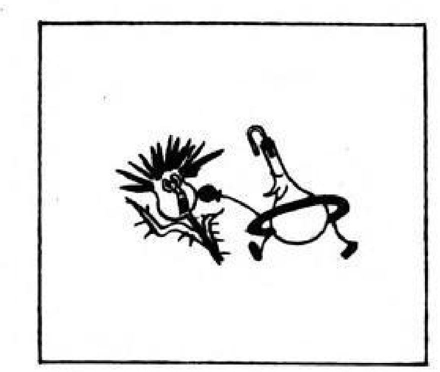

ГИББЕРЕЛЛИНЫ — ростовые вещества, обладающие необыкновенно высокой биологической активностью. Несколько десятков граммов гиббереллина, внесенного на гектары виноградника, резко повышают урожай ягод — вес грозди увеличивается в 3—5 раз. Конопля растет вдвое быстрее. Чайные кусты дают дополнительный, осенний урожай листа.

ГЕРБИЦИДЫ — своеобразные химические полольщики. Они работают в сотни раз быстрее и аккуратнее человека. Попробуйте прополоть грядку с всходами моркови. Неопытный огородник вместе с травой выдернет и нежные стебельки ботвы. А вот гербицид справится с этой работой очень быстро. Достаточно опрыснуть грядку химикатом, как вся сорная трава будет уничтожена.

Семейство химических полольщиков все время пополняется. Есть гербициды, заботящиеся о пшенице, свекле, кукурузе, различных огородных культурах.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

В этих книгах вы узнаете о том, как химия помогает выращивать и сохранять урожай. Ученые и специалисты сельского хозяйства рассказывают, как надо пользоваться удобрениями, гербицидами, ядохимикатами, какие корма рациональнее использовать на животноводческих фермах. Книги вышли совсем недавно в новом издательстве «Колос».

Д. Н. Прянишников. Избранные сочинения. В трех томах.

Кандидат с.-х. н. **М. И. Севастьянова** «Гербициды в овощеводстве».

Кандидат с.-х. н. **Д. А. Кореньков, В. У. Пчелкин, Ю. П. Сиротин** «Новые минеральные удобрения».

Член-корреспондент Академии наук СССР **Я. В. Пейве** «Руководство по применению микроудобрений».

Профессор **П. Г. Найдин** «Удобрение зерновых и зернобобовых культур».

М. Ф. Томмэ, А. В. Могилов «Заменители кормового протеина».

Кандидат с.-х. н. **Г. А. Чесалин** «Агротехнические и химические меры борьбы с сорняками».

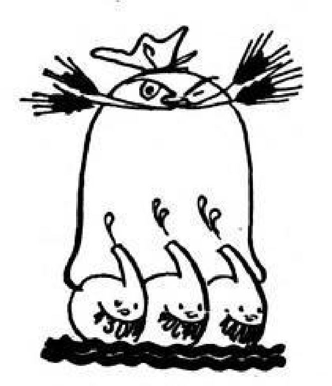
ЗНАКОМЬТЕСЬ: НОВОЕ

ТРОЙЧАТКА ДЛЯ ПОЛЕЙ

Обычный суперфосфат содержит около двадцати процентов питательных веществ. В двойном их значительно больше — до сорока процентов. А нельзя ли создать удобрение еще более концентрированное? Такие работы ведут многие научные коллективы и среди них — Институт по удобрениям и инсектофунгицидам.

Нитрофоска — так назвали ученые сложное концентрированное удобрение. В его состав входит азот, фосфор и калий. Новое удобрение — прекрасная тройчатка для полей. Каждая его гранула — целый клад питательных веществ. Интересно, что, немного изменяя технологию его производства и процентное соотношение компонентов в нем, можно получать удобрения для различных почв и самых разнообразных культур.

К. ТАНИН

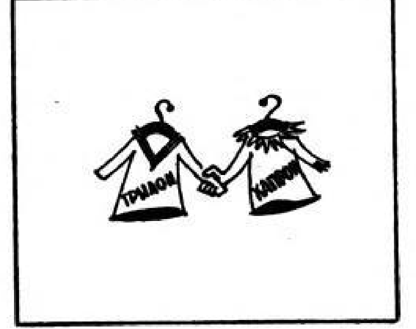
В ГРАНУЛАХ И ТАБЛЕТКАХ

Сто доз такого удобрения можно перевезти в... пробирке. На рижском заводе «Реагент» выпускаются таблетки этих необычных удобрений. В их состав входят микродозы цинка, марганца, молибдена, кобальта, бора. Каждая таблетка таит большую силу: она аккумулировала много «витаминов», необходимых растению.

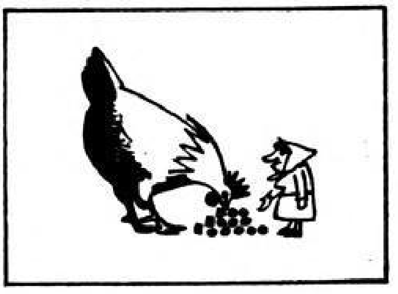
Они не только повышают урожай, но заметно улучшают вкус овощей и ягод.

Обычно микроудобрения «спекаются» из многих элементов в виде таблеток. Но вот недавни-

ГРИЛОН — так называют в Швеции капрон. А чехословацкие химики дали ему имя силон, польские — стилон. В Германии он известен как перлон, а в Голландии — энкалон. Поэтому, если вам предлагают купить перлоновую, силоновую или грилоновую блузку, не прельщайтесь необычным иностранным названием: сделана эта блузка из одного и того же материала — капрона.

ДЕФОЛИАНТЫ — химические вещества, помогающие машинам убирать хлопок. Если за несколько дней до уборки опылить химическими веществами — дефолиантами — хлопковые плантации, то листья засохнут, обнажив раскрытые коробочки хлопка. Теперь комбайны не встретят помех для уборки «белого золота».

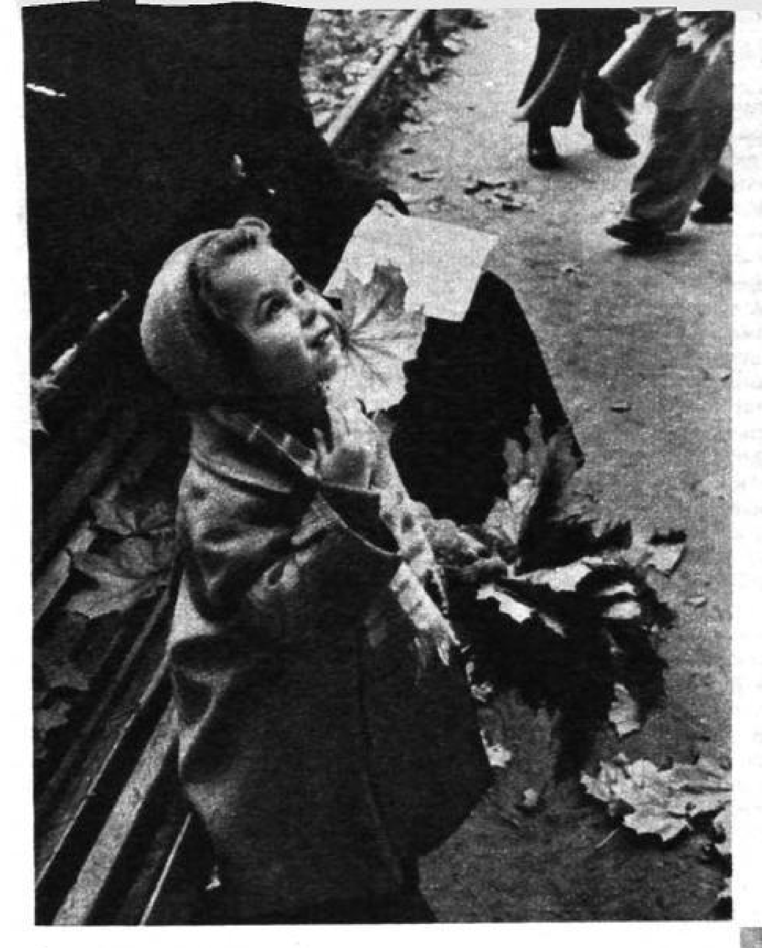

ДРОЖЖИ КОРМОВЫЕ. Отходы древесины, кукурузные кочерыжки и другие отбросы сельскохозяйственного производства на специальных заводах превращают в так называемые гидролизаты. Эти вещества, обогащенные азотом и фосфором, становятся лакомым блюдом для дрожжевых клеток. Так получаются кормовые дрожжи — замечательная, высококалорийная, богатая белком пища для животных. Из 1 миллиона кубометров отходов древесины можно получить 90 тысяч тонн кормовых дрожжей.

ми опытами Новочеркасского сельскохозяйственного института доказано, что выгоднее одевать их в силикатную оболочку. Такие гранулы удобнее вносить в почву, их не вымывают дожди.

К. СНЕГОВ

Листья падают с кленов

Проиграли.

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Лесные глаза.

СЕРДЦЕ ЖУРНАЛИСТА

Фотографии из книги «Шаги по росе» В. ПЕСКОВА.

Генрих БОРОВИК

В газете напечатана заметка. Сколько труда потребовалось, чтобы читатель увидел ее! Не только труда журналистов. Труда сотен тысяч людей — от тех, кто добывал сырье для бумаги, и до почтальонов. И если заметка, репортаж, интервью, очерк, написанные корреспондентом, оставили читателя равнодушным, не затронули его души или разума, значит, гигантский труд пропал зря.

Шесть раз в неделю по утрам я разворачиваю «Комсомольскую правду» и каждый раз предвкушаю новую встречу с Василием Песковым. Я не знаю, откуда будет его очередная корреспонденция — с поля космодрома или из глухой тайги, из Антарктиды или из родного ему Воронежа. Я знаю одно: то, что расскажет Песков, окажется для меня очень нужным, важным. И вовсе не из-за того, что Песков обязательно пишет о выдающихся событиях. Вовсе нет. Он обладает редким журналистским даром видеть важное, нужное и удивительное в обыкновенном. Да и о самом выдающемся Песков пишет так просто, задушевно и по-хорошему обыкновенно, что оно становится еще ближе, роднее.

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Василия Пескова. Она называется «Шаги по росе». Это книга коротких новелл. И хотя книга состоит из очерков, репортажей, журналистских интервью, фотоснимков, все они филигранно отделанные новеллы, законченные маленькие произведения со своей завязкой, развитием сюжета и развязкой. Вот фотография, обошедшая все газеты мира, на которой изображена Валентина Гагарина в минуты, когда по радио объявляли: «Пошел на посадку». Это новелла. Или фотоснимок футболистов с подписью «Проиграли». Или интервью с Павлом Поповичем перед стартом. Всего две страницы на машинке, восемь вопросов журналиста, восемь ответов Павла Поповича. Разговор о самом простом и о самом значительном. «Какие три книги взял бы ты с собой в полет?.. Каковы идеалы, за которые как человек ты мог бы пойти на смерть?» Но мне кажется, эти две странички — одни из самых интересных и важных, написанных о наших космонавтах вообще.

Как это сделал Песков? Не знаю. Сейчас кажется просто: ну, спросил журналист, ну, ответил Попович — главное ведь в ответах. Правильно, главное в ответах. Но не раскрылся бы так Попович, не будь именно этих вопросов или будь они заданы иначе.

Я так подробно останавливаюсь на интервью не потому, что это лучшая новелла в книге. Нет. Их там много, прекрасных, человеческих, удивительно теплых, добрых (а когда нужно, злых, например, «Дезертир»), написанных емким, точным, ярким языком. Я говорю именно об интервью, потому что это, казалось бы, чисто информационный журналистский жанр. Но если комок подступает к горлу, если люди вырезают интервью и хранят, чтобы прочесть, когда будет трудно,— что это: информация или искусство? Лишний раз Василий Песков доказывает: да, журналистика во всех ее жанрах — высокое искусство, концентрируемое на «малой площади».

Разверните очередной номер «Комсомолки», найдите очередное выступление В. Пескова, и это снова будет то, чего вам не хватало, чего вы ждали, пишет ли он об охоте на зайца, подготовке к весеннему севу или интервьюирует космонавта № 7.

Труд сотен тысяч людей находит достойное завершение в заметке, подписанной «В. Песков».

Книга журналиста Василия Пескова «Шаги по росе» заслуженно выдвинута на соискание Ленинской премии.

Виктор ЛОГИНОВ

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

МОСКО БОЛЕ

Когда Казанский вокзал медленно втягивает наш поезд, я каждый раз вспоминаю Сергея и Маргариту Давыдовну. И хотя идут годы и мало-помалу скудеет память, я все лучше и лучше понимаю этих людей.

Мой отец был дорожным техником, строил в глуши мосты на плашкоутах. Наша семья вела полукочевую жизнь: два-три года в одном месте — и снова в путь. Матери с отцом то и дело приходилось обзаводиться хозяйством и покупать новую корову. У нас были разные коровы — и рыжие, черная с белыми пятнами, и бурая, но я помню, что мать по привычке всех коров называла Дочками. Живя в деревне Бессоновке, близ станции Некоуз, мы купили Дочку цвета топленого молока. Она была королевой среди коров и обычно ходила впереди стада. Не будь этой Дочки, наша семья, наверное, и не познакомилась бы с Маргаритой Давыдовной...

Худощавую, еще молодую, стройную женщину, носившую черный, строгий костюм, в деревне все звали «высланной». Я даже думал, что такая уж у нее была фамилия. Лишь гораздо позже я понял смысл этого слова и узнал, за что высылали людей из Москвы, Ленинграда и других городов после тридцать седьмого года. Но в Бессоновке это горькое слово я написал бы, как и свою фамилию, с большой буквы.

Однажды отец сказал матери:

— У Высланной младший сын болен. Отнеси-ка им молока.

Я вертелся поблизости, слышал разговор, и поэтому молоко нести пришлось мне.

— Будет деньги совать, не бери,— наказывала мне мать.— Скажи, пусть приходят каждый день, когда я Дочку подою. Больше ничего не говори.

Маргарита Давыдовна с сыновьями — тринадцатилетним Сергеем и пятилетним Вовкой — жила неподалеку от нас в покинутом хозяевами домишке. Говорили, что она ездила к владельцу дома в Рыбинск и тот разрешил ей временно проживать — за половину урожая с огорода. Нам, мальчишкам, давно хотелось узнать, какую половину Высланные будут отдавать — с малиной или с тремя яблонями. Если с малиной, мы оберем все кусты до ягодки, если с яблоками — не видать рыбинскому владельцу ни яблочка. Разных владельцев мы по-пролетарски ненавидели, но обижать Высланную и ее детей у нас не поднималась рука: уж очень они были бедные. Вот почему нужно было точно знать, какая половина отторгалась...

Я вошел в сумрачную комнату и поставил бидончик с парным молоком на стол, за которым при свете коптилки Маргарита Давыдовна читала книгу. Женщина посмотрела на меня, на бидончик и в замешательстве сняла свои очки.

— Папа велел вам молока принести,— сказал я.

— Молоко? — тотчас же откликнулся из темного угла звонкий голос. Там сидел на кровати тонюсенький, прозрачный («Как восковой!» — говорила моя мать) Вовка. Громко втянув носом воздух, он крикнул: — Молоко! Пахнет молоком! Мама, я хочу молока!

Я тоже потянул воздух и сам почувствовал вдруг, как свежо, по-новому запахло в этом низком, душном, запущенном помещении.

— Помолчи-ка, малыш,— сдержанно остановил брата Сергей. Он сидел возле окна и что-то строгал.

— Но, мальчик,— растерянно сказала Маргарита Давыдовна,— у нас сейчас нет денег.

— А мама мне и не велела брать.

— Но как же?..— Маргарита Давыдовна посмотрела на меня, потом всплеснула руками, словно что-то поняла.— О-о, спасибо, как я вам благодарна! Вовик, я налью тебе полную кружку, ты обязательно поправишься! Садись, пожалуйста, мальчик! Вовик, поблагодари мальчика!

Вовик что-то залепетал. Ко мне подошел Сергей, положил на плечо руку.

— Старик,— сказал он,— я должен что-то для тебя сделать. Я умею мастерить автомобили, трамваи. Что ты хочешь иметь?

— Трамвай! — с радостью выпалил я.

— Будет, старик, у тебя трамвай. Со звонком и даже с рельсами.

— Сережа занимался на станции юных техников,— сообщила Маргарита Давыдовна, ме-

ВСКАЯ
ЗНЬ

таясь между столом и Вовиком.— Ты был в Москве, мальчик?

Я покачал головой.

— Ну, еще побываешь. Москва — прекрасный город! В Москве у нас остались сердца...

— Мама! — остановил Сергей Маргариту Давыдовну.

— А почему говорят, что Москва слезам не верит? — спросил я.

Маргарита Давыдовна как будто обмерла.

— Да, не верит,— прошептала она и заплакала.

— Мама! — с отчаянием крикнул Сергей.— Неправда, что не верит! Верит, верит!

Я так и не спросил, какую часть огорода Высланные отдадут рыбинскому владельцу. Вскоре стало известно, что они поделятся с владельцем только картошкой.

Но малину все-таки кто-то обобрал. Мы, мальчишки, провели расследование и установили, что это сделал Ханна-Менный, гнусавый отщепенец, зимой и летом щеголяющий в одной рубашке ниже колен (он называл эту замусоленную рубашку халатом). Мы изловили Ханну-Менного (медного) и, задрав халат, вымазали молочно-белую Ханнину попку грязью. Самый мудрый из нас сказал в заключение: «Свинья — вот кто ты!»

Сергей не обманул меня: из бумаги, щепок и проволоки он смастерил чудесный трамвайчик со звонком и рельсами. Скоро все узнали, какой он умелец. В деревне Бессоновке этот парнишка стал мастером первой руки. Он чинил примусы и швейные машинки «Зингер», паял — в общем, кое-как кормил семью. Маргарита Давыдовна все никак не могла устроиться на работу...

Я многое забыл, не помню, кто раньше уехал из Бессоновки — мы или Высланные. Только не забыть мне, видно, до самой смерти, как Маргарита Давыдовна, прижимая руку к сердцу, задыхающимся голосом шептала моей матери:

— Я же москвичка, я коренная москвичка! Я не могу без Малой Бронной и Пушкина на Тверском бульваре! Это хуже гибели — подвергнуться остракизму!..

И еще я запомнил рассказы Сергея. Собрав мальчишек в кружок, он всегда начинал так: «У нас в Москве, ребята...» Он рассказывал, как в саду возле кремлевской стены столкнулся с Буденным и по-пионерски отсалютовал ему, как в подъезде гостиницы «Метрополь» видел трех негров с удивительной синей (не черной, а синей!) кожей, как спускался с отцом под землю, где прокладывалась первая линия метро, как однажды шел по Малой Бронной и остановился возле их окон писатель Максим Горький, как на Тушинском аэродроме катали людей на аэропланах и Сергей тоже прокатился... «Я видел почти всю Москву с птичьего полета, ребята, это грандиозно!»

Высланные любили свою Москву, тосковали по ней. Даже Вовик, и тот вспоминал о Москве. Он хвастался: «А в Москве я один раз потерялся!» Я не понимал такой беззаветной привязанности и говорил Сергею: «А у нас в Бессоновке лучше!» Он качал головой и отвечал: «Везде хорошо, старик, только в Москве лучше всего». Часто я загадывал перед сном: вспомнит ли завтра кто-нибудь из Высланных свою Москву? И они непременно вспоминали.

Но пришел очередной грустный день, мы уехали, и я надолго забыл и Маргариту Давыдовну, и Сергея, и прозрачного Вовика, которого спасла наша Дочка. Лишь изредка, когда я проезжал через Москву, или читал о ней, или встречал москвичей, мелькали у меня счастливые воспоминания, и я все старался представить дальнейшие дни той высланной из Москвы горемычной семьи...

И вдруг однажды я включил радио и услыхал песню:

> В полях за Вислой сонной
> Лежат в земле сырой
> Сережка с Малой Бронной
> И Витька с Моховой.

Слова эти точно ударили меня по голове, и я в одно мгновение вспомнил и Маргариту Давыдовну с ее строгим, черным костюмом, и преданного москвича в изгнании — Сергея, и его брата Вовика, и нашу корову Дочку, и отца, убитого под Курском, и гнусавого Ханну-Менного, и свежий запах парного молока, и малину, и рыбинского владельца, и трамвайчик со звонком и рельсами, который я долго возил с собой по городам и селам родной Владимирщины. Я понимал, что это скорее всего случайное совпадение, что у поэта был свой Сережка, но сердце не хотело с этим соглашаться, оно екнуло, почувствовав потерю, и я уже не мог отвязаться от мысли, что погибший Сережка из песни и бессмертный Сергей моего детства — одно и то же лицо. Я жил в то время в Москве, в гостинице с тем же названием. От Охотного ряда до Малой Бронной, оказывается, было рукой подать.

Три раза я прошел по Малой Бронной из конца в конец. Улица как улица. Конечно, не из лучших, не широкая и не нарядная. Но именно здесь, возле Пионерских прудов, только и мог вырасти, воспитаться и переполниться своей беззаветной любовью мой Сергей, мой Сережка с Малой Бронной. И здесь же лет двадцать пять назад шел великий писатель Максим Горький, он шел, шел с тростью в руке и остановился возле одного окошка. Где оно, то окошко? Это ли, это ли, то ли?.. Никто сейчас не знает, и никто не скажет.

Я прошел еще раз и до каждого дома дотронулся рукой. Но я не прощался — я только здоровался с той жизнью, которая ждала меня впереди... Нет, что лукавить! Я и прощался с прошлым, ушедшим навсегда. Я не выдержал, прижался к кирпичной стене, зажмурился и заплакал. Мне было жалко детства, деревню Бессоновку, Сергея, отца, других людей, которые исчезли навеки, жалко корову Дочку, вдовьи годы матери и свою юность, которая промелькнула так быстро и не так, как мне хотелось бы. Но я плакал и от счастья, что пришел сюда и плачу здесь, на камнях Сергея, что Москва стала и моим городом, что живут на свете люди, которых я люблю, что меня тоже любят и еще долго будут любить и что мир, спасенный мир, вечный мир все помнит, помнит!..

Уже не год и не два я слышу песню о Сережке и Витьке, москвичах, похороненных за Вислой, и все не могу привыкнуть к ней. Каждый раз слова ее звучат для меня словно впервые. Я сжимаю губы, чтобы не разрыдаться, и долго хожу так, с желваками на скулах и запечатанным ртом. А недогадливые друзья говорят мне:

— Что ты все злишься? Не злись.

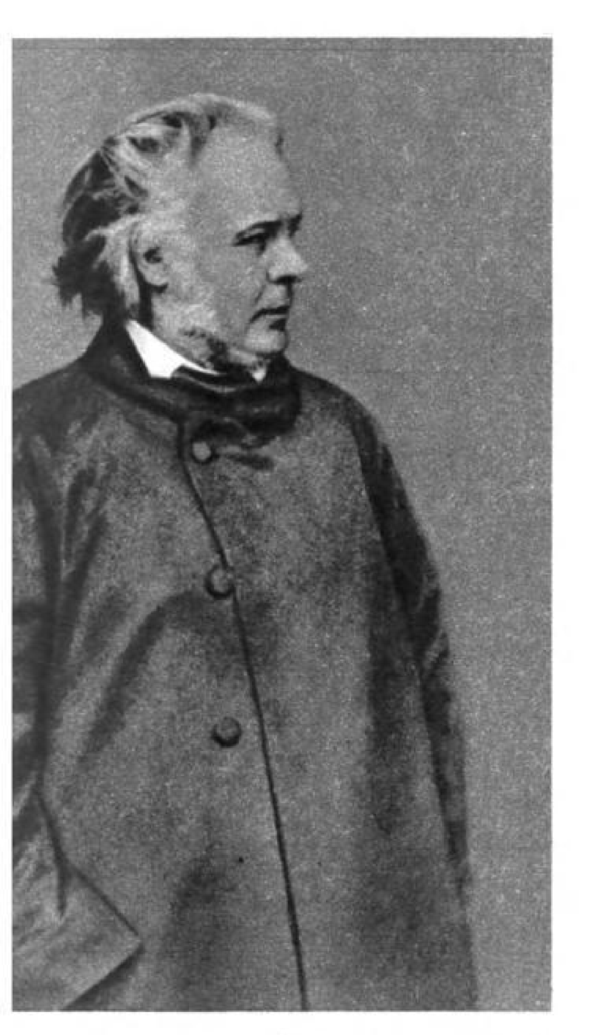
Но я же не злюсь, ах, как я не злюсь, если бы вы знали!..

И еще я никак не могу привыкнуть к торжественным словам поездного диктора: «Граждане пассажиры, наш поезд прибывает в столицу нашей Родины Москву!» Мне перехватывает горло, сжимает, как глубоко под водой, грудь. Два раза замирает в окнах свет, когда состав проскальзывает в маленьких туннелях, и я начинаю твердить, как заклинание: «Здравствуй, Сергей! Здравствуйте, Маргарита Давыдовна!»

Вновь и вновь для меня начинается Москва. Я прихожу на Малую Бронную, ищу окошко, слышу за спиной тяжелые и медлительные шаги и стук трости по тротуару. Это писатель Максим Горький идет по старинной московской улице. Не оглядываясь, я пересекаю бульвар, через Моховую, мимо Манежа шагаю к Красной площади. В Александровском саду не встречается мне Буденный, но я уверен, что однажды лицом к лицу столкнусь с Гагариным. Тихо пройдя мимо Ленинского мавзолея, я огибаю собор Василия Блаженного, иду вдоль ГУМа к Охотному ряду, спускаюсь в метро и еду там, где бывал со своим отцом и Сергей из моего детства. Я еду куда глаза глядят, я думаю, я живу в Москве.

Через месяц или два зовет домой работа, и поезд от Казанского вокзала увозит меня на юг. Я немного устаю от московской быстроты, от сутолоки. Но еще в вагоне где-нибудь за Ростовом я начинаю тосковать по Москве, по Малой Бронной, по метро, по Большому театру и Красной площади. И с этих минут я вновь и вновь жду желанного часа, когда в окнах два раза замрет свет. Чтобы перехватило горло и сдавило, как под водой, грудь. Чтобы шептать, как заклинание: «Здравствуй, Сергей! Здравствуйте, Маргарита Давыдовна!» Чтобы слышать шаги за спиной и стук трости по тротуару. Чтобы в конце концов встретиться в Александровском саду с Юрием Гагариным.

Все это я называю «московской болезнью» и наверняка знаю, что моя болезнь, к счастью, неизлечима.

Оноре Домье. 1860 год.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Оноре Домье широко известен как создатель великолепных литографий, гениальный карикатурист. Менее известен он как живописец.
Мы публикуем на вкладке семь картин, написанных Домье. Пусть они помогут читателям познакомиться с замечательным художником.
Большинство репродукций печатается в цвете впервые.

НЕЗНАКОМЫЙ ДОМЬЕ

У этого парня под кожей мускулы Микеланджело.
Оноре Бальзак

ДОБРОДУШНЫЙ МАРСЕЛЕЦ

Наш век печален...
Стендаль

Осенним погожим днем 1816 года по звонким парижским мостовым прогромыхал запыленный почтовый дилижанс линии Марсель — Лион — Париж. Из него выпрыгнул курносый белобрысый малыш. Он радостно закричал, увидев отца, бросившегося навстречу, а потом недоумевая глядел, как неутешно плачет мать, обнимая супруга. Малыш хрустит сочным яблоком и озирается вокруг — мир чудесен! Вот он какой, этот Париж. Мальчишке восемь лет, его зовут Оноре Домье.

Едва ли кто-нибудь смог предсказать, что именно ему суждено отразить эпоху трех революций, развенчивать королей, воспеть баррикады и что именно он скажет новое слово в искусстве XIX века.

Он узнает горечь нищеты и меру человеческой ненависти, он убедится в великой силе истинной дружбы. Он ослепнет и...

Но все это далеко впереди. А пока он ест спелое яблоко.

Мадам Домье недаром плакала при встрече, потому что жизнь в столице оказалась тяжелой. Нужда преследовала семью по пятам. Оноре в 13 лет отдают рассыльным к нотариусу. Через много лет Домье создаст образ мальчика на побегушках и подпишет под рисунком: «Маленький клерк ест мало, бегает много, вдобавок фланирует и возвращается как можно позже к занятиям, где он служит всеобщим козлом отпущения».

Домье довелось рано заглянуть за мрачные кулисы жизни. Перед ним ежедневно кружил фантастический хоровод судей, стряпчих, прокуроров. Первое время он не мог заснуть дома: ему мерещились зловещие фигуры сутяг, бледные лица просителей, слащавые улыбки адвокатов. Домье запомнил это навсегда.

Но потом ужас сменился скукой, и в один прекрасный день он оставляет пыльные акты и конторку. Он сыт по горло всем этим! Отец устраивает сына в книжный магазин Делоне, помещавшийся в Деревянной галерее, которую Бальзак увековечил в «Утраченных иллюзиях»: «Здесь составлялось общественное мнение, создавались и рушились репутации... Люди приличные, люди самые выдающиеся соприкасались здесь с людьми преступного вида...»

Школа жизни, пройденная в ранние годы, не забудется. Домье рано понял, что сражения, ежеминутно происходящие в темных лавчонках и пыльных конторах Парижа, значительнее и страшнее подвигов из рыцарских романов. Со всей непосредственностью юности он заглянул в самую бездну порока, увидел фальшь судейства, страшную власть денег.

Он уйдет из книжной лавки и будет учиться рисовать, затем овладеет ремеслом литографа и начнет помогать семье. К нему придет известность, но он навсегда останется простым парнем из народа, который в молодости «хватил лиха».

Он добродушен, как все сильные люди. У него лицо здоровяка, широкие, как у марсельского матроса, плечи, он просто одет. И, когда в своих бесконечных блужданиях по Парижу он заходит в простой кабачок выпить стакан вина, его считают за своего.

Но среди забот молодого Оноре, среди вечной погони за куском хлеба бывало и светлое время. Самыми счастливыми бывали часы, проведенные в Лувре, где все пленяло, заставляло мечтать.

РЕПОРТАЖ И ВЕЧНОСТЬ

Надо принадлежать своему времени.
Домье

Париж разбужен гулом набата. Рассвет 27 июля 1830 года зажег трехцветные и алые знамена на баррикадах. Три дня город был полем сражения. С боем взяты ратуша и Лувр. Днем двадцать девятого знамя Республики — над королевским дворцом Тюильри. Народ ликовал. На площадях звенела «Марсельеза».

Однако народ, рабочие были так же нищи и голодны.

...И снова цвели каштаны, мчались экипажи, сверкая лакированными спицами колес, звенели серебряные россыпи фонтанов. Наступила весна.

В эти дни в Лувре был вернисаж салона. Среди произведений банальных и посредственных картина Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах» прозвучала подобно грому с ясного неба. Мощно и грозно предстали перед зрителями события недавнего прошлого; на полотне снова гремела «Марсельеза» и умирали герои во имя Свободы. Домье был потрясен увиденным. Вот как нужно отвечать на события дня. Ведь не прошло и года, а уже написана огромная картина, и в ней ожила история. Пусть кому-то это не нравится, пусть злобствуют ретрограды, но теперь никому не удастся забыть славные дни июля: они навечно живут на полотне Делакруа.

Домье сотрудничает в газете «Карикатюр» и создает целый ряд блестящих листов-памфлетов, разоблачающих буржуазную монархию. За один из них, изображающий Луи-Филиппа в виде Гаргантюа, Домье приговорен к шести месяцам тюрьмы и штрафу.

В тюрьме художник увидел героев июльской революции. Они носили красные колпаки, вечерами собирались во дворе под алое знамя и пели «Марсельезу». Домье тоже стал носить фригийский колпак. Он вышел из тюрьмы возмужавшим, унеся с собой тепло сильных рук и сердец. Ему было 25 лет, он созрел как боец.

Четыре тысячи литографий, десятки скульптур, а позднее сотни полотен — вот итоги титанического труда художника. Нужда все время ходила за ним по пятам. Она требовала ежедневной каторжной

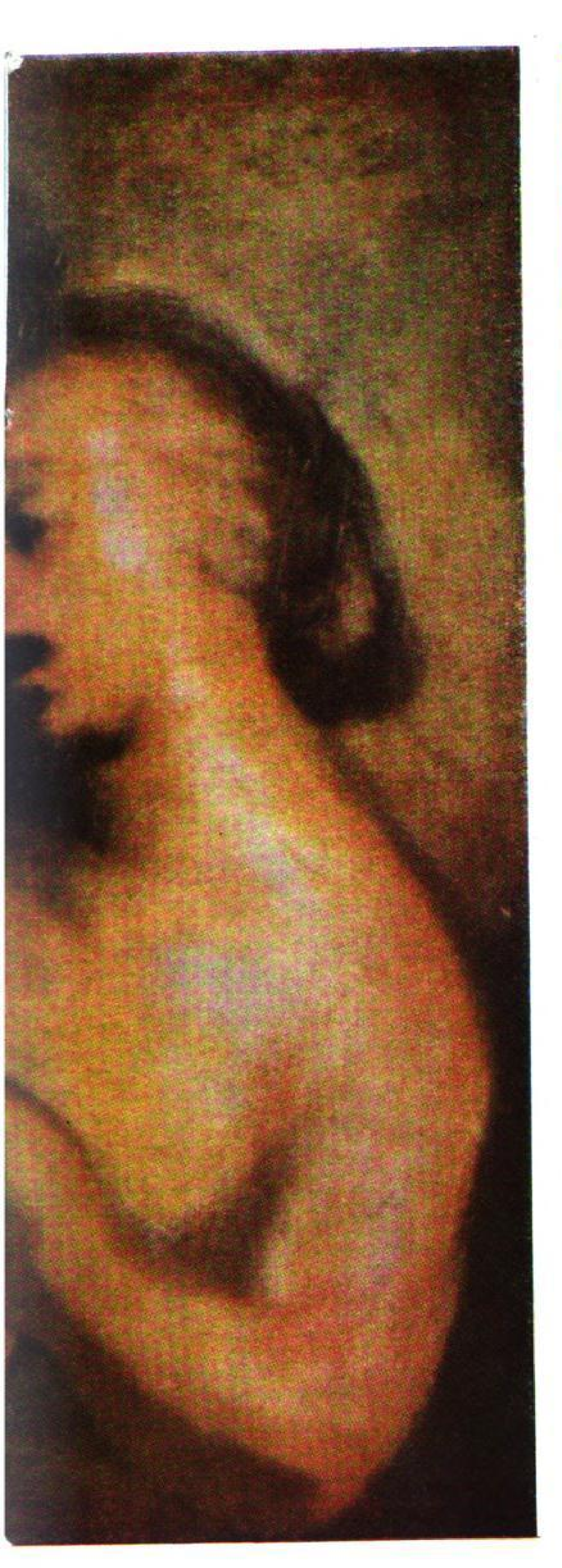
О. Домье. ЭМИГРАНТЫ.

ВОРЫ И ОСЕЛ.

О. Домье. КУПАЮЩИЕСЯ ДЕВОЧКИ.

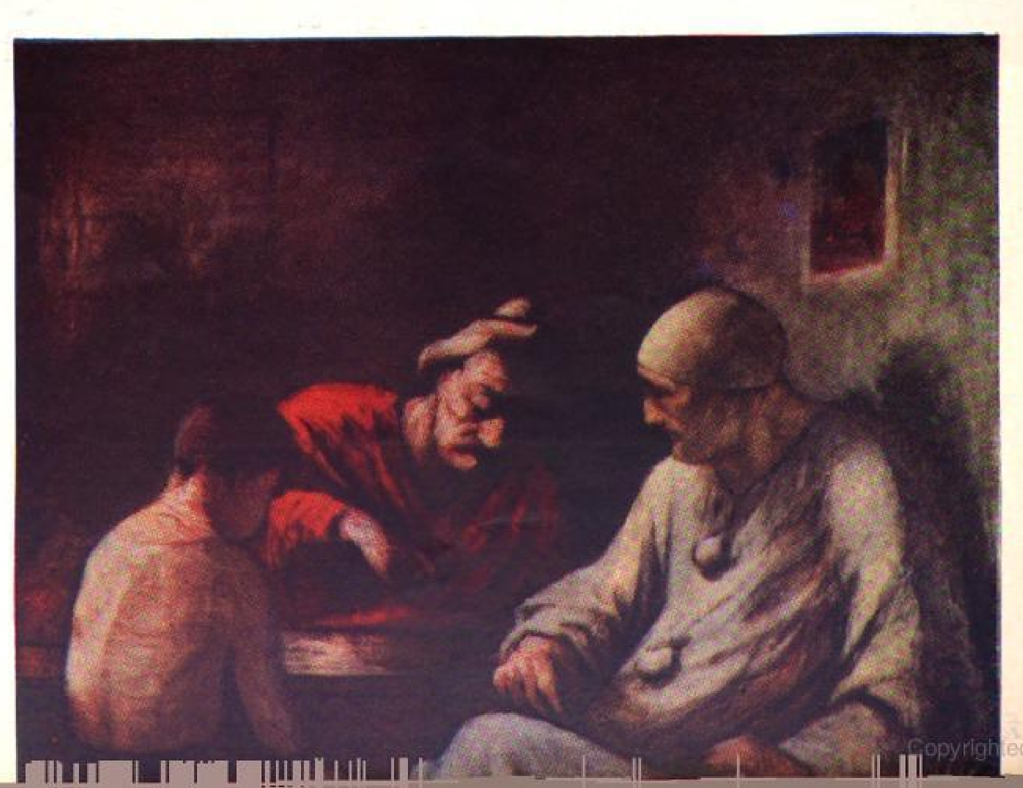
ПОЮЩАЯ ПАРА.

ЛЮБИТЕЛЬ ЭСТАМПОВ.

О. Домье. САНЧО И ДОН-КИХОТ.

ПАЯЦЫ НА ОТДЫХЕ.

работы. Домье любил иногда говорить друзьям: «Тачку тащить нелегко».

Невозможно представить, что все его создания — труд одной лишь человеческой жизни. Мир, созданный произведениями Домье, недаром сравнивают с «Человеческой комедией» Бальзака.

Чем глубже изучаешь жизнь и творчество этого замечательного человека и художника, тем яснее перед нами встает Домье, умевший ненавидеть все пошлое и жестокое, любить чистое и светлое.

Когда свершилось одно из самых гнусных злодеяний июльской монархии — убийство на улице Трансонен, где были расстреляны и заколоты ни в чем не повинные дети, женщины, старики, Домье создает небывалый еще в истории французской графики лист «Улица Трансонен 15 апреля 1834 года».

Это был, по существу, репортаж, да простят нам это прозаическое слово. Именно репортаж — суровый отчет, остро и гневно зафиксировавший событие.

Этот репортаж принадлежит вечности, ибо нет той силы, которая сможет уничтожить в памяти людей бессмертные офорты Гойи, картины якобинца Давида и листы гражданина Домье.

СЕМЬ ИЗ СЕМИСОТ

Моя кисть не должна думать лучше, чем я.

Гойя

Обратимся к произведениям, опубликованным на нашей цветной вкладке.

Их всего семь из семисот, созданных Домье.

«Эмигранты» написаны после разгрома революции 48-го года. Картина глубоко трагична. На ней мы не видим ложноклассических атрибутов катастрофы, раздирающих душу сцен, зловещих туч и молний. Все до ужаса обыденно. Но как современно это полотно, созданное более ста лет назад! Вспомним кадры военной кинохроники — и нас поразит масштабность прозрения Домье. Его пейзаж не конкретен. Это скорее изображение нашей планеты — Земли. А люди, находящиеся в состоянии смятения и горя, по силе обобщения превращаются в Род Человеческий. Колорит полотна необычен. Чеканен монументальный ритм группы людей, уходящих в грозную неизвестность, покидающих родную землю...

«Воры и осел» привлекает редкой экспрессией. Здесь особенно зримо предстают особенности пластики Домье, его умение рисовать фигуры в любых сложнейших ракурсах. Ярко освещена группа борющихся; превосходно написан пейзаж, в нем чувствуется влияние друзей художника — барбизонцев Милле, Диаза и Руссо.

Подлинным новатором, создателем нового жанра в живописи предстает Домье в картинах «Купающиеся девочки» и «Любитель эстампов».

Как широк диапазон этих двух произведений! Серебрист, поистине пленерен колорит юных купальщиц. Вся картина как бы пронизана холодным светом, мягко обволакивающим трогательные фигурки. Проникновенно звучит тема детства, свежести и чистоты. Мотив полотна, как и мотив «Прачек», навеян ежедневными прогулками художника вдоль набережных Сены.

Совершенно иначе построена композиция «Любителя эстампов». Резкий свет выхватывает склоненную фигуру пожилого человека, пристально рассматривающего произведения любимых мастеров. На редкость энергично вылеплена фигура мужчины, озаренная теплым рефлексом. Хорош фон картины, где в холодном полутоне мерцают развешанные эстампы.

Эта тема неоднократно повторялась художником. В ней с особой силой оживали воспоминания юности Домье.

Совершенно неожиданна по живописи и композиции «Поющая пара». Можно без всякого преувеличения отнести это произведение к шедеврам французской живописи. Глядя на холст, невольно вспоминаешь «Читающего Титуса» позднего Рембрандта. Здесь так же таинственно разлит свет, так же проникновенно раскрыта красота души молодой пары; глядя на картину, как бы ощущаешь льющуюся мелодию. Полотно пронизано юностью и вдохновением. Необычайно красива золотистая гамма картины.

Картина «Паяцы на отдыхе» как бы предвосхищает творения художников XIX и XX веков, посвященные театру и цирку. В этом жанре Домье создал десятки картин — театральные залы, заполненные зрителями, огни рампы. Борцы, комедианты написаны с экспрессией, до сих пор небывалой при трактовке подобных сюжетов.

Особое место в живописи Домье занимает тема революции. В картинах «Восстание», «Семья на баррикаде» художник с необычайной мощью рисует образ восставшего народа. Что характерно для живописи Домье — это полное отсутствие какой-либо предвзятой манеры, он пишет, как бы разговаривая со зрителями. Порой голос его мягок, почти нежен. Иногда он крепнет, становится суров, но это всегда голос сердца.

Много раз возвращается Домье к раскрытию образа Дон-Кихота. Картина, воспроизведенная на нашей вкладке,— одна из лучших.

Эта картина написана в Вальмондуа, когда Домье был на пороге слепоты; она как бы подводит итог колористических открытий мастера.

Краски на его палитре с годами превращаются в драгоценные сплавы; они монохромны. Гамма их сближена, но зато каким богатством звучит сдержанная симфония червонных, розовых и глубоких коричневых тонов!

В этой вещи Домье воскрешает лучшие достижения колористов Венеции. Глубоко символичен образ Дон-Кихота, его устремленность к свету, к вечному поиску правды.

ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН

Не вам остановить ход истории...

В. Гюго

Домье наконец увидел свою картину.

Несколько раз он проходил мимо, не замечая ее: так высоко поместили полотно. Маленькая, она казалась ему жалкой, примостившись около огромной золотой рамы, обрамлявшей портрет генерала на коне в бенгальском огне и дыму. Справа ее прижал колоссальный холст с тщательно выписанными фигурами вельмож; к раме, напоминавшей позолоченный саркофаг, была прибита полированная доска с выгравированными именами всех персонажей. «Бедная моя прачка,— подумал Домье,— даже здесь, в храме искусства, тебе так же тяжело, как в жизни».

Нечему было радоваться: ему 54 года, журналы отказываются его печатать,— ему ставят в вину отсутствие юмора. А какой же юмор, если художнику грозит нищета! С устрашающей быстротой растут долги, мелкие и тем более неприятные.

В конце 1862 года художник продает мебель, оставляет любимую мастерскую на набережной Анжу, где проработал много лет, и переезжает на Монмартр. Начинается полоса скитаний... Домье почти забыт; многие друзья его умерли, многие отвернулись от него.

Но пусть будет продана последняя рубашка — никто не может разрушить тот мир, который он создал; мир, где живут сотни сотворенных им образов.

Одним из немногих друзей еще оставался Коро — великий барбизонец, создатель тончайших пейзажей. Он никогда не забудет его слов: «Если хочешь счастья в жизни, занимайся живописью».

И он пишет, пишет самозабвенно.

Казалось, петля нищеты затягивалась все туже, как вдруг о нем вспомнили. «Шаривари» как ни в чем не бывало сообщало, что «наш «старый» сотрудник Домье, оставивший на три года литографию, чтобы заняться исключительно живописью, решил вновь взяться за карандаш».

Материально дела поправились. Однако новая беда стояла у порога. Работа по ночам, при свете лампы, беспрестанный труд у мольберта сделали свое. Домье начал слепнуть.

Он покидает Париж и поселяется в местечке Вальмондуа, недалеко от столицы. Здесь он создает своих знаменитых «Дон-Кихотов», бродячих актеров. Глубоким гуманизмом проникнуты эти последние творения. Вскоре работать становится все труднее, и врачи запрещают ему писать. Опять плохо с деньгами; опять захлестывают долги; нечем платить за аренду домика, хозяин грозит выселением...

Как-то утром Домье получает письмо.

«Мой старый друг, у меня был в Вальмондуа, близ Иль Адам, маленький и совершенно ненужный мне домик. Мне пришла идея подарить его тебе, и, сочтя эту идею удачной, я оформил ее у нотариуса. Сделал я это с единственной целью позлить твоего хозяина, а вовсе не ради тебя.

Твой Коро».

Старый Домье, который видел в своей жизни сотни смертей и с улыбкой переносил любые невзгоды, не смог дочитать письма до конца...

И все же он творит! Его карикатуры достигают предельной остроты и сарказма. Они бичуют Вторую империю в серии «Современность». И правительство решило заставить замолчать художника. Его награждают орденом Почетного Легиона. Но Домье решительно отказывается от награды.

Злой недуг не погасил темперамента Домье, не ослабил мощи его дарования. Наоборот, в последних литографиях художник с истинно микеланджеловской монументальностью рисует трагический образ современной Франции — «Это убило то», «Потрясенная наследством» и «Бедная Франция! Ствол поражен молнией, но корни еще крепки». В этом листе живет огромная вера Домье в силы народа, силу революции.

...Прошло восемь лет. Далеко позади бесславная война, Седан и падение империи. Залито кровью героев пламя первой Коммуны. Домье семьдесят лет. В Париже открылась выставка его произведений. Впервые собраны его литографии, картины, скульптуры. Но на вернисаже не было автора. Многие думали, что он умер. А он в этот весенний день сидел в саду около маленького домика, грелся в лучах апрельского солнца, но не видел его лучей.

Он был слеп.

В феврале 1879 года Домье умер. Тело его в апреле перенесли на кладбище Пер-Лашез.

Республика взяла на себя расходы по погребению одного из великих республиканцев Франции; двенадцать франков оплатили по счету носильщиков, несших гроб.

На каменной плите можно прочесть:

«Здесь покоится Домье. Человек доброго сердца. Великий художник, великий гражданин».

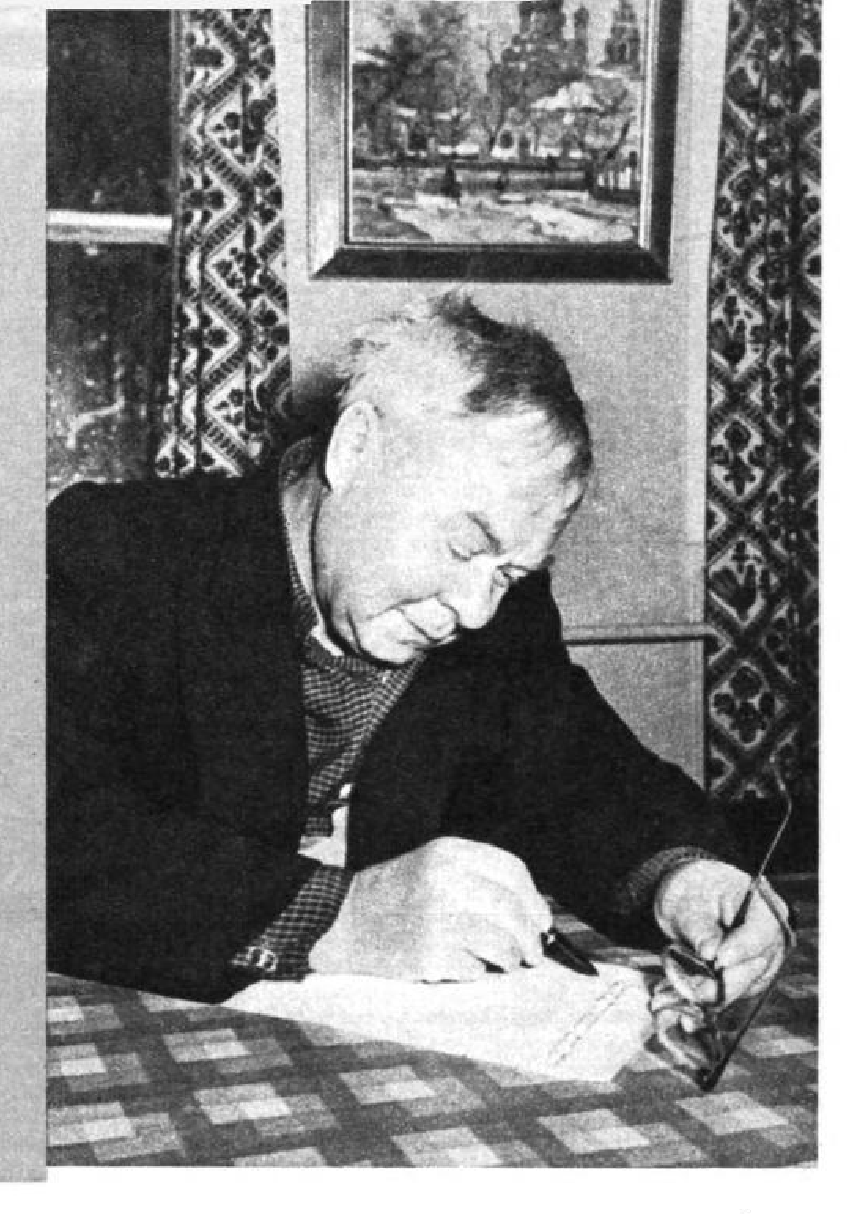
Всеволод ИВАНОВ

Кондратий Худяков

Скончавшийся 15 августа 1963 года Всеволод Вячеславович Иванов оставил большое рукописное литературное наследство.

Мы предлагаем читателям «Огонька» зарисовки из не опубликованного при жизни писателя цикла «Портреты моих друзей».

Публикация Т. В. Ивановой.

ПОРТР МО

25 декабря 1924 года в газете «Красный Курган» была напечатана статья А. Лащевского о поэте Кондратии Худякове. Когда я работал в курганской типографии «Народная газета», А. Лащевский был моим учеником-наборщиком Алешкой. Настоящая фамилия его — Жулистов. Это был высокий, сероглазый, очень красивый паренек, чрезвычайно напыщенно думавший и веривший всем тем фантазиям, которые я ему сообщал тогда, а фантазий у меня рождалось множество. У него были способности и к актерству и к литературе. Я немножко учил его писать стихи, он играл со мной в любительских спектаклях. К сожалению, русская удаль, которой в нем было очень много, и красота отвлекали его от усидчивых занятий. Во время войны его призвали в армию, он служил в Петрограде в гвардии. Но гвардейская служба, обогатив его жизненным опытом, тоже мешала усидчивости. К тому же он научился в Петрограде забавляться водочкой. И, к великому моему сожалению, из Алеши Жулистова ничего не получилось, а я ждал от него очень многого. Но он пописывал статейки, и вот в этой статье... Пожалуй, будет лучше, если я ее приведу целиком:

«Певец трудового крестьянства

(К 4-летию со дня смерти крестьянского поэта-самородка Кондратия Худякова)

В юбилейном номере «Красного Кургана», в котором Кондратий Худяков был постоянным сотрудником, нельзя не сказать несколько слов о нем.

Кондратий Худяков — это крестьянский поэт-самородок, вышедший из бедной крестьянской семьи нашего округа. Он умер в начале 1921 года, писать начал с 1910 года.

Будучи поставленным в тяжелые условия жизни, наш поэт все же сумел издать сборник своих стихов при близком участии Всеволода Иванова (в настоящее время известный пролетарский писатель, в то время работавший наборщиком в нашей Курганской типографии), с которым мы согласились набрать в типографии этот сборник сверхурочно, совершенно бесплатно.

Всеволод Иванов был единственным другом Кондратия Худякова. Некоторые труды были исполнены совместно.

Вот несколько ярких выдержек из его стихов.

Свобода крестьянства была заветной его мечтой.

Он верил в Сибирь:

...Страна колодников, я верю, ты
воспрянешь
И сбросишь гнет томительного сна!..
Моих надежд ты, верю, не обманешь,

Из края изгнанных избранных краем
станешь,
Моих отцов суровая страна...

Изучив жизнь на опыте, Худяков рисует положение крестьян при буржуазном строе:

...Эх, не страшен плен татарщины:
Он не столько зол и лют,
Сколько палка нашей барщины,
Плаха черная и кнут...

В конце 1916 года Кондратий Худяков уже чувствовал надвигавшуюся волну революционного движения:

...И на общих нивах...
труда
Не услышишь тогда слов проклятья...
Человека-раба уж не будет тогда.

Обращаясь к молодежи — творцу новой жизни, смене, он говорил:

Кто душу искусил в борьбе,
Он выйдет ясным из горнила
И через свежие могилы
Шагнет к намеченной тропе!..

Память о Кондратии Худякове живет в сердцах трудящихся нашего округа.

А. Лащевский».

Тут не все точно. Я, конечно, не был единственным другом Кондратия Худякова и не писал с ним совместно. У него были друзья, помимо меня, а писать совместно я не мог по той простой причине, что, во-первых, в стихосложении мы разных школ: он принадлежал к школе классической, а я был поэтом, который отвергал так называемые классические каноны поэзии, склонялся к новым ритмам и, помимо всего прочего, был поэтом попросту неопытным и малознающим, и вообще по умственному своему развитию Худяков на добрых две головы был выше меня, а кроме того, он был очень спокоен, уравновешен, усидчив и, пожалуй, более практичен, хотя практичность ему приносила мало пользы.

Если не ошибаюсь, я познакомился с ним в 1912 году, а может быть, в 1913-м. Меня пригнала в Курган безработица. Я приехал сюда с Урала, по которому скитался в поисках работы довольно долго. От Челябинска я шел пешком вдоль линии железной дороги. Я и до этого работал в Кургане. Сначала служил у Садовникова, владельца нескольких ярмарочных балаганов, который вел свою биографию чуть ли не от тех скоморохов, что пришли в Сибирь вместе с Ермаком. Человек это был темный, работавший когда-то на золотых приисках в Иркутской губернии, на притоках Ангары. Торговал он также иконами, в которых знал толк, и, думаю, имел отношение к подделке икон, которая тогда практиковалась часто, так как старинные иконы высоко ценились. Помимо всего прочего, он имел отношение и к старообрядцам и даже помогал строить храм в византийском стиле в Боровске, подмосковном городе, одном из центров старообрядче-

ства. Но он не лишен был и современных течений: накануне смерти он хотел открыть в Екатеринбурге кинофабрику, которая бы ставила фильмы по сочинениям Мамина-Сибиряка, с которым он был когда-то знаком и даже имел переписку, которую он мне показывал. Мне думалось, что его наследники могут мне дать работу, и, кроме того, скитальцы-наборщики вроде меня почему-то не так уж часто останавливались в Кургане, а проезжали в Омск.

Я работал в типографии Кочешева, выпускавшего одновременно с коммерческими бланками газету «Курганский вестник». В этой газете, почти в каждом ее номере — а она выходила, кажется, три раза в неделю — печатались два поэта: К. Худяков и Лариса Коровина. Лариса Коровина — высокая, красивая девушка, с большими глазами, большими косами, как говорилось тогда, в русском стиле, с медлительной походкой и взглядом, который никого не видел. Она была дочерью местного священника и печатала стихи преимущественно лирические, тогда как Худяков писал стихи на общественные темы, в стиле Некрасова, Сурикова и Дрожжина. Мне его стихи нравились. Он приходил в нашу типографию редко. Это был человек среднего роста, с хорошим профилем, в темном пенсне: один глаз у него был поврежден и полузакрыт, что, впрочем, нисколько не мешало ему быть посвоему очень красивым. Он был владельцем мастерской вывесок. Я пришел к нему в эту мастерскую, так как не мог найти удобного момента, чтобы познакомиться с ним в типографии.

Перед тем как прийти к нему, я долго колебался. Ведь это был первый поэт, первый писатель, с которым я знакомился. Пугали меня и темные его очки. Я долго ходил по главной улице, на которой находилась его мастерская. Зачем я к нему иду? Хотя я писал стихи и читал их на сценах балаганов и маленьких театров-клубов при железнодорожных станциях, в

жила спальней и столовой, тут же спали ребятишки, а уже самая маленькая служила ему кабинетом. Но кабинет, как у настоящего писателя, с письменным столом и шкафом для книг, с двумя креслами. Три человека могли поместиться в этом кабинете в одно окно. Четвертый при всем усилии не мог бы поместиться там. В этом кабинете мой друг писал свои стихи и принимал заказы на вывески. Всю свою кабинетную мебель он сделал сам. Вообще он был самоучкой не только в отношении стихов, но и во всем. Начать с того, что он выучился грамоте, служа мальчиком в какой-то мастерской по вывескам. Самоучкой он научился столярному и кровельному мастерству, а затем и искусству писать вывески.

Мы с ним подружились очень быстро. Может быть, потому подружились быстро, что я относился к нему как к учителю, который должен меня научить тайнам поэзии. Я прочел в общественной библиотеке много книг по теории поэзии и прозы — в сущности говоря, все, что было написано на русском языке, вплоть до самых сложнейших исследований символистов. Я даже знал, что такое гимелетика. Однако же классический стих не давался мне, и я прекрасно понимал мучения человека, когда он не способен отличить ямба от хорея. Бедняга, я не понимал, что как раз именно в этом и есть мое счастье! У меня были свои собственные ритмы, и свое собственное понимание, и взгляд на мир, а я во что бы то ни стало хотел приобрести чужую одежду.

Худяков вначале старался втолковать мне тайны классического ритма, но скоро, поняв, что это совершенно бесполезно, посоветовал мне перейти на прозу.

Я находился тогда под впечатлением тех авторов, что утверждали: уездная жизнь необыкновенно звероподобна, тупа, и нет на свете большего падения, чем быть мещанином. Я хорошо знал жизнь мещан и жизнь вообще всего Курганского уезда, по которому благодаря помощи Садовникова часто ездил с его

му-то пантомимы, которые зритель любил, казались унизительным занятием. Должно быть слово, и слово действительно в те дни значило много, а тут люди ограничиваются жестами и каждые десять минут под тем или иным предлогом бьют друг друга. Бьют, правда, не по-настоящему, выдолбленными, с переборками внутри палками или пузырем, внутри которого гремит горох, но все же бьют!

Мещанство — именно Худяков обратил мое внимание на это — в лице своих молодых представителей много читало и много думало. С Союзом сибирских маслодельных артелей связаны были многие, особенно те, кто поставлял бочки, делал сани, сбрую и прочее, чтобы везти масло на склады в Курган. Поэтому, когда мы бывали в гостях у бочаров, плотников или скорняков, у всех многочисленных приятелей Худякова, мы много с ними разговаривали о кооперации. Тогда предполагалось в Кургане открыть большой кооперативный магазин. Хвалебные стихи о пользе кооперации, которые печатала «Народная газета», казались нам необходимыми и важными. Худяков спорил со своими приятелями и считал, что стихи могут быть политическими или лирическими, о нуждах народа или своего сердца, но писать в стихах о пользе кооперации — это для поэта унизительно!

Я любил гулять по полям и в лесу по многу километров в день. Худяков прошелся со мной раза два-три. Рассказы, которые Алеша Жулистов слушал с таким восторгом, Худякову казались, по-видимому, малоправдоподобными. Он вскоре перестал со мною ходить за город, а стал приглашать меня к своим знакомым. Мы работали в день часов по десять, не меньше, и встречались в неделю раза три. Мы собирались у кого-нибудь из его знакомых, читали стихи или прозу. Сначала мы читали сборники писателей-самоучек, которые тогда был обычай выпускать и печатать сообща по подписке. В Суздали, например, жил писатель-

ЕТЫ ИХ ДРУЗЕЙ

народных домах общества трезвости и мои стихи, а особенно «Антрэ» — маленькие сцены, написанные для клоунов, — ходили в списках и позже, лет пятнадцать спустя, на провинциальных сценах и в цирках я слышал эти «Антрэ», тем не менее мои стихи в газетах не печатали, а в журналы, конечно, я не осмеливался посылать. Даже переписанных стихов у меня не было в руках, я помнил их наизусть, но чувствовал, что, если поэт Худяков попросит меня прочесть мои стихи, я их тотчас же забуду. Конечно, я мог бы выучить где-нибудь чужие стихи и выдать их за свои, что я не замедлил бы сделать, если бы не думал, что Худяков, как настоящий поэт, читал и знает все стихи на свете.

И все-таки я осмелился войти в его дом.

Над его мастерской висела великолепная вывеска, в простенках между окон и возле дверей тоже находились прекрасные вывески, судя по которым все человеческое счастье зависело только от того, какую ты имеешь вывеску, а если не имеешь никакой, то ты не можешь рассчитывать на счастье, хотя бы и очень маленькое. Задребезжал звонок, и я вошел. У него было три комнаты. В первой, самой большой, он писал вывески, комната отапливалась большой русской печью, которая была отделена перегородкой, и за этой перегородкой жена стряпала обед. Следующая комнатка слу-

балаганами на ярмарки. Уезд был кустарный и торговый. Торговый оборот Кургана достигал шести миллионов рублей. Это по тем временам огромная сумма. И в городе и в уезде было множество ярмарок, на которых торговали хлебом, мясом, скотом, салом и спиртом, маслом, которое вывозили даже за границу. В одном селе выделывали кожи, в другом — деревянную посуду, в третьем — пряники, в четвертом — кринки и обливную посуду, в пятом — уголь и тес, курили смолу, делали бочки, топоры, сошники, перегоняли масличные семена. На станции Богоявленской был довольно значительный стеклянный завод, который выделывал листовое стекло, миллион бутылок и аптекарских склянок. Всюду, где я проезжал, можно было разглядеть остатки старинных укреплений и о старине разговаривали, словно о вчерашнем дне. Овчины, шерсть, шубы; вязание рукавиц; изготовление исподников, опоясок, бахил, котов, пимов, клея и выростковых кож.

Особенно любили книги мастера маслобойного дела, работавшие на маслобойных заводах. Худяков знакомил меня с ними, некоторые из них помнили меня по выступлениям в балаганах. Я часто ставил большие пантомимы, и мне приходилось приглашать для них любителей, так как актеров балагана нам не хватало. Любители неохотно шли играть, им поче-

самоучка, который выпускал сборники «Пробуждение». Вклад для выпуска такого сборника был очень мал, что-то около пяти рублей, причем после выпуска сборника издатель отчитывался в расходах перед своими товарищами.

Но сборники эти скоро нам надоели. Они были полны добрых намерений, гражданского пафоса, и в них было очень мало, как это ни печально сказать, талантливых людей. Тогда мы стали читать вслух Блока и стихи всей группы поэтов, которая была вокруг него, прозаические произведения Горького, Чапыгина. Вообще мы отлично знали всех писателей-самоучек и резко отделяли эту группу от профессионалов с высшим образованием. Нам казалось, что с помощью этих самоучек мы войдем в литературу. Мы вовсе не собирались быть петербургскими или московскими писателями, и высшей мечтой для нас была мечта открыть где-нибудь в большом сибирском городе издательство, которое бы печатало журнал с нашими произведениями, а может быть, и книги. Разумеется, мы не думали о доходах с этого издательства и готовы были отдать все свои средства в помощь ему.

Худяков печатался в тех немногочисленных журналах и газетах, которые выходили в то время в Сибири. Я печатался лишь в газете «Приишимье», которая выходила в соседнем с

нами городе, Петропавловске. Может быть, я и посылал свои рассказы в другие газеты и журналы, возможно, но что их не печатали, это уж я знаю подлинно. Книжку Худякову никак не удавалось издать. Тогда — это было в 1915 или 1916 году — я и мои друзья по типографии набрали и напечатали книгу его стихов под названием «Сибирь». На обороте обложки напечатано даже: «Издание Всеволода Иванова». Помню, Кондратий Худяков купил на 40 рублей бумаги, чтобы напечатать эту книжку. Книжка получилась довольно солидной, в ней свыше ста страниц, и мы напечатали ее вполне опрятно. Не знаю, оправдал ли Худяков свои расходы на бумагу. Помнится, он хотел распродать эту книжку и писал о выходе ее в разные книжные магазины, но заказов к нему не поступало, и не помню, были ли на нее рецензии. После Февральской революции 1917 года Худяков напечатал много своих стихов, которые по условиям цензуры не могли быть напечатаны раньше.

Несмотря на то, что я был более подвижным и семьи у меня не было, Кондратий Худяков попал в Петроград раньше меня. Думаю, что у меня попросту не было денег на поездку. Да и у него их не было. Он решил оправдать свою поездку тем, что повезет в Петроград что-нибудь съедобное из Сибири. Мы долго с ним обсуждали, что везти, и наконец остановились на том, что он повезет три мешка кренделей. Муку нельзя было везти: это считалось спекуляцией, равно как нельзя было везти сало или масло, но крендели везти почему-то было можно. Я проводил его на вокзал, помог ему погрузить три мешка кренделей и один мешок с его книгами стихов «Сибирь».

Поезд шел долго, крендели мы не догадались высушить, он повез их свежевыпеченными, и они по дороге стали плесневеть. По приезде он сидел несколько дней в номере гостиницы и счищал ножичком плесень с кренделей. Крендели он продал, но книги «Сибирь», моего издания, привез обратно. Я получил от него открыточку, в которой он пишет, что с моим письмом он зашел в редакцию газеты «Новая жизнь» — я осмелился рекомендовать Худякова Горькому,— над входом висела полотняная вывеска газеты, на что он обратил свое профессиональное внимание. Вышел хмурый Горький, прочел его стихи и сказал, что они будут напечатаны. Стихи действительно через год, приблизительно, были напечатаны во «Втором сборнике пролетарских писателей». Крендели все-таки помогли Худякову вернуться: ему хватило на билет.

Вскоре я уехал из Кургана. Недавно дети Кондратия Худякова, сохранившие часть его рукописей, принесли мне вместе с его рукописями и мои письма к нему из Омска и Татарки, где я жил в 1919 году. По этим письмам видно, что у меня было в Омске множество планов. Осуществил я из них очень немногие. Мы предполагали открыть издательство, журнал, но почему-то из всего этого ничего не получилось.

Поверив, по-видимому, в мои планы, он прислал мне книгу своих стихов, которую предполагал напечатать. Или, может быть, она уже была напечатана? Не знаю. Стихи эти наивные, и я привожу их только для того, чтобы показать, какие были у нас выспренние настроения. Очень жаль, что не сохранились у меня его письма. Они исчезли во время гражданской войны. Некоторые из них, особенно письма последнего времени, были очень интересны.

Он страстно любил поэзию. Приучил меня несколько раз прочитывать одно и то же стихотворение, чтоб уяснить себе целиком весь его смысл, а затем уже переходить к отдельным строфам, а от строф — к отдельным предложениям. Таким образом, мы разбирали стихотворение от начала до конца, рассматривали его со всех сторон, выпивали, так сказать, всю красоту его. Именно ему я обязан пониманием стихов, а отсюда, значит, и пониманием всех малейших оттенков прозы. Разумеется, у него много было провинциализма, много слабых стихотворений, да и в лучших стихотворениях попадались чрезвычайно заштампованные слова и выражения, которые, может быть, до сих пор еще в провинции кажутся необыкновенно модными, но если он не понимал шероховатости своих стихов, то он чудеснейшим образом разбирался в чужих стихах. Привожу для примера его стихи, написанные после смерти его дочери в подражание Блоку.

К малютке

Ах, погоди со мной, моя малютка!
Я расскажу тебе, мой друг, о том,
Как стала Русь продажной проституткой[1],
А дряхлый мир развратным торгашом.

В глухую ночь под окрик зоркой стражи
В тюрьме лишь сны о воле хороши...
Дитя мое! Красивые миражи —
Манящий сон больной твоей души...

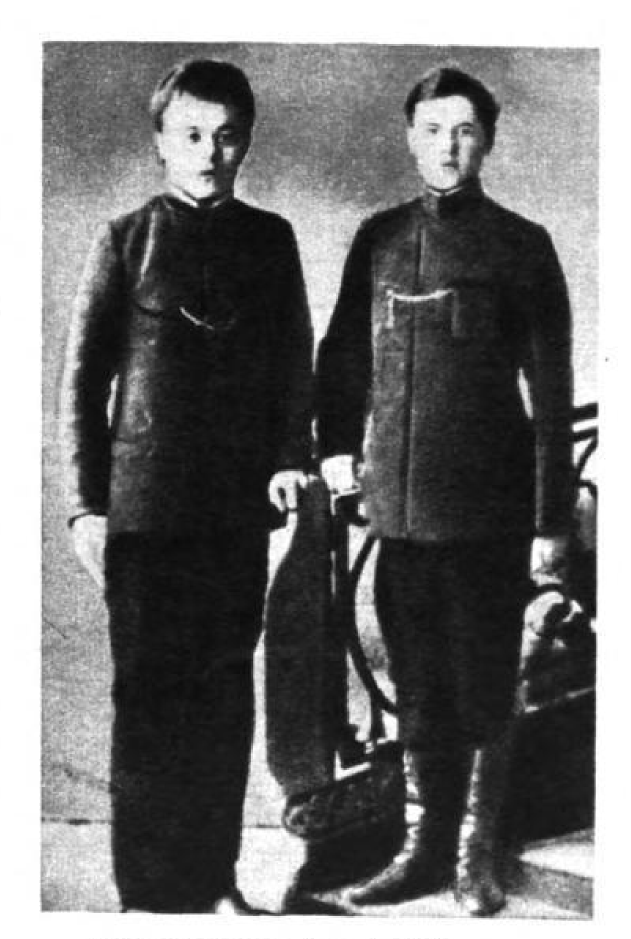
Не торопись в непознанные дали,
Не порывай с долинною тоской.
Опять зажгла в груди моей печали
Судьба-палач безжалостной рукой.

Не уходи, постой со мной минутку...
Со стариком тоскующим постой...
Ах, кто сыграл над нами злую шутку?
Кто обольстил несбыточной мечтой?

11 ноября 1918 года.

Кондратий Худяков

И что в нем было очень любопытно, что указывало на огромные возможности его как поэта,— это то, что стихи его становились все яснее, проще и в то же время вдохновеннее. В мои времена в Сибири было немало талантливых поэтов: Ю. Сопов, В. Пруссак, Г. Маслов. Некоторые из них, наверное, стали бы прекрасными поэтами впоследствии. Но Юрий Сопов, будучи мобилизован во времена колчаковщины, как человек со средним образованием, попал в юнкера, а затем уже офицером — в охрану Колчака. Ю. Сопов до переворота печатал свои стихи в омских «Известиях», и, когда я перед бегством из Омска, имея на руках фальшивый паспорт, предложил ему устроить такой же, он печально улыбнулся и сказал:

Всеволод Иванов (слева). 1918 год.

— Может быть, нам и не нужно бежать, а это наваждение само убежит от нас?

Наваждение убежало. Но оно унесло с собой и превосходный, очень оригинальный поэтический талант Сопова. Хотя он печатался в кадетской газете, не помню, как ее называли, но он не выступал с политическими стихами или, во всяком случае, с малым их количеством. Мне кажется, что его мировоззрение молодого человека, печатавшегося в «Известиях», не изменилось. Рядом с кабинетом Колчака, где находились его адъютанты — у нас поговаривали, что Сопов попал туда не случайно,— произошел взрыв ящика с гранатами, и Колчак уцелел чудом. Большинство его адъютантов погибло, и в том числе поэт Сопов.

Из всех мероприятий, которые я задумал в Омске, мне удалось только выпустить однодневную газету «Согры». Согры — молодая поросль, которая появляется на болоте. Мы этим хотели сказать, что на болоте мещанской литературы появляется новая революционная литература. Газета успеха, конечно, не имела, и, кроме этого номера, нам не удалось выпустить ничего больше. Кажется, я напечатал в нем цикл стихов Худякова, а может быть, приготовил их для второго номера, для которого Юрий Сопов принес стихи, казавшиеся мне программными «согринскими».

...Цвета зеленой кобры
Юная поросль «Согры».
Время черные крылья раскроет,
Деревьями станут ростки,

От далеких и юных героев
Останутся гнилые куски.
Их растопчут забвенья копыта,
И «Согры» будут забыты.

Мы тогда любили писать под псевдонимами. У меня было, например, несколько псевдонимов: В. Таежный, В. Савицкий, Т. Акимов и другие, которых я уже не помню. Писал под псевдонимами и Худяков: он печатал стихи, подписывая их: Сибиряк-Тобольский, Черный Бор, К. К. Подписывали мы псевдонимами не потому, что хотели спрятать свою фамилию или боялись какого-либо наказания, а для того, чтобы некоторая таинственность прикрывала нас, а иногда казалось, что под псевдонимами нас скорее поймут. Да и действительно, кто бы мог понять, принять их всерьез, лирические стихи, написанные владельцем вывесочной мастерской или наборщиком типографии, который в типографии из-за того, что хозяин давал мало мыла, не мог отмыть свои руки и вынужден возвращаться через весь город домой с черными руками.

После того как колчаковщина была разгромлена, я очутился в небольшом городке Татарске. Очутился я тут случайно. Я возвращался из Новосибирска в Омск в поезде и по дороге захворал тифом. Со мной ехал известный теперь ленинградский писатель Д. Четвериков. Когда я впал в беспамятство, он почувствовал, что моя болезнь в поезде может окончиться плохо. Вагоны, конечно, не топили, было тесно, да и пассажиры не очень радовались тому, что на полке с ними рядом едет сыпнотифозный больной. Четвериков высадил меня на станции Татарск и сам остался вместе со мной. Благодаря его заботливости и уходу я выздоровел. Болезнь была настолько тяжела, что, когда я стал поправляться, выяснилось, что я забыл грамоту, и мне приходилось снова учить ее.

После выздоровления я поехал инструктором по внешкольному образованию по Татарскому уезду. Уезд был большой, ездил я долго. Я должен был организовывать вечерние школы для взрослых и раздавать советские учебники и буквари по одному на каждую школу. Мне также было поручено снимать в школах иконы. Вот это-то последнее поручение, которое казалось мне в Татарске очень легким, было чрезвычайно трудным. Я говорил мужикам, что в школе могут учиться, кроме православных, еще, скажем, татары и что татарам неприятно видеть иконы и читать перед началом учебных занятий молитвы. Мужики возражали мне:

— Да ведь у нас никаких татар тут нет.

Иконы я все-таки снимал.

Однажды в одном селе я остановился у председателя сельсовета, очень состоятельного и богобоязненного мужика. Мужик пригласил меня вечером в баню. Но потом он вдруг отказался, ссылаясь на недомогание, идти со мной. Я, ничего не подозревая, отправился один. Не успел я окатиться теплой водой и взять в руки самодельное мыло, как почув-

[1] Написано во время колчаковщины.

ствовал головокружение. Я открыл дверь в предбанник, чтобы немного освежиться. Голова кружилась все больше и больше. Тогда я решил открыть дверь из предбанника во двор. Я толкнул ее. Она не открывалась. Кто-то подпер дверь снаружи колом. Тогда я понял, что баню намеренно натопили с угаром. Я обернул руку шапкой и выбил окно. Но окно было крошечное, и входивший оттуда воздух не прогонял угара. Дышать было трудно, и я чувствовал, что еще несколько минут — и я погибну. Тогда я натянул на себя полушубок, разбежался, сколько мог, по предбаннику и ударился всем телом в дверь. К моему счастью, кол был воткнут в снег и, должно быть, не дошел до земли или плохо был заострен и не уткнулся в землю. Во всяком случае, дверь приоткрылась настолько, что я, разорвав полушубок, мог проползти в щель. Я повалился в сугроб и, когда отдышался, с чудовищной болью во всем теле, вполз в горницу и стал ругать хозяина. А тот с приятелями сидел за столом и, прихлебывая чай, глядел на меня спокойно.

— Это тебя бог наказывает,— сказал он,— что ты святые иконы снимаешь. А, может, ребятишки просто баловались. У меня свидетели, что я все время никуда не выходил и пил чай.

Даже поправившись после тифа, я не испытывал такой радости жизни, какую испытывал тогда, когда вернулся из этой поездки, сняв в конце концов все иконы в школах. Эта радость особенно усилилась во мне, когда, придя к себе на квартиру, я увидел письмо Худякова. Как жаль, что оно не сохранилось! Я помню, что оно полно было чудеснейшей радости и восхищения перед жизнью и самым превосходным образом отвечало моим хорошим настроениям.

Так как этого письма не сохранилось, я позволю себе привести выдержки из своего, которое очень хорошо передает впечатление от письма Худякова.

«28/III 1920 г.

Дорогой друг, Кондрат!

Получил твое письмо, но так как был в это время в поездке по уезду, то ответить тебе сразу не смог. Очень рад, что ты благополучно перенес хворь, теперь долго будешь здравствовать. О впечатлениях, вынесенных из поездки по уезду, я не буду тебе говорить. Быт современной деревни, ее мысли и настроения ты, я полагаю, знаешь лучше меня...

...Написать тебе о своих настроениях? Не впадая в лирический тон, придется написать немногое. Чувствую бодрость и веру в то, что возможность творчества новых, хотя бы малоценных произведений духа,— возвратится. А вместе с нею цена жизни увеличится. Те уроки жизни, которые вкушаешь сейчас, принесут, я думаю, колоссальную пользу. Кругозор расширяется с каждым днем. Учишься сам и других учишь. И книга теперь является советчиком в вопросах жизни, а не самоцелью, как было раньше. Ей-слово! Я приемлю жизнь теперь с неожиданной для себя верой, с верою, что теперь под звон оружия, где-то внутри, в сгустках крови рождается и крепнет новая мысль, которая толкнет и поведет к новым возможностям... Появится, я верю, что-то новое. Это появление родит и заставит трепетать те «струны сердца», выражаясь вульгарно, которых до сего времени у меня не было. Может быть, для тебя это написанное туманно, но я не могу отлить мысль, которая гнездится в моем мозгу, в ясные и точные формы...

...Пиши, друг.

Адрес: Татарск. Омской губ.
Отдел Народного образования, мне.
В. Иванов».

В последовавшей телеграмме из Кургана было неожиданное сообщение от семьи Худякова, что Кондратий Кузьмич внезапно скончался.

В конце 1919 года, после разгрома колчаковщины, Худяков был на некоторое время, недели на две-на три, кажется, арестован органами курганского Чека. Во время колчаковщины он печатал свои стихи в кооперативных журналах и газетах. Стихи эти были лирические, конечно, арест был простым недоразумением, о чем он мне, прилагая новые стихи, и сообщал не без юмора.

Литературное наследство Худякова невелико. Кроме книжки «Сибирь», есть еще несколько десятков стихотворений, разбросанных по сибирским газетам и журналам, и несколько стихотворений, сохранившихся в рукописях. Сохранились также и ненапечатанные записки о его жизни, написанные в 1911—1912 годах, в начале его литературной деятельности. По-видимому, пришло время для того, чтобы издать книгу его стихов, воспоминаний и опытов прозы, которую он только что начал было писать.

К творчеству его нужно быть снисходительным. Хотя он был уже и немолод, но литературная его жизнь только-только выходила из стадии подражательной и становилась более или менее самостоятельной. Это был человек больших книжных знаний, которые он едва лишь начал применять, и человек огромного жизненного опыта, который только что начал рассказывать о своем опыте. Доживи бы он до 1923—1925 годов, когда начала развертываться во всю свою ширь молодая советская литература, Худяков, несомненно, занял бы в ней свое, отличное от других поэтическое место. Судьба поступила с ним жестоко. Его жизнь была необычайно трудна. Я не видел, проживая с ним рядом четыре или пять лет, ни одного дня, чтобы он не трудился. Даже в дни пасхи, когда весь курганский люд, как и люд всей матушки России, напивался до положения риз, Худяков — непивший и некуривший,— сходив с женою и детьми в церковь и разговевшись,— садился за свой письменный стол и под звон пасхальных колоколов начинал работу: он или писал стихи, или отвечал своим корреспондентам, таким же, как он, писателям-самоучкам. Когда после обеда я приходил к нему, он мне читал с грустной улыбкой свои стихи, а затем мы начинали разбирать чье-нибудь творчество. В этот день было некуда идти в гости: весь город был пьян, ребятишки катали яйца или звонили на колокольне; колокольный звон был нелепый, странный, но никто в городе не замечал этого. Мы читали и читали.

СЕЛЬСКИЕ ПИСЬМА

Дорогой Юрий Алексеевич!

Пишут Вам пионеры и комсомольцы Подгайчиковской восьмилетней школы, Городокского района, Львовской области. Мы, ученики восьмого класса и пионеры звена имени Ю. А. Гагарина, на протяжении трех лет с достоинством и честью пронесли славное имя Героя Советского Союза летчика-космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, Ваше, Юрий Алексеевич, имя. Почему мы пишем «пронесли»? А потому, что мы уже стали комсомольцами и скоро передадим имя нашего пионерского звена ученикам третьего класса, которые станут пионерами.

Наша школа сельская, и ученики в минувшем году поработали хорошо: убирали картофель в колхозе, собирали желуди для колхозных свиней, а также собирали металлолом, стекло, бумагу. За хорошую работу в колхозе правление наградило пионерскую дружину телевизором «Неман». Неплохо у нас и с учебой. Например, в нашем звене нет отстающих, все учатся хорошо. Ведь девиз нашего класса такой: «Знать больше, работать лучше, жить с песней».

Работаем мы и в разных кружках. Например, наши ребята и девочки восьмого класса изучают радиодело, участвуют в работе «Клуба космонавтов».

Скоро мы окончим нашу восьмилетнюю школу. Некоторые из нас продолжат учебу в девятом классе. Но многие пойдут работать в родной колхоз и будут учиться в вечерней школе. В будущем, может быть, не все из нас станут космонавтами, но обещаем Вам, Юрий Алексеевич, что все мы станем достойными строителями коммунизма!

Поздравляем Вас, Юрий Алексеевич, с новым, 1964 годом и желаем Вам доброго здоровья, успехов в работе и счастья в личной жизни!

По поручению пионеров звена имени Ю. А. Гагарина:
звеньевая — М. Чиковская,
комсорг класса — А. Глуд,
староста класса — М. Стопец.

ЮБИЛЕЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКО готовится отметить вся Украина. Галина Алексеевна Мостицкая, заведующая детскими яслями колхоза имени А. Можайского, к этому дню закончит портрет великого кобзаря, который, как это видно на нашем снимке, она вышивает по белому полотну.

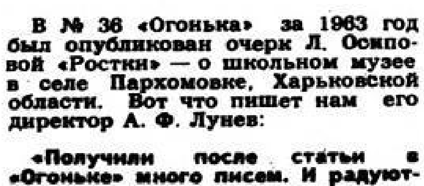
Среди ручных вышивок Г. А. Мостицкой это будет уже не первый портрет. Многие ее работы с изображением великих людей отмечены в Виннице на областных выставках народного творчества.

Дм. МАЮК

Село Вороновица.

Фото М. Андрейчука.

В № 36 «Огонька» за 1963 год был опубликован очерк Л. Осиповой «Ростки» — о школьном музее в селе Пархомовке, Харьковской области. Вот что пишет нам его директор А. Ф. Лунев:

«Получили после статьи в «Огоньке» много писем. И радуются и удивляются люди на наш музей. Это хорошо. Но что самое хорошее — присылают музею новые подарки. Вот только что распечатали посылку от Алисы Максимовны Шебалиной, вдовы композитора В. Я. Шебалина. Здесь карандашные рисунки Кустодиева, в том числе «Портрет жены», небольшой древнегреческий сосудик — подлинный! И альбом репродукций Рубенса.

Очень обрадовали нас пластинки с записью классической музыки. Ведь у нас при музее теперь работает кружок любителей музыки.

Из Армении пришли картины художников Есаяна и Минасяна.

Не напомните ли вы художникам С. Чуйкову, Л. Бродской и А. Пластову об их добром обещании прислать в наш музей свои вещи?..»

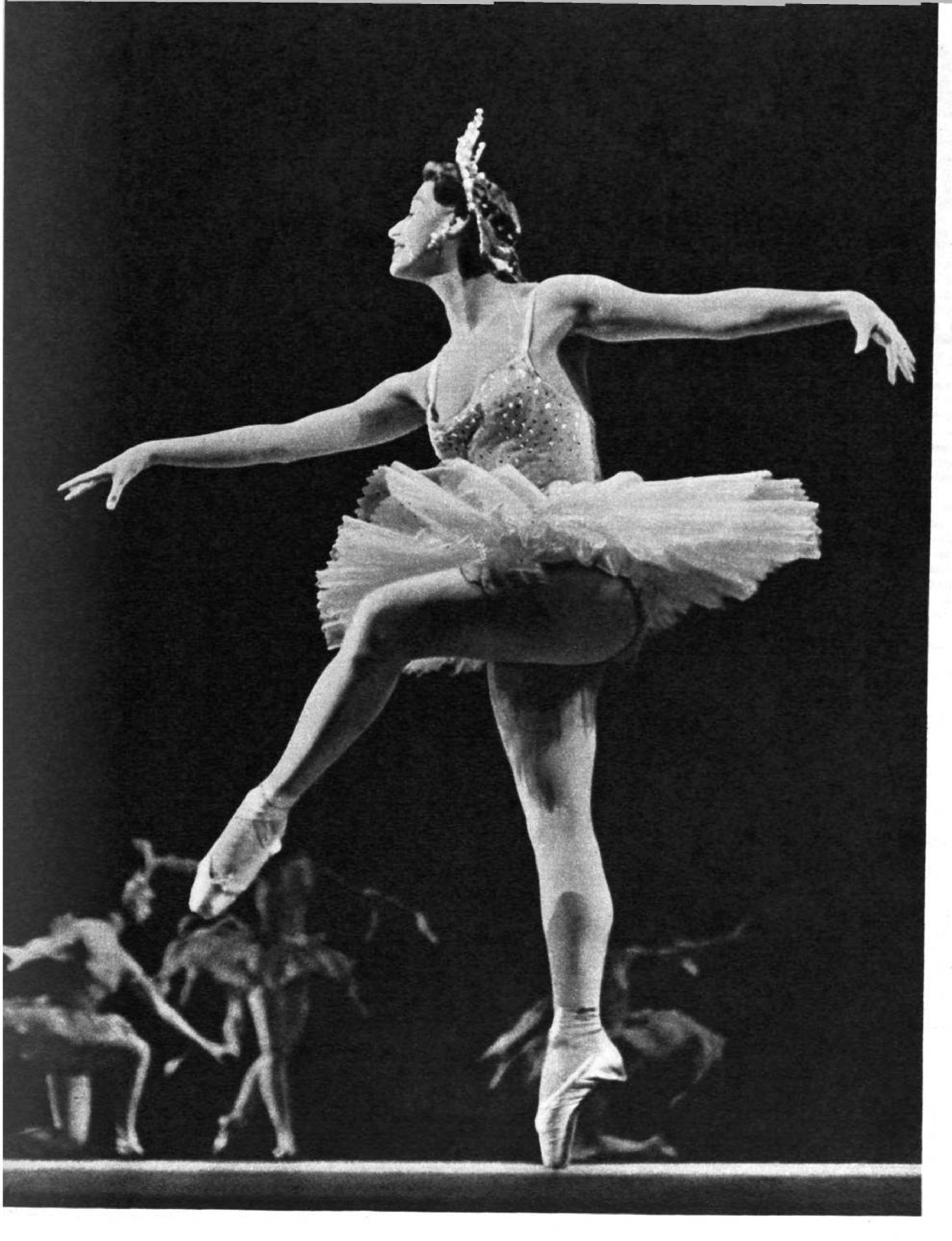

Фото Е. УМНОВА.

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

НАША Майя

Бывают в жизни такие встречи, которые остаются в памяти вечно. Незадолго до Великой Отечественной войны я пригласила к себе в гости большую компанию учениц Хореографического училища Большого театра. А надо сказать, что все мы, воспитанники этого училища, навсегда сохраняли нежную дружбу к нему; бывали там на уроках, на приемных и выпускных экзаменах; с интересом следили за ростом юных артистов.

Среди девочек, пришедших ко мне в тот вечер, была и Майя Плисецкая. Высокая, тонкая, как березка, с рыжевато-золотистыми волосами, она была задумчива и малоразговорчива. Когда к ней обращались, Майя внимательно, сосредоточенно вглядывалась в собеседника, и у нее между бровями вдруг начинала вздрагивать и биться какая-то маленькая, едва заметная жилка. От этого казалось, что и сами брови становились очень подвижными, то слегка приподымались, то как-то змеились, то трепетали, напоминая крылья бабочки.

Майя мало принимала участия в общих разговорах и, сев за рояль, тихо, для себя, играла какие-то отрывки из балетов.

Так в тот вечер я познакомилась поближе с этой чудесной артисткой, которой суждено было впоследствии прославиться на весь мир.

С радостью узнали мы сейчас, что наша Майя — наша замечательная балерина Плисецкая — выдвинута на соискание Ленинской премии.

Щедро наградила природа талантом Майю Плисецкую. Трудно сказать, какие балеты ей лучше всего удаются. Диапазон ее дарования настолько широк, что ей все доступно: и лирика «Лебединого озера», и героика «Лауренсии», сказочность и тонкий юмор «Конька-горбунка». Танец Плисецкой широк и певуч. Она не только замечательная классическая балерина, владеющая блестящей техникой, не только талантливая артистка, раскрывающая средствами хореографии музыкальную драматургию,— она глубоко чувствует и «душу» народного танца.

Нельзя забыть Майю Плисецкую в танце «Персидок» в опере «Хованщина». Глядя на ее пластичные движения, на ее «говорящие» руки, причудливые изгибы тонкого корпуса, чудится, что видишь не балерину на сцене, а «ожившую» персидскую миниатюру, созданную величайшим мастером.

С бравадой и поистине огненным темпераментом исполняет Плисецкая роль испанки Китри в балете «Дон-Кихот». И выразительно своим танцем «рассказывает» чудесную сказку «Спящая красавица», знакомую нам с детства.

Викторина КРИГЕР

С. МИКОЯН

По обе стороны тропика Козерога

На улице в Рио.

«Изумительный город»

Рио-де-Жанейро бразильцы называют «сидади маравильоза» — «изумительный город».

С вершины высокой горы Корковадо видны гора Сахарная голова и заливы Атлантического океана, причудливо врезающиеся в город. Смотришь на изумительную, неповторимую по красоте панораму, от которой замирает сердце, и понимаешь страстную любовь бразильцев к Рио-де-Жанейро.

Мы приехали на вершину Корковадо, где установлено огромное распятие, в конце дня. На наших глазах солнце ушло за горные хребты, спустились сумерки. Рио уже загорелся тысячами огней. Подул ветер; вдруг туман, сгустившийся во впадине между горами, стал подниматься вверх по склону, как бы с трудом преодолевая высоту. Ветер усилился, и туман, как белое одеяло, все быстрее перекатывался через закругленную вершину и опускался на город.

Природа словно хотела скрыть от человеческого взора «изумительный город», трудную и противоречивую жизнь миллионов людей с их радостями и печалью, контрасты нищеты и богатства, яркого света и мрачной темноты.

Рио-де-Жанейро состоит из нескольких громадных частей, отделенных друг от друга горами. В них проделаны туннели, связывающие город в одно целое. Названия частей Рио знакомы нам по бразильским футбольным командам: Ботафого, Фламенго. Один из самых красочных районов — Копакабана. Это широкий пляж, застроенный отелями. В них живут туристы и состоятельные люди из Рио-де-Жанейро. Однако и тут стоит немного подняться в горы, как начинаются ряды фавел. Издалека, снизу, даже не представляешь себе степень царящей в фавелах нищеты. Меня удивило, что многие обитатели их ходят с жестяными банками на плечах. Оказывается, они носят снизу воду, иногда за километр.

Карлос Ласерда — губернатор штата Гуанабара, где расположен Рио-де-Жанейро и его пригороды. Он хочет стать президентом. Поэтому везде, даже там, где сооружается всего лишь пятиметровый участок дороги, вы увидите громадный плакат, на котором крупными буквами написано: «Правительство Карлоса Ласерды. Строительство дороги». В городском автобусе, на котором я пересек весь город, на спинке каждого сиденья была аккуратно прикреплена табличка с призывом голосовать на выборах 1965 года за Ласерду.

Губернатор напоминает о себе не только курьезами. Он заявил, что не допустит в город официального гостя бразильского правительства президента СФРЮ Иосипа Броз Тито, как коммуниста. Всего лишь за две недели до нашего приезда по приказу Ласерды полиция стреляла в демонстрантов. Президент Жоао Гуларт добился прекращения убийства мирных жителей города, лишь направив против полиции штата части регулярной армии.

Мне рассказали страшную историю, которой я долго не мог поверить. Поговорив с несколькими бразильцами, я понял, что это правда. Как-то полиция Ласерды стала ночью ловить нищих, вывозить в один из пустынных заливов и там топить в море. История эта получила огласку, когда одна нищая чудом выплыла и спаслась. Она рассказала журналистам о кошмарах «варфоломеевских ночей» в Рио-де-Жанейро. Однако буржуазные газеты замяли дело, и оно ограничилось судом... над несколькими полицейскими.

А губернатор по-прежнему рвется к президентскому креслу. Ему не терпится распространить свою «деятельность» на всю страну, бросить против народа не только полицию, но и армию, запретить прогрессивные политические партии, порвать отношения с Советским Союзом.

Индустриальное сердце Бразилии

Пока не попадешь в этот город, не представляешь себе его масштабов. Шумные улицы, небоскребы, сотни заводских труб.

Сан-Пауло — крупнейший промышленный центр Латинской Америки. В штате Сан-Пауло сосредоточено свыше 60 процентов всей бразильской промышленности.

На окраинах города стоят новенькие здания автомобильных заводов «Фольксваген», «Виллис» и других иностранных компаний. Но за новыми фасадами — старое оборудование.

Однако даже при старом оборудовании иностранные фирмы наживают здесь громадные прибыли.

Прибыли этих компаний почти не страдают от обесценения бразильской валюты — крузейро. Иностранный капитал благодаря инфляции даже наживает дополнительные барыши путем всевозможных валютных спекуляций.

Зато инфляция бьет по труженикам-бразильцам. В стране есть утвержденный законом минимум зарплаты. Для подавляющего большинства рабочих он является одновременно и максимумом.

Недавно в печати сообщалось о замене крузейро новой денежной единицей — бразао. За 1 000 крузейро — 1 бразао. Это, конечно, сэкономит расходы государства на печатание денег и облегчит подсчет их. Но трудящиеся массы и так не очень обременены подсчетом больших сумм...

Экономика Бразилии переживает серьезнейшие трудности. Все большее число людей задумывается сегодня над вопросом: где выход? Реакционная печать причисляет многих из тех, кого всерьез волнует эта проблема, к коммунистам. Но среди этих людей большая группа видных представителей национального капитала. Мы, советские журналисты, встретились с одним из таких крупных промышленников. По его мнению, основное зло — это господство иностранных монополий. Они вывозят за пределы страны колоссальные прибыли в иностранной валюте; они занимаются спекулятивными махинациями в огромных размерах; они проводят нерациональную для Бразилии хозяйственную политику. Все это сковывает производительные силы страны с ее 70-миллионным населением и богатыми природными ресурсами.

Мы посетили государственную нефтяную компанию «Петробраз».

10 лет назад был принят закон о создании компании. Это было большой победой бразильских патриотов. На протяжении десятилетий американские эксперты утверждали, что в Бразилии нет значительных запасов нефти, а нефтяные компании США продолжали продавать Бразилии за доллары жидкое топливо. Понадобилось 15 лет, чтобы преодолеть сопротивление американских монополий. Сейчас страна добывает 5,5 миллиона тонн нефти.

В Бразилию приехали из СССР ученые-нефтяники, преподаватели Московского института нефтехимической и газовой промыш-

ленности Э. А. Бакиров и Э. И. Тагиев. Как сказал представитель компании, советские ученые проявили не только исключительные технические знания, но и колоссальную работоспособность. За короткий срок — 5 месяцев — они изучили документацию, объездили многие промыслы, провели ряд исследований и составили итоговый доклад президенту Гуларту. Вопреки заключениям экспертов из США было доказано, что Бразилия обладает большими запасами нефти.

Но еще много проблем остается нерешенными. Например, вопрос о сбыте бразильской нефти. Вы нигде не увидите бензоколонок «Петробраза». Зато повсюду — колонки американских компаний.

Один из руководителей этой государственной компании говорил нам:

— Нефть, добываемая «Петробразом» в Бразилии и перерабатываемая на государственных нефтеочистительных заводах в бензин, сбывается через иностранные нефтяные компании. «Петробраз» будет обходиться без посредников лишь при снабжении армии и нашей промышленности.

Иностранные компании наживаются не только на привозной нефти, но и на бразильской, покупая бензин у «Петробраза» по одной цене и продавая потребителям по другой.

Вокруг деятельности «Петробраза» идут большие споры. Правые элементы как огня боятся «цепной реакции» и всячески стремятся ограничить эту государственную компанию в правах и возможностях. Исход политической, экономической и даже идеологической борьбы вокруг «Петробраза» окажет большое влияние на дальнейшее развитие страны.

Кофе, пляжи и футбол

Это сочетание не представляет неожиданности для города Сантос. Во-первых, через порт Сантос идет большая часть бразильского экспорта кофе. Во-вторых, пляжи Сантоса привлекают в праздники и воскресенья десятки тысяч жителей Сан-Пауло и других городов, находящихся вблизи берегов Атлантики. В-третьих, в Сантосе существует известная футбольная команда «Сантос» — первый чемпион мира среди клубных команд, а в ней играет уроженец этого города знаменитый Пеле. Жители города собираются даже поставить ему памятник.

На замечательных пляжах Сантоса вы не найдете кабин для переодевания. Но зато по всему фронту песчаной полосы шириной в 70—80 метров и длиной в 2—3 километра через определенные интервалы установлены футбольные ворота без сеток. Все дети, многие мужчины и даже некоторые женщины не столько купаются в море, сколько играют в футбол.

Гавань и порт Сантоса — одни из крупнейших на континенте.

Большая часть судов, уходящих отсюда, увозит кофе, который считается главным богатством страны. Но вывозится далеко не весь кофе, предназначенный для экспорта. На складах скопился запас, равный урожаю 2—3 лет, но покупателей нет. Однако и тот кофе, что вывозится, приносит бразильцам убыток. Мировые цены на него, впрочем, как и на почти все сырьевые и продовольственные товары, производимые в Латинской Америке, постоянно падают. Цены же на готовые изделия, ввозимые из США и Западной Европы, столь же неуклонно возрастают. «Ножницы цен» бьют по бразильской экономике и в конечном итоге — по всему трудовому народу.

Вот и получается, что Сантос (главный посредник в обмене бразильского кофе на импортные промышленные товары), чтобы получить, допустим, американский станок для заводов в Сан-Пауло, вынужден сегодня отгружать в США в три раза больше мешков кофе, чем отправлялось за такой же станок двадцать лет назад. Это, конечно, грубый пример. Но он отражает реальное положение вещей.

Вся «помощь» и кредиты Латинской Америке, предоставляемые иногда «добрыми дядюшками» с Уолл-стрита, не покрывают и малой доли громадных убытков. Одной рукой отнимать все, а другой возвращать небольшую часть, да еще под проценты, да на определенных политических и экономических условиях — так выглядит американская благотворительность на этом континенте.

Столица надежды

В Бразилии наиболее населенные районы, шумные города и промышленные центры издавна располагались у моря. Огромные же пространства, лежащие к западу и к северо-западу от Рио-де-Жанейро, оставались пустынными и заброшенными.

Население южных прибрежных штатов постоянно растет за счет притока с севера и северо-запада.

Многие покидают родные края, но большинство остается. Они находят мужество не только остаться, но и бороться за свои права. Главное, что им нужно сегодня,— это земля.

Разговоры об аграрной реформе идут везде и уже давно. Экономисты, журналисты, политические деятели, депутаты конгресса признают сегодня, что она необходима. Правительство разрабатывает и вносит в конгресс законопроекты. Здесь их обсуждают. Кто? Конечно, не крестьяне, а помещики, многие из которых сами являются депутатами, а другие достаточно влиятельны и без депутатского мандата. Поэтому обсуждают долго, очень долго. А потом не принимают никакого решения. Не дожидаясь исхода прений политиков, народ переходит к действиям. Крестьянские союзы на севере представляют ныне мощную силу, с которой не могут справиться помещики. Все чаще и чаще крестьяне захватывают пустующие помещичьи земли.

Новая столица Бразилии не случайно выстроена в глубине страны. Мы беседовали с профессором Дарси Рибейрой — видным ученым, основателем Национального университета в Бразилиа.

— За границей некоторые удивляются,— сказал он,— почему это Бразилия, бедная страна, решила затратить огромные средства для того, чтобы построить новый город. И где — в глуши, вдали от океана с его портами, пляжами и отелями!

Честно признаться, у нас тоже мелькали подобные мысли, когда мы восторгались этим чудом, возникшим на красных песках вблизи озера Пиньейро.

— Экономически это кажется абсурдом. Но это не так. Мы как раз учитываем необходимость экономического развития глубинных районов страны — штата Амазонас, Мату-Гросу и других. Бразилия перемещает, пусть постепенно и медленно, центр внимания на эти запущенные штаты. Результаты уже есть. И они еще больше скажутся в будущем. Фактически сейчас мы не одна страна, а конгломерат стран, сильно отличающихся друг от друга. Но наша столица не только служит делу развития глубинных районов страны. Она символ национального развития. Символ того, что наша страна поднимается на ноги и намерена покончить с отсталостью. Я не хочу рисовать вам слишком радужную картину. У нас большие трудности и сложные, нерешенные проблемы. У нас острые внутренние противоречия между различными экономическими и политическими силами. Я хочу только сказать вам, что мы твердо намерены идти вперед.

Главный строительный объект сегодняшней Бразилии — Национальный университет. И это глубоко символично. Ибо, если вы увидите большую стройку в Рио или Сан-Пауло, то можете быть уверены: это будет банк, какая-нибудь компания или, в лучшем случае, жилой дом, сооружаемый крупной строительной фирмой,—дом, в котором будут жить те, кто держит деньги в банке или в акциях солидной компании. Национальный университет — это гордость не только Дарси Рибейры, который с увлеченностью и страстью говорил нам о нем. Это гордость всей нации. Ибо это — единственное высшее учебное заведение страны, где обучение бесплатное и где хоть некоторые из студентов будут обеспечены стипендией.

Сейчас в университете уже обучается около 800 студентов, а к 1970 году их будет 10—12 тысяч. Пока среди студентов еще нет представителей трудящихся классов. «Но они будут!» — с убежденностью говорят руководители Национального университета. В будущем году специально для таких студентов предусматривается 500 стипендий.

Самое оригинальное строение столицы — это комплекс Конгресса, состоящий из двух чаш, одна из которых перевернута, и двух параллелепипедов. Чаша, стоящая «как полагается»,— зал заседаний Палаты депутатов, перевернутая чаша — Сенат. В параллелепипедах — служебные помещения, канцелярии конгрессменов и т. д. Две чаши кажутся причудой архитекторов. Однако, когда вы заходите внутрь, вы понимаете, что форма чаш очень удобна для зала заседаний.

Нас проводили на галерею для посетителей. В круглом зале Палаты депутатов прохладно, тихо и немного темно после ослепительно яркого солнца, которое заставляло нас до предела закрывать диафрагмы фотоаппаратов. На депутатских местах — всего человек двадцать; они сидят в разных концах зала, небольшими группами и по одному.

У кого-то из нас возникает вопрос: когда начнется заседание? Оказывается, заседание как раз идет. Как объясняет гид, недавно окончился перерыв и не все сразу занимают свои места.

Обсуждается вопрос о кредитах мелким сельскохозяйственным производителям. Не видно, чтобы этот вопрос сильно волновал присутствующих. Оно и понятно: здесь нет ни одного мелкого производителя, зато сколько угодно крупных помещиков.

Бразилиа — не законченный город. Между отдельными комплексами можно увидеть пустыри, незастроенные и неспланированные пространства. Здесь еще нет, несмотря на большое население, атмосферы обжитого города. Она возникает не сразу. Мало кинотеатров, совершенно нет театров или концертных залов, мало ресторанов и кафе.

Многие видные чиновники, работающие в столице, оставили свои семьи в Рио-де-Жанейро. К ним они летают на праздники, в отпуск, а кто побогаче — даже на субботу и воскресенье. Некоторые министерства вообще остаются в Рио, а в столице у них только небольшое представительство.

Город — в процессе становления. В архитектурном и бытовом отношениях этот процесс завершится через несколько лет, может быть, понадобится десятилетие. Но не так просто обстоит дело с теми надеждами, которые возлагают на него создатели.

Один из наших гидов, архитектор, с грустью сказал:

— Этот город строился в расчете, что здесь не будет нищеты, не будет контрастов: все будут жить в более или менее равных условиях. Однако не получилось. Мы делаем все, что можем, но это зависит не от нас, архитекторов.

Набережная океана в Рио-де-Жанейро. Всякое увидишь здесь...

Фото С. МИКОЯНА.

Рабочие государственной нефтяной компании «Петробраз».

Николай ТРЯПКИН

СРЕДИ ЛЕСОВ И ПОЛЕЙ

* * *

Уже не густы листопады,
И заржавели их цвета.
И вот на мглистые левады
Дохнула стужей высота.

И где-то в тучах, с перелета,
Гусиный рог заговорил.
И леса медные ворота
Уж не из космоса ли кто-то
Холодным выстрелом пробил?

Какие грустные погромы!
Где этих просек пестрота?
Глядится в черные проемы
Самой Вселенной пустота...

Гремите, гусьи перелеты!
А мы — над грудой звездных карт.
И наши млечные пилоты
Ушли дозорными на старт.

Летите, серые, летите!
Земля летит. Мы все летим —
Туда, туда, по той орбите —
К заветным пристаням своим.

И что мы значим в звездном свете?
Куда нас вечность позвала?..
Пускай ответят наши дети,
Смеясь у нашего тепла.

* * *

Я засеваю отчий дол
И ставлю сеть в речном затоне,
А где-то снова гром прошел,
У чьих-то скал, на полигоне.

И содрогнулся шар земной
От взрыва мощи водородной,
Как будто дьявол сам ногой
Толкнул его из преисподней.

Эй, сгинь! Рассыпься, пропади,
Жестокий грохот, дым проклятый!
А мне дожди нужны, дожди —
В горючий дол, к песчаным скатам!

А мне бы ветра поскорей,
Чтоб донник в косьбах продувало!
А мне бы солнца посильней,
Чтоб лето рожью задышало!

Чтоб карасем пропах полой [1]
И цвел в бору душистый вереск!
Нет! Жизнь идет не стороной,
А сквозь меня — по мне — и через!

Она — со мной к плечу плечом,
Она — мой правнук и праматерь...
Нет! Я не тот — не с посошком
Какой-то сельский созерцатель!..

Эй, сгинь! Рассыпься, пропади,
Гремящий дьявол, сон проклятый!
Сюда, дожди! Ко мне, дожди!
В горючий дол, к песчаным скатам!

Пускай в лугах звенят стада
И в каждом сердце зреют думы...
И я включаю в провода
Всю власть души, всех песен шумы.

Пускай по всем концам земли
Гремят они в стальном хорале,
Чтоб не дремали патрули
И чтобы спящие вставали.

[1] Пойма.

* * *

У всех мальчишек ножики
В березовом соку.
А в прелых листьях ежики
Давно уж начеку.

Захрюкали под смолками,
Шипят из-под ноги...
Давно в снегу под елками
Замшелые круги.

Здесь талою брусникою
Запахнет иногда.
И в странствие великое
Кругом спешит вода.

Плывут, плывут кораблики
В далекую страну —
Туда, откуда зяблики
Прислали к нам весну.

А с ней, напружась грудками,
И весь пернатый скоп —
С пищалками и дудками,
С гармошками взахлеб.

С Лимана да от Сызрани
Летят на всех своих.
И мачты телевизоров —
Подстанции для них.

А с горочки — олешенка,
Малиновый подол.
И в новую скворешенку
Заходит новосел.

Мы песенкой украсили
Законный стол ему:
Да будет мир-согласие
И детки в сем дому!

Чтоб гнездышка веселого
Никто не разорял!..
И сам я с новоселами
На скрипочке играл.

А по кругу, с погудками,
Ходил пернатый скоп —
С пищалками и дудками,
С гармошками взахлеб.

* * *

Люблю я слушать голоса земли
В постели утром, в лени полудремной...
Вон где-то там, под окнами, шмели
Гудят, бормочут, как деды на бревнах.

А вот к реке проходит ребятня
И все о чем-то громко митингует.
А там — с дороги — ржание коня,
И грузовик ревет — видать, буксует.

Дожди прошли, великие дожди —
Земле на пользу, шоферам на муку.
А ты пока за шторку не гляди,
Жизнь принимай по запаху, по звуку.

Лежи в постели — в полувласти грез
И вспоминай неведомое что-то.
Пусть гуд шмеля и рокот дальних гроз
Придут к тебе сквозь дым полудремоты.

И ты услышишь мир, как в первый раз,
Таким, как в детстве слышать приходилось.
И будет он прекрасен без прикрас,
Какого, может, и во сне не снилось.

И сам ты будешь слухом той земли,
Чей тихий вздох ты чуешь под собою,
А речка та, и травы, и шмели
Окажутся в сообществе с тобою...

Не упускай мгновений дорогих
И слушай мир сквозь дым полусознанья.
Да будет слаще сладостей иных
Великая мелодия слиянья!

* * *

Как весел снег моих полей!
Вся ширь — в сиреневом отливе.
Здесь ясный полдень молчаливей,
А снег — из тысячи огней.

Мороз. Дорога. Косогор.
Меж проводами перебранка.
Мороз. Но машет мне ушанкой
Знакомый со столба монтер.

А день причудлив, как фантаст,
Дымки села в молочной пене,
И, точно медные ступени,
Звучит под валенками наст.

Кто греет отчие холмы
Хозяйским глазом поминутно,
Тому тепла, тому уютна
Краса отеческой зимы.

Я шлю товарищу привет
И, развалясь в попутных дровнях,
Избрав портфель на подголовник,
Тащусь в далекий сельсовет.

КУБА — ЛЮБОВЬ МОЯ

Заслуженная артистка РСФСР Татьяна Шмыга в роли Делии. Оперетта «Куба — любовь моя».
Фото Л. ХЛЮППЕ

Спектакль «Куба — любовь моя» Московский театр оперетты посвятил 5-й годовщине кубинской революции.

Композитор Рауф Гаджиев написал яркую, колоритную музыку. Его сцены, дуэты, ансамбли полны лирики и драматизма. Студент Московской консерватории композитор Мануэль Пуэрта Гирога и его друзья, прослушав музыку Гаджиева, отметили ее близость кубинскому фольклору. Кубинцы принимали горячее участие в создании спектакля. Не один вечер провели в театре кубинские друзья, показывая танцы своего солнечного острова.

В ткань спектакля очень органично вошли подлинные народные танцевальные мелодии. Они идут в магнитофонной записи в исполнении кубинских музыкантов.

«Куба — любовь моя» поставлена А. Тутышкиным. Главные роли в нем исполняют Татьяна Шмыга и Александр Горелик. Для обоих актеров этот спектакль юбилейный: Делия — 20-я роль Шмыги, Рауль — 100-я у Горелика.

Комедийную роль начальника полицейского управления Сарабанды играет В. Алчевский.

КИНООБОЗРЕНИЕ

ФИЛЬМЫ, АКТЕРЫ, РОЛИ...

А. Папанов в роли генерала Серпилина. «Живые и мертвые».

Наташа Величко — Ася и Г. Мартынюк — Костя. «Тишина».

Никита Михалков в фильме «Я шагаю по Москве».

Н. ТОЛЧЕНОВА

В кинематографии год 1964-й начался многими крупными удачами. Это ли не добрая примета!

Один за другим на экран выходят фильмы, вызывающие самый горячий интерес публики, и — что уже само по себе примечательно — интерес глубоко серьезный, я бы сказала, благородный, поскольку «боевиками» 1964 года искусство кино делает фильмы-раздумья о самых больших, самых главных вопросах жизни. О человеческом в человеке. Об отношении ко всему тому, что происходит вокруг тебя. О правде и честности.

Вот почему меньше всего, мне кажется, следует искать «сходства» либо же, напротив, «несходства» в таких картинах, как «Живые и мертвые» или «Тишина» с породившими их литературными первоисточниками. Читал зритель книгу или не читал, он все равно не останется равнодушным к судьбам людей, на чьем облике по-своему отразились горести и радости целой эпохи.

Чтобы откликнуться на боль и волнения своего века, повторить на экране его смех и слезы, надо сызнова пережить их. Выносить, как ребенка, под сердцем. Перестать отличать жизнь героев от своей — режиссерской, актерской. Поверить в них той особой верой, которая только и рождает ответную веру зрителя.

Можно опять-таки начать спорить, достаточно ли «похожи» или совсем непохожи герои фильма на героев романа, но, по-моему, не в этом суть дела.

С первого взгляда видишь, например, в «Живых и мертвых», что перед тобой в роли генерала Серпилина артист А. Папанов. И сперва удивляешься: «Как же это? Папанова ведь прославило исполнение «отрицательных» ролей — и вдруг Серпилин! Здесь что-нибудь не так».

Но постепенно погружаясь в жизнь, текущую на экране, начинаешь чувствовать, что нет, тут все «так»! Играя Серпилина, Папанов почти не изменяет своей обычной манере говорить — чуть подчеркнуто «простонародной», с распевными, протяжными гласными в конце каждой фразы. Характерные интонации его можно узнать с закрытыми глазами. Да и на лице генерала будто видна такая же простоватость, какою обычно наделял Папанов прежних своих героев.

Чем больше знакомишься, однако, с Серпилиным, тем яснее становится замысел сценариста и режиссера А. Столпера, работавшего над романом К. Симонова. Он-то, конечно, давно уж прикинул, какой разительный, убеждающий эффект даст актерское своеобразие Папанова, целиком обернутое к образу положительного героя.

Догадывается об этом и оператор Н. Олоновский, позволяя видеть крупным планом игру чувств и мыслей на мужественном, спокойном лице. Здесь уж у Папанова не привычная «простотца», а открытие неприметного на первый взгляд, исконно русского характера с его хмурой добротой, полным неумением хитрить, притворяться. Открытие верности и любви ко всему родному. Той скрытой силы, которая определяет солдатскую, грубоватую бережность Серпилина — Папанова в отношениях с людьми.

Столь же масштабным оказывается в «Живых и мертвых» еще один характер — Малинин, работник райкома партии. Не угрюмый и не замкнутый в исполнении А. Глазырина, а цельный, немногословный, сосредоточенный человек. Отзывчивая, чуткая душа и делает его до мозга костей коммунистом.

Серпилин и Малинин — главная отгадка на вопрос о том, почему же все-таки русские сумели одержать победу над гитлеризмом.

Мне кажутся менее значимыми в фильме Иван Синцов — К. Лавров и Маша — Л. Любимова. Думается, они мельче, а Иван порой в чем-то еще и суетливее, чем обусловлено это их нелегкой судьбой.

Но даже актерские утраты, не говоря уж о находках картины, придают героям фильма ту живую самобытность, какая всегда свойственна оригинальному произведению искусства.

Нет ощущения скопированного «подобия» и в трактовке «Тишины», предложенной авторами фильма Ю. Бондаревым и В. Басовым.

Этот фильм — кропотливое исследование жизни. Такой трудной, какая она была после войны.

Самой трудной трудностью оказалось тогда небрежение к человеку. Оператор Т. Лебешев рассказывает об этом негромко, но очень внятно. И хорошо, что главной темой рассказа становится не смакование такого небрежения, а утверждение самой его несопоставимости со всеми делами и мыслями людей, перестраивающих мир по законам справедливости и красоты.

У «Тишины» с «Живыми и мертвыми» есть еще одна общность: здесь снова убеждаешься, что кино наконец-то научилось воссоздавать красоту не за счет внешнего облика.

Совсем обычный парень Сергей Вохминцев у артиста В. Коняева может показаться даже «заземленным», если бы не сердечность и душевная широта, прорывающиеся у Сергея — Коняева в отношениях с другом Костей, превосходно сыгранным Г. Мартынюком, с Ниной — Л. Лужиной, с Асей — Н. Величко,— своей младшей сестрой.

Роль Аси — дебют Наташи Величко, студентки четвертого курса актерского факультета ВГИКа.

Шмыгая огромными стоптанными валенками, входит Ася в комнату, где спит Сергей. С этого момента следишь за каждым ее движением и словом. Небрежно причесанная, с острыми локтями и коленками, вся угловатая, неприступная, колючая, школьница нещадно обрушивается на Сергея и Костю, обличая их «безнравственность»: «От вас отвратительными духами пахнет!..» Или: «Опять эта женщина тебе звонила...» И детская запальчивость, непримиримость Аси, и то, как тяжко, болезненно переживает она арест отца, и удивительное — на глазах — повзросление, ответная любовь девушки к Косте делают простенькую будто бы героиню Наташи Величко душевно богатой, а значит, неотразимой.

О фильме спорят. Одним больше нравится первая серия — возвращение Сергея и Кости в послевоенную Москву, в ее обманчивую «тишину»... Другие хвалят вторую серию, где Сергей, исключенный перестраховщиками из партии, уезжает работать на далекие нефтепромыслы.

Я же хочу поспорить с решением финала картины. Вся сцена ликования героев возле скважины, давшей нефть, по-моему, выглядит слащаво и потому неправдиво.

Потребность в такой сцене, конечно, неоспорима. Однако решена она ходульно, словно на скорую руку. Углубленный психологизм фильма — история напряженной душевной жизни героев — сменяется здесь спешным, чуть ли не хроникальным изложением «темы труда». А ведь никто не упрекнул бы создателей «Тишины», если бы они нашли иное решение финала — в плане тех же больших морально-этических проблем, какие составляют содержание картины.

Труд — святая тема. Одна из магистральных для нашего искусства. И самая нелегкая. Поэтому всегда так радуют ее удачи.

В конце прошлого года глубинным, событийным решением этой темы стал киргизский фильм «Зной», в начале нынешнего года — грузинский «Белый караван». Хочется назвать еще одну, пусть небольшую, но хорошую, по-моему, новинку. Это киноновелла «Подсолнух на ветру» в «Альманахе «Юность». По сценарию В. Закруткина фильм поставил молодой режиссер, выпускник ВГИКа П. Арсенов. «Подсолнух» — его дипломная работа.

Сюжет новеллы на первый взгляд вовсе бесхитростен.

Старик чабан посадил семечко в безводной степи,— память о сыне, убитом на фронте... И что же, подсолнух начал расти. Его поливают добрые руки, укрывают от ветра; тянется вверх малый росточек. Развернулся первый лист, пошел второй, третий... И вот уже ростом с человека вымахал ствол; листья и впрямь шумят на ветру, а тугой бутон развертывает солнечную головку. Радуются люди, полюбившие подсолнух, словно живое существо. А потом прошел мимо какой-то парень. Посмотрел равнодушно, открутил созревшую макушку и, пощипывая семечко за семечком, пошел себе дальше.

Видеть это больно. Но старый чабан бережно подбирает зернышки, просыпавшиеся на землю, молча пересчитывает на ладони и кладет в карман. В это время невольно начинаешь считать про себя вместе со стариком: один, два, три, пять, семь... На новую посадку хватит!

Артист П. Шпрингфельд наполняет свою роль таким человеческим теплом и так естествен, что трудно поверить, будто он потом переоденется, смоет грим, оставит ярлыгу — длинный пастуший посох — и уедет в город из степи, где прожил, кажется, весь свой век.

Пока съемочная группа и на самом деле вырастила подсолнух в степи, режиссер П. Арсенов и оператор П. Катаев полюбили суровый край: ведь здесь рождался их первый фильм! Отсюда и ощущение красоты этого края, красоты рассказа о нем.

Вторая новелла «Альманаха «Юность», фильм «Тетка с фиалками», поставленный режиссером П. Любимовым, операторами П. Осеняном и М. Яковичем по рассказу Ж. Гаузнер,— проникнут тем же требовательным, зрелым отношением молодых художников к жизни, хотя все в нем иное: ритм, звучание, настроение. Играют здесь популярные молодые актеры. Среди них — В. Ивашев, создавший образ Алеши Скворцова в «Балладе о солдате». Актриса Н. Сазонова и исполняет роль Тетки с фиалками — женщины, которая учит стиляжного парнишку видеть людей, понимать цену жизни... Как был с ней груб, невнимателен, беспощадно насмешлив Володя, а эта женщина — его вторая мать; во время войны она выкормила его своей грудью... Видно, что и новая их встреча будет для парня спасительной: он стал взрослее, строже к себе.

И все это без риторики, «между строк».

Еще более доверительное отношение к зрителю определяет звучание фильма «Я шагаю по Москве».

Давно уже не было на экране такой мягкой, лирической комедии! Это добрая и светлая шутка, заставляющая людей не столько смеяться, сколько улыбаться, радуясь знакомству с героями,— взгляд на жизнь сквозь многоцветную, солнечную призму.

Режиссер Г. Данелия и оператор В. Юсов поставили этот черно-белый фильм по сценарию Г. Шпаликова так необычно и так изящно, что новую картину не с чем сравнивать; тому, кто ее не видел, трудно объяснить секрет очарования. Пожалуй, он в непосредственности, бесхитростности замысла да и самой манеры повествования. Все молодые герои, населяющие картину, живут «душа нараспашку», с завидной, ничем не замутненной открытостью.

Москва — их добрый город; добрые улицы Москвы приводят их к добрым знакомствам. Славный парень, прилетевший на рассвете с далекой стройки, чтобы получить литконсультацию в Москве, уезжает, когда закрывается метро: день кончился... Сколько же нового, чудесного открылось ему за этот долгий день!

Посмотрите на Никиту Михалкова и Алексея Локтева в ролях веселых мальчишек, героев фильма. Неподдельная вера в доброе сердце людей идет от доброго сердца их самих. И пусть бы юная, поэтическая картина ознаменовала рождение новых талантливых актеров кино. Как ни много их у нас, лишними они не будут!

Пять лет назад пришел в кино выпускник ВГИКа Саша Демьяненко; его дебютом в фильме «Ветер» была роль комсомольца времен гражданской войны. Демьяненко отлично сыграл эту роль, но фильм сам по себе не запомнился зрителям. Поэтому и Демьяненко получил признание позднее, по тем фильмам, где ему пришлось досыта посмешить публику: «Карьера Димы Горина», «Взрослые дети», «Каин XVIII». Только в «Порожнем рейсе» А. Демьяненко, к счастью, не заставили комиковать.

В новой картине — «Сотрудник ЧК» — Саша Демьяненко словно возвращается к истокам своего творческого актерского бытия; его новое создание, Алексей Михалев,— роль того плана, какие, на мой взгляд, удаются одаренному артисту больше всего. При всей его разносторонности Демьяненко прежде всего романтический герой, умный, психологически глубокий. Он немало способствует тому, что фильм «Сотрудник ЧК» не хочется называть детективом. Это приключенческая, очень живая картина времен первых лет революции и гражданской войны. Здесь остро, ярко играет В. Кенигсон председателя губчека, соратника Дзержинского; в роли юной разведчицы Маруси Королевой занята Валентина Малявина. Снят фильм оператором В. Минаевым, а Б. Волчек, известный в кинематографии как человек, снявший множество картин, дебютирует в качестве режиссера. Впрочем, он участвовал и в создании сценария «Сотрудника ЧК» вместе с А. Лукиным и Д. Поляновским...

Вот сколько удач сразу!

Могут спросить: «А что, разве слабых, неинтересных фильмов за это время совсем не было?»

Как же, без них, видно, пока еще не обойтись. К сожалению, они были. Но такие фильмы забываются тут же, как только их посмотришь. Поэтому не будем сейчас даже и говорить о них, чтобы не портить себе настроение...

Кадр из фильма: Манолис Глезос на суде.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Май 1941 года. Гитлеровцы захватили последнюю свободную территорию Греции. Над афинским Акрополем взвился флаг со свастикой.

Но едва наступила ночь с 30 на 31 мая, двое отважных юношей пробрались к ненавистному знамени. Древняя легенда открыла им тайный подземный ход к Акрополю. Флаг был сорван.

Только через четыре года узнал народ Греции имена двух героев: Манолиса Глезоса и друга его Сантоса. Подвиг их стал сигналом, по которому поднялись на борьбу новые герои.

Об этой борьбе рассказывает фильм «Манолис Глезос — сын Эллады».

Тысячи метров пленки просмотрели режиссер Павел Русанов и сценаристы — Петрос Антеос и Виктор Горохов в архивах Госфильмофонда. Они изучали фашистские хроникальные ленты тех лет, любительские «киноупражнения» гитлеровских офицеров. Мастерский монтаж этих кадров воссоздает на экране трагические события фашистского нашествия.

...Уникальная пленка; ее снял неизвестный партизан трофейной немецкой камерой. Рождается ЭЛАС — греческая народно-освободительная армия. Этот кинодокумент о борьбе эласитов считался пропавшим. В одном из музеев ГДР товарищи из ДЕФА нашли пленку.

Нашлись сотни фотографий бойцов ЭЛАСа, альбом рисунков партизанского художника Димитриса Мегалидиса.

На одной из страниц альбома есть портрет молодого партизана. Это Петрос Антеос, автор фильма. Он был не только свидетелем, но и героем событий.

А эти кадры — обвинительные документы английскому империализму. Тепло встречает Греция английские войска — союзников, соратников по борьбе. Но кто эти люди, которых хватают на улицах и волокут в тюрьму, надевают наручники? Может быть, они военные преступники? Нет, это патриоты, отказавшиеся сдать оружие английскому генералу.

На улицах Афин шли бои. Пикирующие английские «спитфайеры» расстреливают из пулеметов прохожих; на священном Акрополе — английские пушки.

На помощь Черчиллю спешит Трумэн. Они превращают страну в ударную базу НАТО.

А народ, герои Сопротивления?

Тысячи их разделили судьбу Глезоса...

Глезосу сорок два года, из них двенадцать он провел в тюрьмах. Трижды был приговорен к смертной казни.

На защиту героя Греции встали все честные люди мира, их воля сломила тюремные решетки — и Манолис на свободе.

В августе 1963 года советские люди сердечно приветствовали своего греческого друга. В Москве Манолису Глезосу была вручена Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Н. ГЕНИНА

ПО СЛЕДАМ «КАП А

ОГОНЕК И ВОХЕНПОСТ ПРОДОЛЖАЮТ ПОИСК ЛЮДЕЙ С КОРАБЛЕЙ СМЕРТИ · ЖИВЫЕ ОТЗЫВАЮТСЯ · РАЗГАДКА ФОТОГРАФИИ

3 мая 1945 года, за несколько часов до прихода войск союзников, в Любекской бухте было потоплено судно «Кап Аркона». На «корабле смерти» находилось около пяти тысяч заключенных нацистских концлагерей. Лишь немногим удалось спастись.

«Огонек» и журнал «Вохенпост» (ГДР) опубликовали в № 2 за этот год очерк «Человек с «Кап Аркона» и фотографии, полученные от немецкого актера Эрвина Гешоннека, пережившего трагедию 3 мая.

Где они сегодня, люди с «Кап Аркона»?

Генрих ГУРКОВ

Первое письмо пришло уже на следующее утро после выхода номера «Огонька» с очерком о гибели «Кап Аркона».

«Вам пишет один из оставшихся в живых после катастрофы в Любекской бухте. С августа 1943 года я был в концлагере Нойенгамме, лагерный номер 22638. Хорошо знаю двух товарищей на фотографии. У вас написано, что пятый справа — Василий Бругеев. Это майор Букреев Василий Александрович, после возвращения он жил в Москве. Точный его адрес я не знаю. Рядом с ним в очках — Гордеев Иван Иванович. Он из города Скопин, Рязанской области. Остальных товарищей я знаю в лицо, но не помню их фамилий. Если будете писать, передайте Эрвину Гешонneку мое восхищение его прекрасной игрой в фильме «Совесть пробуждается». И привет большой всем товарищам по лагерю смерти. То, что было, не забывается. И пусть никому и никогда не придется пережить то, что пережили мы».

Под письмом стояла подпись: Страндберг Евгений Николаевич. Он сейчас работает в Москве, в институте «Гипростройиндустрия».

Майора Букреева разыскивать не пришлось. Днем раздался телефонный звонок:

— Алло, «Огонек»? Моя фамилия — Букреев.

А потом в редакцию пришел человек в черном кителе, с орденом Отечественной войны на лацкане. Высокий, широкоплечий, с седыми висками.

Я услышал его рассказ.

— Под деревней Бабоеды — это неподалеку от города Калинина — бой с гитлеровцами. Мы их выбили из укреплений и целый день держали оборону. Боеприпасы кончались. А к вечеру фашисты пустили танки... Как меня из разбитого блиндажа вытащили, не знаю. Очнулся на морозе. Кругом немцы.

Начался для меня фашистский плен с лагеря в Смоленске. Там врачи из наших военнопленных немножко меня подлатали. Из Смоленска перевели в Борисов, в Белоруссии это. Там я совершил первый побег. Неудачно. Схватили. В марте перевели в Литву. А оттуда — в Германию. Там был шталаг — лагерь для военнопленных. В мае сорок третьего я бежал. Шел строго на восток. На тринадцатые сутки поймали. Отвезли в концлагерь Берген-Бельзен. Потом — на работы в каменный карьер возле деревни Зальцхеммендорф.

Привезли туда меня и моих товарищей в июне. А 27 августа мы с Сергеем Карпенко и Григорием Пушкаревым бежали.

Шли ночью, по звездам. Двигались к железной дороге, к Брауншвейгу. Оттуда отправлялись военные эшелоны к фронту.

На шестнадцатый день нашего побега, под самым Брауншвейгом, уже возле города, попали в бомбежку. Зарево, ракеты осветительные. Вдруг: «Хальт! Хендэ хох!» Отовсюду солдаты. Схватили нас.

И снова шталаг Фаллингбостель. Как-то ночью меня посадили в закрытую машину и повезли. Куда? Об этом не говорили. Да и мы не спрашивали. Эсэсовец открыл дверцу машины. Сторожевые вышки с пулеметными гнездами, бараки, лай собак. Нойенгамме, лагерь смерти.

В один из первых дней незнакомый человек передал мне кусок хлеба. Это был товарищ из Бельгии Андре Мандрик. Мы его звали Андреем. Через него я познакомился с иностранными товарищами.

Василий Александрович Букреев.

В лагере были заключенные буквально из всех стран Европы: русские, немцы, поляки, французы, бельгийцы, голландцы, чехословаки, югославы, итальянцы, датчане, греки... Начальство лагерное всячески старалось натравливать одних на других. Да только не удавалось это. Где возможно, все старались помочь друг другу. Военврач Карташев Сергей Иосифович был приговорен к повешению за антифашистскую агитацию. Немецкие и бельгийские товарищи, работавшие в лагерном госпитале, отметили в карточке: умер от болезни. А в мертвецкую был отправлен труп другого человека. Случаев таких было немало. Героически работали в госпитале чехословаки Дошлик и Буриан. Скольких они людей спасли!

В 1944 году я познакомился с Эрвином Гешоннеком. Он был одним из руководителей немецкой организации Сопротивления.

Мы делали, что могли, чтобы приблизить победу над фашизмом. На работах саботировали, выводили из строя оборудование, гнали брак. За это пороли резиновыми палками, вешали. Но все продолжалось по-прежнему. Бельгийский товарищ Петер Колонор при свар-

РКОНА»

ЕСТЬЮ НЕИЗВЕСТНЫМИ

ке труб для торпедных аппаратов закладывал в швы проволоку, в результате аппарат испытание не выдерживал. Военный контроль долго не мог доискаться виновника, но в конце концов они Петера схватили. Нас всех собрали на казнь. Когда ему петлю на шею набросили, крикнул: «Да здравствует коммунизм! Смерть фашистам!»

Наша подпольная организация готовила восстание. Мне и майору Гоппе Денису Федоровичу поручили составить план. Мы его составили, а утвердило план совещание представителей немецкой, бельгийской, французской, югославской и русской организаций. На этом совещании меня назначили командиром восстания.

Восстание предполагали поднять к тому времени, когда ближе подойдут союзные войска и можно попытаться соединиться с ними.

Но мы не успели. В ночь на 24 апреля лагерь подняли по баракам и отправили несколькими колоннами в Любек. Там — в товарные вагоны и к Любекской бухте. Корабли уже ждали. Кроме «Кап Аркона», там стояли «Тильбек» и «Атен». Нас загнали на пароходы. 4 700 человек на «Кап Аркона», 2 600 — на «Тильбек», 2 000 — на «Атен».

На «Кап Аркона» мы начали готовить захват судна, составили команду из бывших моряков. Во главе встал капитан второго ранга Григорий Иванович. Фамилию его я не помню. Он утонул во время бомбардировки. Андре Мандрик связал нас с немецкими и бельгийскими товарищами. Они тоже думали о том, как покончить с эсэсовской охраной.

Неподалеку от пароходов, ближе к морю, несколько барж. На них заключенные из концлагеря Штутгоф. Чуть подальше — пустой пароход «Дейчланд». Он ждет заключенных из Заксенхаузена и Равенсбрюка.

Гавань кишела нацистскими подлодками. В ночь на третье мая мы услышали два сильных взрыва, а потом крики о помощи. Детские, женские голоса. Потом мы узнали: подводные лодки гитлеровцев торпедировали баржи с заключенными из Штутгофа.

Третьего мая днем нас начали бомбить. Сначала английские самолеты бьют по «Кап Аркона». Судно превращается в факел. Следующий удар по «Тильбеку». Пароход тонет в течение нескольких минут.

...Я прыгнул в воду через иллюминатор. Вокруг «Кап Аркона» — человеческая каша. Пароход погружался. Я отплыл в сторону. И еще раз увидел Гешоннека. Мы вместе плыли обратно к пароходу, карабкались по якорной цепи через клюз на палубу.

Уцелели в основном те, кто вернулся на судно. Кто плыл, тех расстреливали с немецких катеров. А на берегу находились курсанты нацистской школы подводников, молодчики из «гитлерюгенд». Они стреляли по каждому, кто пытался выбраться на сушу.

Мы ждали на раскаленном остове «Кап Аркона». К вечеру показался катер. С него прокричали:

— Нейштадт занят канадскими войсками!

Сколько людей погибло в тот день в Любекской бухте? Вероятно, около восьми тысяч.

Нас всех англичане доставили в город. Мы были раздеты и разуты. Нашли склад морского училища, надели форму немецких подводников, только нашивки да лычки пообрывали.

Через несколько дней стали отправлять на Родину наших граждан. Я был назначен начальником гарнизона по репатриации. Пробыл в Нейштадте до августа сорок пятого года. Отправил домой 28 тысяч человек. А потом вернулся сам.

Что еще сказать? В 1957 году меня наградили орденом Отечественной войны первой степени. Сейчас работаю начальником пристанского хозяйства Московского пассажирского речного агентства. Вот и все, пожалуй.

— Василий Александрович, вы знаете людей на фотографии?

— Конечно.

Букреев берет в руки журнал.

— Гордеев Иван Иванович — третий справа. Он учитель, преподавал русский язык и литературу. Большой, светлой души человек. Мы вместе в подпольном штабе были, вместе в гарнизоне по репатриации работали. В 1946 году я получил письмо из больницы: он умер. Открытая форма туберкулеза. Память о лагере...

Слева, высокий, с траурной ленточкой в петлице,— Сергей Амвросьев. Он журналист, работал в Туле. Где сейчас, не знаю.

Первый справа — старший лейтенант Антонов. Артиллерист, командир батареи. Второй справа — Георгий Губанов. Фамилию товарища, который стоит между мной и английским капитаном Праттом, не помню.

...В письмах, которые пришли в редакцию, бывшие узники «кораблей смерти» рассказывают, как живут сегодня, как работают, вспоминают друзей, с которыми прошли через страшные месяцы и годы концлагерной жизни. Конструктор завода «РЭЗ» из Риги Л. А. Майский, спасшийся с «Тильбека», пишет, что в лагере он познакомился с летчиком Виктором Дмитриевичем Козулей. О нем же сообщает в своем письме подполковник запаса В. К. Сысоев. В. Д. Козуля был человеком несгибаемой воли, настоящим коммунистом и бойцом. Его самолет подбили во время штурмовой атаки. Самолет вспыхнул, до своих дотянуть не удалось. Без сознания, сильно обгоревший, Козуля попал в плен. Несколько раз совершал побеги. Его ловили, истязали, но он снова бежал. У таких, как он, люди учились стойкости, героизму.

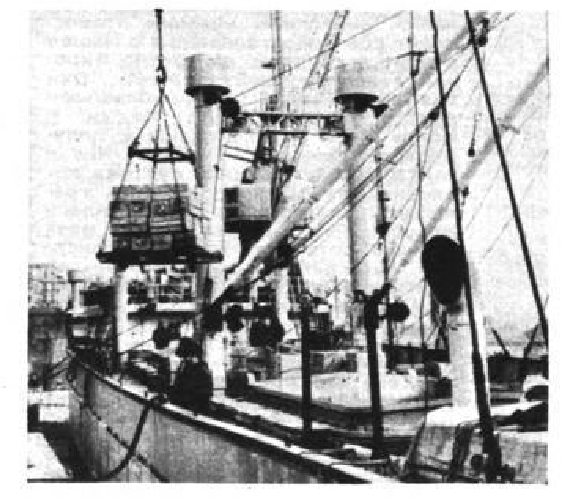
О том, как антифашисты разных стран помогали друг другу бороться против общего врага, написали в «Огонек» слесарь из литовского города Алитус В. П. Исаев, директор школы из Киевской области А. Т. Клименко, преподаватель педагогического училища из Полоцка Н. М. Петренко, зубной техник из Москвы В. П. Мусатов. Все они были в Нойенгамме, все пережили трагедию 3 мая в Любекской бухте.

Побывавший в редакции Е. Н. Страндберг рассказал о немецком заключенном враче Рихарде Баре, который спас жизнь многим товарищам по лагерю.

— Я помню,— говорил Страндберг,— что у меня Рихард Бар спросил: «Какие первые слова Коммунистического манифеста?» Это у него было способом узнать, не провокатор ли...

Первые письма, первые отклики. Летопись мужества и бесстрашия. Она предупреждает, она требует: никогда больше не должны повториться ужасы фашизма.

Это зависит от нас, люди!

Порт Констанца. Идет разгрузка румынского судна «Арад».

«ЧИФА-3» — так называется новая электронная счетная машина, созданная румынскими специалистами.

Фото Аджерпресс

ДВА ЛИСТКА КАЛЕНДАРЯ

Два листка календаря. На одном надпись по-румынски, на другом — по-русски. А дата на обоих одна: 4 февраля. День этот одинаково памятен и для Румынии и для нашей страны. 16 лет назад в этот день был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Румынской Народной Республикой и Советским Союзом. Этот исторический документ выражает отношения нового типа, сложившиеся между социалистическими странами. О том, насколько плодотворны эти отношения, говорят крепнущие год от года дружеские связи, расширение братского сотрудничества двух государств. Сотрудничество с Советским Союзом помогло Румынии в корне перестроить свою экономику, создать такие отрасли промышленности, как химия, машиностроение.

Среди предметов румынского экспорта — станки, нефтяное оборудование, железнодорожные вагоны, оборудование для электростанций и цементных заводов, суда, около 80 типов продуктов химической промышленности.

Советский Союз получает из Румынии нефтепродукты, суда, цемент, стекло.

«Сделано в Румынии», «Сделано в СССР». Грузы с такими надписями пароходы доставляют к причалам Одессы и Констанцы. «Сделано руками друзей». Такой надписи нет на этих грузах. Но это и так хорошо знают и в Румынии и в Советском Союзе.

СПРУТ-3

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Рисунок Ю. Черепанова.

Деньги, как известно всем, печатаются на фабрике «Гознак». Любая попытка проявить самодеятельность в этом всегда кончалась для инициаторов весьма плачевно. Видимо, потому вновь назначенный бригадир СМУ-3 В. А. Куликов опустил от удивления челюсть, услыхав вопрос своего начальника Б. А. Виторгина:

— Деньги делать умеешь?

— Это как понять? — пролепетал бригадир.

— Да что ты, ребенок, что ли? Не понимаешь, о чем речь идет? — поморщился руководитель СМУ.

Куликов дипломатически промолчал.

— Словом, так,— подвел итог разговора Виторгин,— фонд зарплаты я тебе дам такой, что только успевай наряды выписывать. На кого? Хочешь — на дедушку, хочешь — на бабушку, хочешь — на серого козлика. Но двести целковых каждый месяц — лично мне. На блюдечке. Вот в таком плане. Ясно?

Начальник СМУ-3 Виторгин с давних времен любил «широкую жизнь». Он предпочитал модную одежду, а из средств передвижения — легковой автотранспорт. Руководитель строителей-монтажников обожал цыганский хор и поросенка с хреном.

Виторгин, еще в бытность свою главным инженером ОКСа завода «Пролетарский труд», разошелся с органами ОБХСС во взглядах на государственное имущество и был вынужден обозревать небо через переплеты решетки. Но вскоре Виторгин очутился на свободе. Старые знакомства и личные связи быстро помогли ему снова стать руководящим работником.

— Людей надо подбирать своих, а то можно сесть так, что не скоро и выберешься! — глубокомысленно заметил Виторгин, принимая дела в СМУ-3.

Стал спешно формироваться аппарат управления. Преимущество отдавалось работникам, имеющим тюремный навык, или еще не разоблаченным жуликам.

СМУ-3 треста «Строймонтаж» Центросоюза должно было обслуживать свои, так сказать, центросоюзовские объекты. Что-то построить, что-то подремонтировать.

— Только много ли с таких работ может перепасть? Так, детишкам на коньячишко! — изрек Виторгин.— Дело будем ставить солидно, работать с помпой, себе не в убыток.

И дело действительно обрело солидную основу.

С рядом организаций спешно были заключены договоры на гранитные работы. Подписали договор и с управлением «Лифтремонт» на замер сопротивлений изоляций в лифтовом хозяйстве. Тут надо заметить, что в СМУ не было специалистов ни по тем, ни по другим работам. Спешно были приглашены... жулики.

Главный жулик, то бишь Г. С. Алавидзе, прибыл из треста «Мосторгстрой», где по различным СМУ прославился как виртуоз-приписчик, лихо собирающий с подчиненных мзду. Виртуоза спешно назначили на гранитные работы.

С приходом Алавидзе немедленно стали оформляться наряды по форме «2П4С» (пол, потолок, четыре стены). Разумеется, фантастически завышался объем работ. Зарплата в бригаде подпрыгнула чуть не вдвое.

— Золото оставь себе, остальное мне,— любил пошутить бригадир в день получки, подходя к рабочим.— Гони пятьдесят пять. Раскошеливайся, холера тебе в живот. Не себе беру, а для Виторгина.

«Холера в живот», как прозвали лихоимца рабочие, брал деньги, не пересчитывая, и небрежно засовывал их в карман. Однако на следующий день он мрачно замечал:

— Недодал десятку. Добавишь в следующий раз.

Пытавшиеся обжулить жулика тихо охали. Им было невдомек что для каждого из них у бригадира был особый карман, на брюках

ОТС ДЕЙСТВУЕТ

Сердце телевизора

Много разных узлов и приборов в телевизоре — десятки. А если посчитать все детали, то сотни. Но, пожалуй, главная из них — кинескоп, сердце приемника. Массивный грибовидный баллон из стекла чудодейственно переносит зрителя в самую гущу показываемых событий. И от свойств его во многом зависит, как предстанут перед нами эти события — четко и ярко или смазанно и с пятнами на экране. Вот почему очередное, январское заседание Общественного телевизионного совета было посвящено кинескопам. Новым кинескопам к новым телевизорам Львовского завода, над которыми взял шефство наш журнал.

...На столе три кинескопа: два средних и один большой. Даже человек, не сведущий в электронно-лучевых приборах, легко обнаружит различие между ними. Два кинескопа туго опоясаны бандажом, и из-под него выглядывает край тонкой синтетической пленки, затягивающей экран. Таковы прямоугольные кинескопы к телевизорам «УНТ-47» имени журнала «Огонек» и «УНТ-59». На третьем кинескопе нет ни бандажа, ни пленки. Такой была старая трубка «43ЛК9Б» с длинной горловиной и округленными углами. Она показана здесь всего лишь для сравнения.

Для чего же понадобилось кинескопу дополнительное устройство в виде бандажа с пленкой? Дело в том, что в телевизорах, к выпуску которых переходит в этом году промышленность, экран полностью выдвинут наружу. От телезрителей он больше не отделен ни толстыми защитными стеклами, ни маской передней панели, скрадывавшими значительную часть его площади. В то же время кинескоп такого типа полностью взрывобезопасен. Обеспечивает это условие та самая синтетическая прозрачная пленка, в которую одет экран. Она мягка, эластична, тонка. Пленка — сложный продукт полимерных реакций, иначе говоря, плод той самой большой химии, без которой не обходится сегодня и радиоэлектроника. Вот почему на заседание ОТС приглашены все, кто имеет отношение к ее созданию: Госкомитет химической промышленности, Охтинский химкомбинат в Ленинграде, Московский НИИ пластмасс...

Львовское СКБ электровакуумных приборов перепробовало по крайней мере десятки типов различных способов защиты: оргстекло, стекловолокно, другие виды пленок,— пока не остановило свой выбор на этой, поливинилхлоридной. Поиски неимоверно осложнялись канцелярской перепиской по инстанциям. Почти полтора года ушло на то, чтобы «выколотить» для экспериментов две сотни килограммов поливинилхлоридной пленки. Теперь все это уже история. История, но уроки ее поучительны. Ведь сейчас понадобятся не килограммы, а сотни тонн пленки!

Но вернемся к новым кинескопам. Как они проявили себя?

СРОК СЛУЖБЫ — ТРИ ГОДА

Разносторонние испытания, длившиеся несколько месяцев, показали: кинескопы намного превосходят все существовавшие в нашей стране и созданы на уровне мировой телевизионной техники. Они взаимозаменяемы с зарубежными электронно-лучевыми трубками и могут быть использованы в полупроводниковых приемниках. Новая электронно-оптическая система позволила на 10 мм укоротить горловину, значительно улучшилась яркость изображения, в два раза меньше потребляется электроэнергии по сравнению со старыми трубками. В то же время полезная площадь экрана возросла почти на пятую часть. Сам кинескоп при некоторой доводке отдельных деталей сможет работать куда дольше, чем все его предшественники: гарантированная служба составит не 750—1 000 часов, а 5 000—10 000 часов, или три года. Таково заключение Госкомиссии по испытанию кинескопов, сообщенное ее председателем А. А. Травиным.

К этому можно было бы добавить, что система кинескоп—пленка—бандаж не мешает ремонту. Несложный стенд для обтяжки кинескопов пленкой можно оборудовать в специальных мастерских по их реставрации.

Однако столь радужные перспективы нового голубого экрана несколько побледнели, когда приступил к своему докладу Б. С. Малкиель — главный конструктор кинескопов.

НИИ ПЛАСТМАСС ШУТИТ...

Недостаточно прочны, оказывается, стеклянные оболочки к большому кинескопу «59ЛК1Б». Они не выдерживают тех температур, при которых откачивается воздух из баллона, и лопаются.

Долговечность электронной оптики зависит от стали, из которой она выполнена. Хорошо, если эта сталь получена при вакуумной плавке. Но, к сожалению, при таком способе изготовления сталь дорожает и себестоимость кинескопа сразу подскакивает на три процента. Председательствующий, академик Н. Г. Бруевич, тут же задает вопрос:

— А экономично ли это и целесообразно ли с точки зрения потребителя?

— Специально мы еще не изучали эту проблему,— отвечает докладчик.— Но ясно одно: сталь такая нам нужна, и пусть металлурги побеспокоятся о том, чтобы она была дешевле.

Наконец очередь доходит до пленки. СКБ электролампового завода испытывало ее механические свойства. Она хорошо переносит высокие и низкие температуры, повышенную влажность, противостоит осколкам при разрыве колбы. Но как долго она способна сохранять столь драгоценные качества? Не изменится ли со временем ее оптическая характеристика? На эти вопросы должен был ответить поставщик пленки, вернее, тот, кто определял ее состав,— НИИ пластмасс. Неофициальная информация института такая: кусочек пленки валялся года три на одном из освещенных солнцем подоконников лаборатории, и с ним ровно ничего не произошло. Каким был, таким остался. Официальная же информация более конкретна.

— Институт подписал технические условия, которыми гарантируется неизменность пленки в течение двух лет. Но тут же сделал оговорку: «При неработающем телевизоре»,— говорит Б. С. Малкиель.

— Что-что? При неработающем? — удивленно переспрашивают сразу несколько человек.

— Да-да! Это редкий случай перестраховки,— подтверждает докладчик.

или пиджаке. Пересчитывая вечером выручку, Алавидзе точно устанавливал, кто и на сколько его обманул.

Только за полгода виртуоз сумел приписать в нарядах более шести тысяч рублей и почти полностью их выкачать.

По такому же принципу шли работы возле лифтов. Бригада Куликова исправно платила калым Виторгину. Видя, что проходит любая «липа», калымщики работой себя особо не утруждали. Они даже составляли фиктивные наряды, не удосужась посмотреть, есть ли в доме лифт или нет.

Из конторы управления щупальца потянулись на все объекты. СМУ теперь напоминало гигантского спрута.

Виторгин кутил в ресторанах, купил обстановку, роскошную шубу жене, а тем временем...

Тем временем в Солнечногорске на стройке старший прораб Б. А. Грунин выколачивал для хозяина деньжонки, собирая с рабочих приписанные суммы. В Удельной кладовщик П. А. Долинин спешно выписывал счета за разгрузку несуществующих вагонов. На московских объектах прораб М. Я. Гомберг, исчерпав своих друзей и знакомых в качестве подставных лиц, начал выписывать наряды на самого себя. Присосались к государственному карману и прорабы И. Г. Зима и А. А. Козлов, мастера М. В. Захаров и Е. Б. Мизраки.

— Мы же вам больше выписали, а теперь эти деньги хозяину, Виторгину, собираем,— шептали вымогатели рабочим.

Но и себя не забывали.

Виторгин неукоснительно требовал соблюдения графика выплаты.

— Отдавайте капитал в срок и сколько положено. Иначе костей не соберете,— мрачно шутил он.

Сунулся было начальник снабжения М. А. Марченков с урезанным отчислением, но Виторгин запустил в него телефоном. На следующий день нерасторопный снабженец получил выговор в приказе «за невыполнение распоряжения».

Не брезговал Виторгин и борзыми щенками.

— Бажанов, сообрази! — раздавался утром из кабинета его басовитый рык.

Комендант СМУ Б. И. Бажанов мчался за выпивкой.

— Мизраки! — снова слышался бас Виторгина.— Сегодня «Спартак» играет. Бегом на стадион за билетами.

Иногда тон менялся, и начальник СМУ-3 уже более благосклонно давал указание:

— Ты, Куликов, скажи там своим ребятам, что у меня телевизор испортился. Сейчас «Темп-6» в продаже есть. Пусть они того... Ну, сам понимаешь... Машину я дам.

Шоферам за стоянку у магазинов и ресторанов выписывались наряды... за слесарные работы.

В СМУ началась горячка расточительства. Начальник ПТО Д. М. Мясковский в поте лица строчил «липовые» документы, нормировщик К. А. Григорьев, не отходя от кассы, оформлял наряды. Сам выписывал, сам подписывал, сам деньги получал.

Уж, кажется, что может утащить секретарь-машинистка? Однако и Е. И. Хромова не терялась. Напевая свое любимое танго «Вдали блеснул последний луч заката», она на машинке отбивала счета за «выполненные работы». Количество счетов удвоилось с той поры, как Хромова стала делиться приработком с главным бухгалтером В. У. Гашевской. Ловкая секретарша умудрилась даже получать «за охрану денег в кассе».

Кассир В. И. Фомичев, видя, как плывут денежки по «липовым» документам, в свою очередь, обложил данью от рубля до пяти каждую «липу».

Расточительство шло под гром барабанов и литавр. Выплачивались тысячи рублей на прогрессивки и премии. Портреты очковтирателей украшались еловыми ветками с розовыми бантиками. А как не украсить, если по тем же лифтам в СМУ-3 умудрились дать прибыль по сравнению с плановой на... 2 860%. Да, да, на две тысячи восемьсот шестьдесят процентов! Полмиллиона (в старом исчислении) высосал у государства «Спрут-3».

Рабочая совесть не могла мириться с таким грабежом и очковтирательством в СМУ-3. Подошел однажды Мизраки к малярам и, как обычно, ухмыляясь заявил:

— Хозяин в Одессу уезжает. С вас причитается. Гоните сто пятьдесят.

— А иди-ка ты, дядя! — в один голос ответили Александр Гераськин, Георгий Медведев, Степан и Михаил Хромовы.

Юлят, изворачиваются сейчас мздоимцы. Только куда денешься, когда рабочие в глаза говорят:

— Вымогали и брали...

Разоблачают Виторгина рабочие-телефонисты В. П. Звягин и В. Е. Ефимов. Гранитчик Н. А. Панин не только рассказал о поборах Алавидзе, но и вскрыл всю технику приписок расхитителя.

Щупальца преступного осьминога сейчас обезврежены. Но сколько пришлось возиться с каждым жуликом старшему оперуполномоченному ОБХСС Г. С. Горшкову и помощнику прокурора прокуратуры Куйбышевского района А. И. Долговой! Да и по сей день целая бригада занята этой тяжелой работой. Следователи В. И. Шалимов, В. Н. Фролов, В. С. Красников, Н. Я. Фомичева и А. В. Куликова скрупулезно выясняют степень виновности, чтобы суд мог каждому воздать по заслугам.

— Просчитался Виторгин, делая ставку на свои тюремные кадры,— заметила А. И. Долгова.— Честные люди вывели эту компанию на чистую воду.

Жулики многим старательно втолковывали: «Меня посадят, и тебе не поздоровится». Ложь это!

— Тех, кто правдиво рассказывает о кознях жуликов и о своем невольном соучастии, мы не наказываем,— говорит прокурор В. С. Ремизов и добавляет: — А есть другая категория людей, которым по штату было положено контролировать работу СМУ. Они делали вид, что им ничего не известно. Мы-то знаем причину такой слепоты. Сейчас самое подходящее время явиться этим деятелям с повинной. И совесть свою облегчили бы, и наказание было бы меньше. Вы расскажите об этом, когда писать будете.

Прав прокурор. Пускай прочтут, подумают: а может, действительно самому явиться?

Тишина. Потом смех. Потом возмущенные реплики: «Да что они, шутки шутят?» «Попробуйте продать «Волгу» с такой оговоркой, чтобы на ней не ездить, или ботинки и чтобы их не носить!» «Фиговый листок, а не гарантия!»

Что ответят на эти реплики заместитель директора НИИ пластмасс М. С. Акутин или заведующий лабораторией Г. В. Струминский, которых редакция приглашала на заседание? Присутствующие в зале ждут их выступления, затем удивленно переглядываются: «Где они?»

Увы, их здесь нет. Не пришли...

ЧТО ОТВЕТИЛА ОХТА?

Удар пришлось принять на себя заместителю главного инженера Охтинского химкомбината в Ленинграде В. С. Пуркину. Этот комбинат изготовляет поливинилхлоридную пленку. В составе пленки есть улетучивающиеся вещества. Как они поведут себя при длительной эксплуатации на экране телевизора, неизвестно. Вдруг возьмут и испарятся?

Комбинату, конечно, трудно решить такую задачу. Ответ должен дать научно-исследовательский институт. А он дает лишь умозрительные, не подкрепленные строгим научным анализом заключения!

В этом году Охтинский комбинат должен выработать для телевизоров не килограммы, а сотни тонн поливинилхлоридной пленки. Ленинградцы рады выполнить этот заказ. Но не хватает дибуцил-себацината. И совсем нет стеарата кадмия. Для ста тонн пленки его нужно всего лишь одну тонну. Но где его взять? «Его нет в стране!» — заявляет В. С. Пуркин.

— ЕСТЬ СТЕАРАТ КАДМИЯ! —

— с места подает реплику представитель Госкомитета химической промышленности А. Я. Азимов.— Тонну стеарата кадмия мы вам гарантируем. Можете быть спокойны. Сейчас разрабатывается непрерывный процесс получения различных стеаратов. И с дибуцилсебацинатом, думаю, поможем, хотя с ним сложновато. Его потребуется много, и нам надо знать заранее, сколько.

Что ж, в добрый час! Заверения А. Я. Азимова авторитетны, и не верить ему нельзя. Хорошо, когда сразу ликвидируются проблемы...

— И НАМ НУЖНО ПОМОЧЬ! —

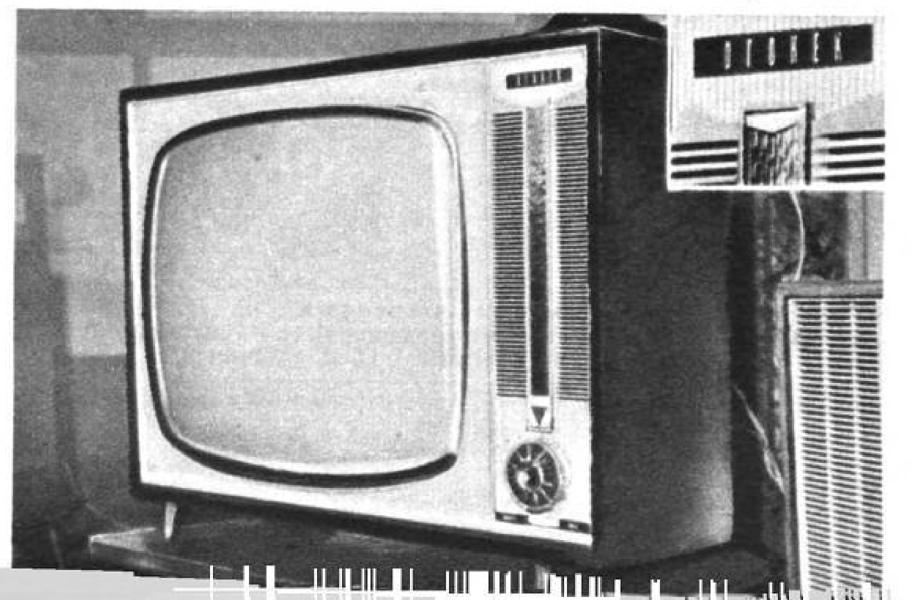
раздается голос еще одного, третьего представителя химической промышленности.— До сих пор здесь не ругали люминофоры — составы, покрывающие с изнанки поверхность экрана. Но я скажу сам о наших бедах. Ленинградскому заводу «Красный химик» нужны устройства для измерения поля свечения кинескопа,— говорит главный инженер этого завода А. А. Мегвинов.— Вот тут я вижу инженеров с Московского электролампового. Они делают такие устройства для себя. Выручите и нас, товарищи!

Не успел кончить оратор, как его засыпали вопросами — сам навел на себя огонь: долго ли будут желтые и синие пятна и полосы на экранах? Когда люминофоры станут наконец однородными? Что делается для повышения яркости люминофоров?..

— ОБОЛОЧКИ БУДУТ ХОРОШИМИ,—

обещает главный инженер С. С. Черняков.— Мы приняли к сведению замечания, касающиеся их формы. И термостойкость при массовом производстве повысится. В нашем институте и в некоторых других создается технология массового производства оболочек. Разработана первая в стране автоматическая линия для изготовления конусов к трубке «47ЛК1Б». Линией заинтересовались заграничные фирмы. Сейчас она передана Львову. Но об этом лучше меня расскажет Иван Семенович.

Телевизор «УНТ-47» — «Огонек». Фото В. Коронного.

ЛЬВОВ ДАСТ 100 ТЫСЯЧ КИНЕСКОПОВ!

— Да, это так,— подтверждает Иван Семенович Марченко, главный инженер Львовского электролампового завода.— Долгое время оболочки были причиной отставания наших кинескопов от зарубежных. Теперь мы осваиваем процесс изготовления цельностеклянных оболочек к телевизору «УНТ-47». Получена первая партия. Закончено строительство специальной стеклоплавильной печи. Начался монтаж оборудования механизированной линии производства экранов. В апреле печь должна дать стекло. В июле, полагаем, даст стекло и вторая печь. Построен специальный корпус для вакуумной обработки кинескопов, там сейчас идет монтаж оборудования. Таким образом, в этом году мы выпустим сто тысяч кинескопов для телевизора «Огонек» и три тысячи — для аппарата с экраном в пятьдесят девять сантиметров.

И. С. Марченко поддерживает заместитель главного инженера одного из управлений Госкомитета по электронной технике, член ОТС А. М. Калугин.

— Думается, что сто тысяч кинескопов Львов даст,— говорит он.

Вот слова, которые всем хотелось услышать! Телевизор «Огонек» кинескопами будет обеспечен! Надо надеяться, что это будут хорошие кинескопы.

Бурно проходившие прения подошли к концу. В них приняли участие члены ОТС Я. М. Сорин, А. М. Канаева, Ю. М. Захаров, представители Московского электролампового завода В. П. Лукьянов и Г. Л. Боровский, конструктор Львовского электролампового завода Л. В. Траубе, заместитель начальника телетреста М. С. Беседин.

Закрывая заседание, академик Н. Г. Бруевич напоминает, что ни в коем случае нельзя забывать о надежности приборов. Об этом надо беспокоиться уже сейчас, в пору рождения новых кинескопов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советская рекордсменка по скоростному бегу на коньках. 8. Повесть М. Горького. 9. Персонаж комедии масок. 10. Комиссия, присуждающая призовые места, награды. 11. Шерстяная ткань. 13. Река в Италии. 16. Единица измерения углов. 18. Постановщик танцев. 21. Рыба, способная передвигаться по суше. 24. Город во Франции. 26. Эластичный материал. 27. Цветок. 28. Автор комедии «Женитьба Фигаро». 29. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 30. Народный герой Италии.

По вертикали:

1. Полуостров Центральной Америки. 2. Покрышка книги. 3. Союзная республика. 4. Лесная певчая птица. 6. Электронная лампа. 7. Приток Оки. 11. Стилистическое направление в европейском искусстве XVI—XVIII веков. 12. Пушной зверек. 14. Математическое действие. 15. Ягода. 16. Порт в Югославии. 17. Созвездие южного неба. 19. Места в зрительном зале. 20. Старинная рукопись. 22. Совокупность местных говоров. 23. Озеро в Казахстане. 25. Минеральная вода. 26. Быстрый, виртуозный пассаж в пении.

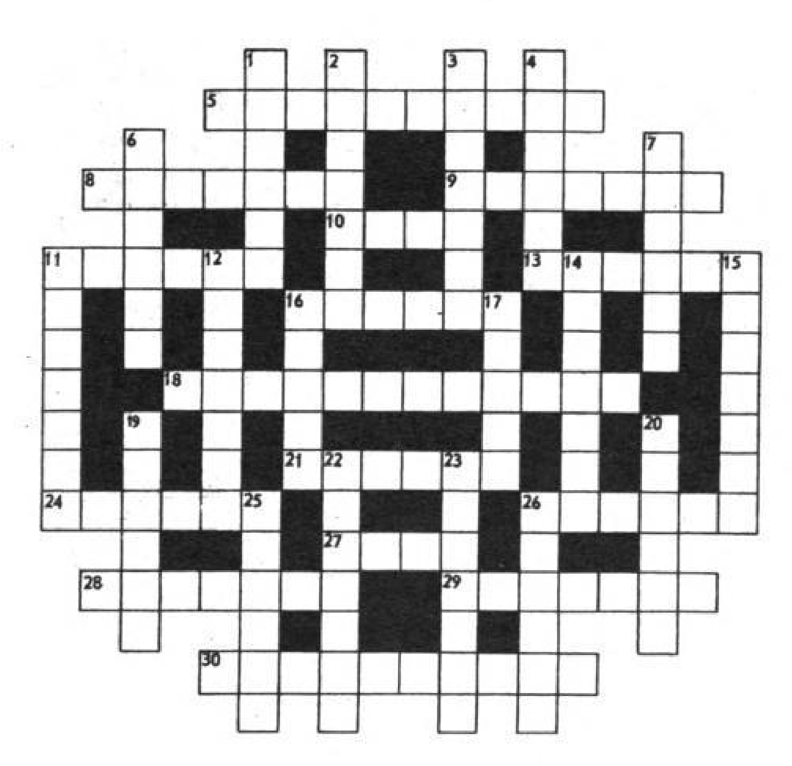
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

5. «Псковитянка». 8. Инсбрук. 9. Уланова. 12. Перрон. 13. Гамак. 15. Баркас. 18. «Крокодил». 19. Радиатор. 20. Электроника. 23. Скатерть. 24. Рахметов. 25. Модель. 26. Школа. 29. Зяблик. 32. Желатин. 33. Вратарь. 34. Марковников.

По вертикали:

1. Якорь. 2. Квакша. 3. Струна. 4. «Анчар». 6. Антракт. 7. Квартал. 10. Репродуктор. 11. Лаборатория. 14. Макаренко. 16. Бизерта. 17. Барибал. 21. Стрелец. 22. Терборх. 27. Каньон. 28. Лавина. 30. Старт. 31. Марка.

На первой странице обложки: Батима Часакбай — студентка Казахского университета имени С. М. Кирова.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: В Подмосковье.

Фото Н. Немнонова.

Фото Дм. Бальтерманца

М. АЛЕКСАНДРОВ

Четверо и песня

Четыре молодых музыканта пришли к нам в редакцию. Двое были с инструментами — гитарой и контрабасом, у третьего в руках нотная папка, четвертый ничем не был обременен, и можно было понять — певец. Тот, что с нотами, оказался композитором.

Так они и выступали в небольшом зале редакции: Борис Райков у рояля, Леонид Маслов играл на контрабасе, Евгений Тепляков — на гитаре, Анатолий Юдин пел.

Песни товарища объединили их. В студенческом общежитии музыкантов они репетировали, сначала в одной комнате, потом в другой, чтоб не очень надоедать окружающим. Ведь трое из этого квартета — студенты.

— Я учусь в Гнесинском, приехал из Перми, работал там радиотехником,— говорил Анатолий Юдин.

— Я занимаюсь в музыкальном училище при консерватории, — вторил Евгений Тепляков, — сам из Ташкента, был корреспондентом, газетчиком.

— Я тоже гнесинец,— рассказывал Леонид Маслов, — прибыл из Краснодара, работал в Доме культуры маслокомбината.

Ну, а четвертый — тот, ради песен которого собрался маленький молодежный ансамбль, названный ребятами «Экспромт». Борис Райков — воспитанник Ленинградской консерватории, композитор и пианист.

Сочинять музыку начал давно — по масштабам своего возраста, конечно. В семь лет парнишка создал первый опус, весьма динамичную пьеску «Всадник в степи». Потом первая награда — армейская звездочка и шоколадка, подаренные новороссийскому мальчишке солдатами за то, что здорово спел им несколько песен на привале.

В годы студенческие, консерваторские появились у Бори Райкова квартеты, сонаты, цикл романсов на слова Николаса Гильена — вещи серьезные. Песни? Они появились тоже. Почему серьезному музыканту не писать песни вместе с сонатами? Любая музыка хороша, была бы хорошей.

— Бах и Бетховен отлично дружат с песнями, — убежденно говорит Борис, — их вражду выдумали «пуритане», выдумали зря!

Песни, которые создавал Борис, легко находили себе дорогу к людям. Их распевала молодежь в пору весенних белых ночей на Ленинградском фестивале. В радиопередаче «С добрым утром» еще в июле 1962 года певец Владимир Трошин исполнил «Песню о мужской дружбе» Райкова. Песня пришлась по сердцу людям. Сколько потом писем получил Борис! «Каждый парень пережил такую ситуацию...» — писал слушатель радио из Шуи. «За песню спасибо,— писал человек из Чувашии, тоже, видно, переживший не новую, но всегда острую ситуацию, когда между хорошей мужской дружбой встает не менее хорошая любовь.— Вы помогли мне сохранить дружбу...»

Песен новых с тех пор написано много. Одни уже поются и знакомы людям, иные еще нет.

Весь состав музыкального ансамбля играет по заданию строгих педагогов вещи классические, серьезные. Чудесно, например, звучит на гитаре Бах, даже сам Александр Михайлович Иванов-Крамской, классик гитары, доволен! Разучивает партию Онегина солист дружеского ансамбля. Мечтает сыграть концерт с симфоническим оркестром контрабасист...

Вечером Борис Райков приносит в студенческое общежитие еще одну, только что написанную песню. Садятся репетировать. И потом несут эту песню студентам, в рабочие клубы. Летом, во время каникул, поедут все вместе в Сибирь, на стройки.

Им не хочется расставаться, да и не надо.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Задумчиво

За_ме_те_ли_ло с ве_че_ра. Снег кружит над землей. Не весной ты мне встретилась, а хо_лодной зи_мой. Ты та_ка_я кра_си_ва_я в этот вечер ян_вар_ский... Ты за смелость про_сти ме_ня, из какой ты сказ_ки?

Для повторения

espress.

Из какой ты сказ_ки?

Для окончания

сказ_ки?

smor_ _zan_ _do

Из какой ты сказки?

Музыка Б. РАЙКОВА. Слова А. ГОВОРОВА и Б. КУЛИКОВА.

Заметелило с вечера,
Снег кружит над землей.
Не весной ты мне встретилась,
А холодной зимой.

Ты такая красивая
В этот вечер январский...
Ты за смелость прости меня:
Из какой ты сказки?

Сколько книжек прочитано
О тебе, моей нежной,
Ты была Аэлитою,
Королевою Снежной.

Но ты всех их красивее
В этот вечер январский...
Ты ни с кем не сравнимая.
Из какой ты сказки?

Так приходит, наверное,
К нам из книжек и снов,
Может быть, безответная,
Но большая любовь.

Ты такая красивая
В этот вечер январский...
Ты за смелость прости меня:
Из какой ты сказки?

МАРКИ МОНГОЛИИ

Марки Монгольской Народной Республики радуют филателистов своей красочностью и оригинальностью рисунка. На публикуемых здесь иллюстрациях вы видите серию марок, посвященных достижениям советской космонавтики.

Н. САТАРОВ

●

СТРАУС—СТОРОЖ

Австралийский фермер Грайсон использует страуса, которого он называет «мистер Ватсон», для охраны пасущихся овец. По словам хозяина, страус свои обязанности выполняет квалифицированно и добросовестно. Грайсон нашел страуса случайно, когда тот был маленьким, и с самого раннего возраста начал готовить его к роли сторожа.

●

Фотографирует морская свинка

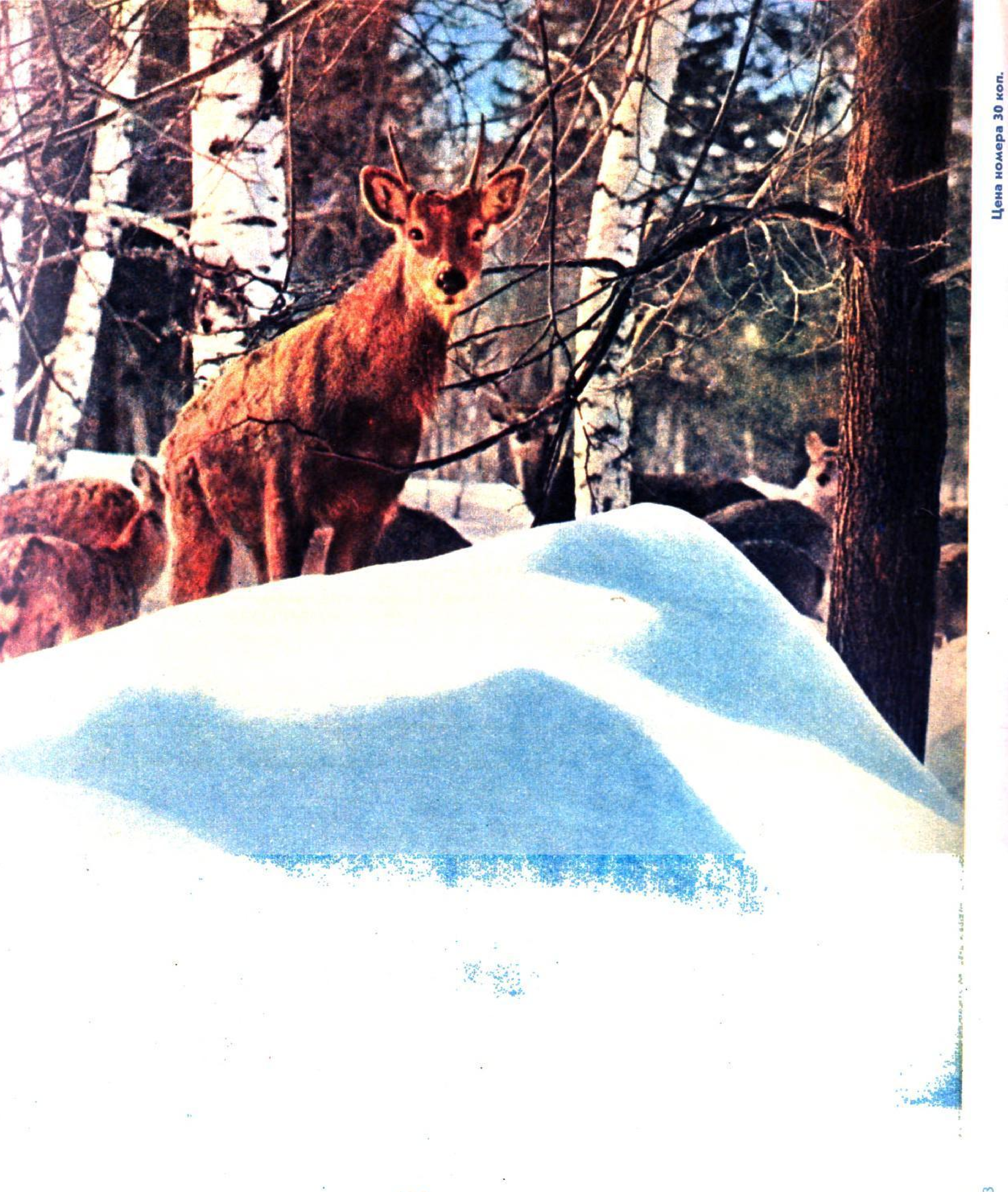

Келлар и Мариан Бреланды, американская супружеская чета, занимаются изучением психологии животных. Дрессировка дает им большой материал для наблюдений и выводов. Им удалось научить кур толкать мяч, а собак играть в пинг-понг. Дети, посещающие лабораторию Бреландов, в восторге от дрессированных животных. С особым интересом они бывают в комнате, где их фотографирует морская свинка.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00621. Подписано к печати 5/II 1964 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 000 000. Изд. № 198. Заказ 252.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.